N/T D-M
2021
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАРИКА И ВАЛЬКИ
роман-коллаж
часть вторая

Надо сказать, за годы этих посещений он неплохо устроился. У него славный шалашик на склоне, куда не достигает прилив - «камералка». Там он прячет кой-какой инструмент, гербарные папки, сачки и банки для насекомых, запас спичек. У него есть что-то вроде столика и скамеечки, даже керосиновая лампа. Спальный мешок. Он ночует здесь редко, и только один раз рискнул пробыть в своем «Зазеркалье» неделю. Дайте только срок, он раскроет секрет в Академии наук и выхлопочет командировку. Месяца на два... и лаборанта... Мечта у него — добраться до Западного полушария, до Южной Америки. Вот где чудеса флоры, одно другого удивительней... и предки тех колибри, от которых Уоллес сходил с ума — какие они? Уже наладили с орхидеями симбиоз?

Нет. Пока лотосы.
По привычке профессор оформляет свои мысли в виде лекции.
Лотосы, вместе с магнолиями, произвели переворот в растительном царстве. Они обзавелись ЦВЕТАМИ... еще в меловом периоде, 100 млн лет назад. Да, самые древние — и самые роскошные. У лотосов, кувшинок и кубышек, включая загадочную Викторию Регию, ученые находят множество очень примитивных черт в строении лепестков, например, или тычинок, того, что составляет самую суть «Революции Цветов». Потому что сперва незаметные, малюсенькие шишечки и нити превратили крошечные листки, прикрывавшие колыбельку для семени, в некое образование, которое у людей станет образом прекрасного, нежного, маняще-беззащитного — образом рая, грубо говоря.

Как уж это было в самом начале — мы не знаем. Каким-то образом эти прицветники стали светлеть, бледнеть, розоветь, а потом еще заманчиво пахнуть. И заманивать к себе насекомых. И они научились друг друга понимать, и, объединившись, начали свое триумфальное шествие по материкам, по горам и долам, побережьям и пустыням, и уже 50 млн лет, с эоцена, обитают на Земле те порядки и семейства, которые нам знакомы. Их было больше, многие не дожили до нас, увы; та же судьба постигла бы и лотос... его родичи *процветали* буквально в третичном периоде, а в четвертичном начали убывать, сокращать свои ареалы. Так и пропали бы; но тут на Земле появилось свирепое Чудовище — *человек*... и стал безжалостно истреблять животных, растения, и себя заодно. Но, увидев уже довольно редкий лотос, он вдруг возлюбил его... *Краса, природы совершенство,* — пропел троглодит, — *и аромат божественный!*

Кто научил его, что на свете есть КРАСОТА? И красота есть БОЖЕСТВО? Но шумеры, египтяне, китайцы и разные другие народы поверили, что раз есть такие цветы, то есть Рай. И в раю все восседают на лотосах. Они стали разводить и оберегать лотосы, на всякий случай — вдруг получится устроить рай прямо здесь. Они же еще и вкусные!
Китайцы провозгласили лотос символом моральной чистоты — он растет в грязи, а она его не пачкает. Листья у него покрыты глянцевым слоем, с которого вода скатывается.

Гурген Сарбазович мысленно уже там, где тепло и нет совсем людей, где ему предстоит увидеть волшебный цветок. Вдруг ему вспоминается стихотворение, слышанное от знаменитого китаиста во Владимирке:

А я так люблю один только лотос —
за то, что из грязи выходит, но ею отнюдь не замаран,
и, чистой рябью омытый, капризных причуд он не знает.
Лотос — он среди цветов — рыцарь чести, благородный человек...

Все это была Преамбула.
А сейчас начнется АМБУЛА!

Услышав внезапно какой-то громкий разговор с той стороны, где стоит часовой, профессор осторожно приоткрывает дверь. Там уже кричат.
— Не могу! Нельзя! Не разрешено! — кажется, это часовой, как его...?
— Милиция! Открой, мы только войдем и уйдем! Сбежали...
— Нельзя! Секретный объект особого назначения! Идите в комендатуру!
— Да что мы сделаем твоему объекту? Открой, живо! Они здесь!
— Вы что? Нельзя!
Спокойный голос с той стороны: обойдем, пройдем по крышам, тут целый город, я знаю. Пошли...
Часовой: Стрелять буду! Приказ! Государственная тайна!
Вот некстати... Что делать? Войти внутрь, затвориться?...
Какое-то движение. Профессор быстро оглядывается. Рядом с дверью прижались к стене два мальчика — или два подростка? Тощие, грязные и страшно напуганные.
— Дяденька, — шепчет младший.
— Товарищ, — сипит простуженно тот, что повыше, — спрячьте нас, пожалуйста... Мы из детдома сбежали.

Мальчишки — военные сироты. Валентин, старший, из немцев Поволжья, депортированных в Казахстан. Ему 14. «Карик», Карен, лет 10-12, черноглазый, сам не знает, из какого он народа. Ясно, что с Кавказа. Родился он уже в степи, там же и осиротел, сначала его берегли какие-то родственники, потом их погнали дальше, каким-то образом ребенок остался у кочевых казахов. Может быть, просто подобрали брошеного. Валентина усыновила другая казахская семья, хорошая семья, почти зажиточная. Растили его, как сына, всему учили, что нужно знать казаху. Он и родной язык немного помнил. А потом что-то произошло... Карик побывал в русской семье (казачьей), его и в школу отдали. Вдруг начали проверять семьи, детей, кто-то кого-то искал, сирот собрали в детприемники, то объединяли, то делили — и в результате Карик и Валька поехали в Москву в одном вагоне. Привезли их сначала в какой-то огромный дом, потом распределили по разным. И попали они в Детский дом имени... кого-нибудь. На Лосиноостровской улице. Не знаю, был ли там детдом; эта улица была застроена дачами. Но мог быть, на том месте, где сейчас Пансионат для стариков. Многоэтажный.

— Сюда, — говорит старый ученый, втаскивает-вталкивает мальчишек в бункер, плотно закрывает дверь и включает свет. Дверь герметичная, ни звука, ни проблеска света.

Беглецы испуганно оглядываются. Их спрятали или поймали? У старшего свирепый взгляд...
— Вы будете там, где вас никто никогда не найдет, — теперь Асланян обращается прямо к старшему, — ничего не бойтесь и ничему не удивляйтесь.

Он поспешно открывает принесенный чемодан, достает пакет в газете, другой такой же пакет берет с полки.
— Это очень важный эксперимент, научный. Совершенно секретный.
Вталкивает ребят на нижнюю чугунную сковородку, становится рядом с ними и поднятой правой рукой проводит по висящей в воздухе крышке, крикнув резко: не шевелитесь!

Мы с вами примерно представляем, где они должны очутиться. Не успев даже зажмуриться, испугаться. Вот что они увидели — очень много моря, очень много неба, скалы вдали... и вдохнули немыслимо чистый воздух.

— Я вернусь, — торопливо говорит профессор, — надеюсь, скоро, но не знаю... на это самое место. Купайтесь в море, только на солнце не сгорите. Смотрите туда — вон туда смотри, видишь? Вон-вон, там начинается тропинка, видишь? Идите по ней, там у меня палатка. Там ручей, пейте из него. Это вам... — он сует парню свои пакеты, — в палатке тоже немного еды. Не заходите в лес. Другой воды не пейте. Больше ничего там не трогайте. Берегите спички!
Он вступает в пустоту между двумя сковородками. Исчезает.

Молодое сознание гибко... Мальчики никогда не видели моря.

Валька машинально сжимает руку младшего выше локтя. Перед ними — широкая полоса мокрого песка. Над ней, и над морем вьются чайки, отлив еще не закончился, птицы хватают что-то из воды, подбирают с песка...

Профессор выходит из лаборатории, не спеша прикрывает дверь, направляется к пропускному пункту. Спор между представителями силовых ведомств почти в том же состоянии.
— Что там у вас, товарищ сержант?
— Милиция каких-то преступников ловит, все склады обшарили, теперь до лаблатории добрались. Обыскать им надо, ишь какие!
— Лаборатории, Федор. Это вы, товарищи? — через плечо караульного обращается Гурген Сарбазович к операм. — Вам часовой не объяснил разве, что у этого объекта тройная линия защиты? Статус объекта такого уровня секретности, что я даже не могу вам посоветовать, к кому обращаться за разрешением. Часовой и сам не может заходить за ограду. Могу вас уверить, что диверсанты и шпионы никак сюда не проникнут. Даже с парашютом — их подстрелят в воздухе, ночью у нас прожектор.
— Да нет, какие диверсанты, — смущается лейтенант, — подростки из детдома...
— А... бедные ребята. Что говорить, война детей больше всех обижает. Я вам советую: свяжитесь с начальством, но про этот объект чем меньше говорить, тем лучше.

Вот именно. Гурген Сарбазович очень обеспокоен этой заварухой. Кто-то начнет что-то проверять, выяснится, что его пропуск-допуск больше всего похож на документы времен гражданской войны, выданные неизвестно кем и бог весть на каком основании, вроде «нансеновских паспортов». Если его задержат... даже на время, для проверки — что будет с ребятами? Они там с ума не сойдут? Смогут ли приспособиться? Начнут искать что-то съедобное...

Крупных плотоядных там *(тогда)* нет *(не было)*, их-то самих никто не съест. Правда, кажется, были крупные китообразные, но там мелко. Эх, не сказал им, что можно есть морских моллюсков...

Беда в том, что картинок на тему третичного периода, четвертички, эоцена и т.д. довольно много, но там все больше жирные бронтотерии, огромные, вроде тапиров с мордами примерно как у бабируссы (такая свинья африканская). Титанотерии вовсе займут всю страницу; их можно притом расписать полосами и пятнами, по желанию художника, но лучше не надо. Скорее всего, они были бесцветные, как слоны и носороги... А птиц почти не рисуют. Разве парочку фламинго...

На самом деле эоцен — Царство Птиц. Они там на суше и на море, в лесах и на горах. Многие похожи на наших, почти все семейства и роды уже представлены. Предки гусей, цапель, чаек — они скорее всего выглядят не так, но заняты тем же. Вот например зимородки. Их сейчас много разных, или вот кукушки... Не помню, чтобы кто-то из наших писателей мечтал о «стране непуганых птиц». Разве что Пришвин... Вот это она и есть.

А художники предпочитают, конечно, рисовать огромных страшных фороракосов, эпиорнисов, или «ужас лесов» — диатриму! Конечно, эффектней, чем стаю воробьев или даже голубей.

….....

Мальчики не задумываются, на самом деле это все или только кажется. Глупость какая. Вот мы, а вот море и горы, и солнце. Сказали же — научный эксперимент. Тревожно, конечно. Валентин разворачивает один из пакетов. В нем нарезанный батон, нарезанная колбаса, вареная, полкило примерно, и бутылка ацидофилина. В другом — мешочек черных сухарей, пачка чая, фунтик сахара и банка говяжьей тушонки, кусок банного мыла...

(У нашего профессора вполне аскетические привычки. Он берет еду дня на три, чтобы не отвлекаться, и хранит небольшой запас в хижине, в палатке, о которой сказал ребятам).

Беглецы усаживаются на выступающем из воды обсохшем камне, сбрасывают ботинки, свешивают ноги в воду и серьезно, с чувством съедают по бутерброду с колбасой. Смотрят на птиц, на горизонт. Валентин, подумав, складывает еще два куска хлеба с колбасой.

Молчат.
Валентин заворачивает припасы обратно в газету, снимает куртку, в неё заматывает оба пакета, снимает остальную одежду — младший, глядя на него, тоже — подсовывает поглубже под выступ камня, и друзья идут купаться. Они боятся отойти дальше в море и просто медленно, долго моются, оттирают горстью песка сырую, холодную, липкую грязь общежития от своих детских, юных тел. Ложатся на песчаное дно, и волны набегают и отбегают, освежают и согревают, баюкают, гладят...
Потом они стирают свою одежду. Потом уходят повыше, потому что, кажется отлив окончился. Ложатся на горячий песок и засыпают. Валька спит вполглаза; старается не потерять то место, где исчез таинственный спаситель. Спаситель?

Профессор Асланян не может решиться. Махнуть рукой на все — и туда, в землю обетованную, заботиться о беглецах, учить их, воспитать себе помощников, юных ученых... устраивать далекие походы, наблюдать, запоминать, описывать, собирать коллекции... что, если где-то прямо завтра решат все закрыть, изолировать, ликвидировать...
И, кто знает, навсегда распрощаться со своим временем?
Он гасит свет, выходит, закрывает дверь, вешает замок, поворачивает два раза ключ. Прячет в карман. Эх, надо было раньше сделать английский замок.
Сержант Федор дожидается его у проходной.

— А ведь тут точно кто-то был, Гурген Саврасович, — говорит он почти шепотом. — Мне Витька сказал, что оставил в заначке полпачки Севера и яблоко. А там пусто...
Профессор слегка подмигивает.
— Может, хотел оставить да забыл. А может, вы яблоко съели и забыли, а Север у вас в кармане. И вы мне о таких пустяках не говорили. Подумайте, Федор, вы умный человек: вы бы сбежали, скажем, из части — вы бы куда дернули?
— На железную дорогу, на станцию... а то на пути — прицепиться к поезду, а там куда увезет, смотреть дальше...
— Ну вот. И ребята сообразили бы. Разве в лесу спрячешься?...

Нижний эоцен — мечта о земном рае, земля обетованная...

Тепло даже у полюсов, но тем не менее там успели завестись пингвины. Некоторые в два метра ростом. Земля времён эоцена полностью залечила свои раны после «мел-палеогеновой катастрофы». Для млекопитающих и птиц наступила эпоха процветания. В тропических джунглях во множестве водились предки современных лошадей, коров, свиней, тапиров, носорогов, оленей, верблюдов, многих видов грызунов, а также предки приматов.
При этом только появились предки муравьев, которые, по словам Уоллеса, делают жизнь в тропиках невыносимой. Появились первые разновидности ядовитых змей, морские и океанические побережья были полны разнообразных птиц...
Жизнь в море была примерно как сейчас, ракушки, медузы, морские звезды. Только планктона было гораздо больше, и вдобавок к множеству рыб появились первые киты — длинные, похожие на морских змей. Возможно, водные млекопитающие развились из группы хищных копытных млекопитающих, вернувшейся к водному образу жизни. Гигантское животное, названное *эндрюсархом*, имело почти метровый череп (это его Ефремов изобразил под видом чудовищной гиены, убитой отважными друзьями на краю Ойкумены). Только, похоже, эта тварь была не слишком проворной, скорее всего она питалась падалью. А предки собак и кошек были размером с куницу.
Крокодилы и черепахи были примерно те же, что сейчас.

Словом, проблема Волка и Ягненка в Раю решалась явно в пользу «кроткого». Вот и вырастали они размером с дом.
Боюсь, что лемуры тоже выглядели не так, как на Мадагаскаре. Могло у них не быть таких шикарных полосатых хвостов...
Икароникте́рис был первой летучей мышью, очень похожей на современных летучих мышей с крыльями из участков кожи, туго натянутых на длинные тонкие пальцы. Это насекомоядное животное, вероятно, охотилось по ночам, когда прочие воздушные хищники не летали из-за темноты...

Многое из этого было неизвестно не только профессору Асланяну, но и самым передовым палеонтологам 50-х годов. Трудно было оценить степень риска. Во время своих тайных экскурсий Гурген Сарбазович ни разу не подвергался опасности; но кто знает...
Вернуться к ним прямо сейчас?..
Ученый вдруг сворачивает и решительно направляется к биостанции.
По пути изобретает предлог для непланового посещения; что-нибудь насчет следующего семинара — где его проводить, на прудах или... что-то в этом роде. Но на биостанции все возбуждены и взволнованы, все обсуждают вчерашнее нашествие милиции, обыски. Милиция вывернула наизнанку сенной сарай, дровяной, склад инвентаря, перепугала лосей и лошадей, перерыла лаборатории, допросила сотрудников — вот и сейчас какие-то патрули снуют по лесу. Ученые, лаборанты и рабочие бродят вперемешку, кто с граблями, кто с бумагами, собираются то и дело в кружки. В самом большом кружке гостья, служащая интерната, знакомая одной из работниц.

— Они хорошие ребята, — сообщает вестница. — У нас такие есть, что ночью в переулке встретить не приведи бог. А Валентин молодец. Он сильный очень, его уважали. Он младшего защищал, черненького. Они оба сначала и по русски не очень... но учились, старались. А с сентября старших, шесть парней, забрали в ремесленное. У нас ведь готовят ремонтников, на паровозы, на вагоны. А там, в ремеслухе, шпана ростокинская, богородская, с ножами, с кастетами. Их много, нашим надо к каким-то примкнуть... потом, они у нас бритые наголо, а те отпускают себе чубы... смеются над ними. Возвращались ночевать побитые, помятые. А Карьку этого, глазастенького, обижать начали...

«Надо туда сейчас же», думает профессор.
Интересно, что сделал бы тот или иной из сотрудников, если бы наткнулся на беглецов, и те попросили помочь? Рабочие, скорее всего, спрятали в стоге сена и вечером принесли полбуханки хлеба. А директор... Директор мог бы сделать что-то умное. Мог бы связаться с начальником отделения и директором детдома и как-то согласовать ситуацию, избежать крутых мер. Кому нужно уголовное дело с несовершеннолетними? Но сейчас, конечно, уже поздно, колесо покатилось...
Директор биостанции хороший человек. Раскаявшийся генетик. Смертельно боится своей заместительницы, пылкой последовательницы Лысенко, одержимой творческими идеями. Она мечтает организовать в широком масштабе приручение и разведение лосей для нужд народного хозяйства, а также планирует эксперименты с гибридизацией лосей и коров. И доносит на директора, ежемесячно по плану и спонтанно в случае надобности.

Ботаник встречает зоолога возле загона с перепуганными оленями.
— Директор у них сволочь, — с сердцем произносит руководитель биостанции. — Ребят как-то водили к нам на экскурсию. Тощие, больные, голодные, так и стреляют глазами, что бы спереть. Обувь страх смотреть, подошвы оторваны, шнурков нет. Война-то все же давно кончилась. Знаете, коллега, детские дома бывают иногда очень хорошие, там персонал просто святой, свое из дому несут... правда, больше с девочками, они жальче. Мальчишек словно нарочно в бандиты готовят. Может, этого снимут все-таки...

Скорее, скорее туда. Вот только два слова с директором насчет учебной программы. А то позже, кто знает, спохватятся: чего он сюда приходил? Ох, пуганые мы все...
В директорском кабинете разговор затягивается. Гурген Сарбазович решает все-таки отложить бросок в эоцен, сообразить, купить что-нибудь неотложное для ребят. Он их ботинки не разглядел. Но пронести большой сверток в бункер вряд ли выйдет. Ну, там посмотрим.
В эту ночь Асланян не спал.
.....

— Вальк, мы в Крыму, да? — спрашивает Карен.
Старший молча смотрит в сторону скалы, похожей на ворота. Валентин — крупный, тощий, костистый мальчишка с большим ртом и оттопыренными ушами. Вообще он старше, чем записано в его документах. Ему скоро 16, и зовут его Вальтер, но приемным родителям еще в Казахстане посоветовали кое-что поменять. Он больше думает, чем говорит. Крым? Да, говорили, что есть такое место. Там тепло и красиво, и там море. И там Артек, детский дворец, куда отправляют самых лучших пионеров. Он никогда не был пионером; на Карьку, кажется, надевали какой-то галстук, по дороге в Москву, в эшелоне. Может быть, если пройти через эти ворота, вдоль края скалы, там мелко — по ту сторону и окажется великолепный Артек?
Сколько времени, думает он, им нужно ждать старого чудака? Если он сказал про свою палатку, наверно, вернется не сразу. Тропинка где-то там, у края ворот, туда он показывал. Пойти поискать? Вечер еще не скоро. Ночевать можно и здесь, на теплом песке. Можно развести костер. Плавник валяется кругом, водоросли сухие. Спички у него есть (кстати, и нож). Стоит ли? Вдруг кто заметит? Вдруг их найдут? Эксперимент секретный, вдруг они выдадут важную тайну?

— Пойдем, Карик, поищем его палатку, — говорит он.
Мальчики встают, натягивают сырые рубашки и трусы, подбирают остальную одежку и провизию, направляются к скале. Тропу они находят легко и начинают подниматься почти как по лестнице, только иногда карабкаются. Кто-то немножко поработал, где-то вырезал куст, где-то убрал камень. Склон не очень крутой, и они быстро добираются до плоского карниза, огибающего скалу. Словно балкон древнего замка... за углом скала нависает над небольшой пещерой, или гротом. В нем ютится даже не палатка, а кусок ткани, натянутый на корявые палки и прижатый камнями. (Парашютный шёлк, между прочим).

Да, самое же главное. Старик говорил про ручей; где-то он здесь, слышно, как журчит. Несколько шагов дальше, вдоль карниза. Там обрыв переходит в крутой зеленеющий склон, между выступами камня там что-то цветет, а вот из скалы выбивается родничок, даже ямку себе в камне выдолбил.
Они пьют воду из горстей. Какая чистая, какая вкусная! Да, и какая холодная, в такую жару...
— У него там, наверно, черпак есть какой-нибудь, — говорит Валентин.
Они возвращаются к «палатке» и осторожно забираются в нее. Сразу у входа стоит перевернутый армейский котелок. Под стеной что-то завернутое в такой же шёлк, жестяные банки побольше и поменьше, на полу примятое сено и еще два куска шёлка. Простыня и одеяло, наверно. Кучка наломанных сучков.
Бывший помощник чабана ориентируется мгновенно. Приносит воды в котелке, раскладывает костер снаружи палатки (и растопка припасена!) Мысль о загадочном враге-шпионе, от которого надо скрываться, исчезает сама собой. Старший ставит котелок между полешками, открывает самую маленькую жестянку, там, конечно, чай, в жестянке побольше — сахар! в самой большой крошки сухарей; в другом пакете, который сунул им спаситель, мешочек сухарей. Как все хорошо, как умно устроено. Есть алюминиевая кружка.

Из нее они по очереди пьют крепкий сладкий чай. Доедают хлеб и колбасу.
Дотемна сидят они перед палаткой возле догорающих углей, непривычно сытые, непривычно чистые. Смотрят на закат, потом на звезды, огромные, яркие. И наконец заползают в палатку, крепко засыпают в шелковой постели на каменном полу...

Ребята сами не знают, сколько проспали. Они *засыпают* свое потрясение — бегство, страх, старика, который их сначала увел в странную комнату и запер, а потом они оказались на берегу моря, а старик исчез. И просыпаются они в палатке, оба сразу, смотрят друг на друга — значит, теперь так будет всегда, будет море, песок, скалы, даже если старик не вернется. Только бы остаться здесь.
Они не стали одеваться, пошли к ручью, взобрались немного выше над источником, смотрят со скалы вниз, на берег по ту сторону каменных морских ворот. Дворца что-то не видно...
— Валь, это что, коровы? — спрашивает Карик.
Валька не отвечает. Когда он бегал за скотиной у казахов, коров там кажется не было. Верблюда, коня или барана он бы узнал...
.....

...И снова воздух, влажный, морской, запах водорослей и нагретых солнцем камней... снова огромный свет... закат...
Старый профессор внезапно понимает, что каждый раз, вступая в загадочный аппарат, вполне допускает возможность оказаться нигде, ни там ни там, нигде не оказаться.
Это он видел не раз. Отлив. Просторный песчаный пляж с клочками морской травы. Между водой и песком бродят птицы, что-то в траве вылавливают, взлетают, ссорятся. В стороне небольшой костер, возле него двое тощих мальчишек чем-то заняты. Увидели профессора, выпрямились, ждут...

— Крабов варите? Молодцы, — говорит Асланян.
В огне стоит его котелок, там что-то кипит. Профессор сбрасывает пиджак, рубашку, обувь, заворачивает штаны. Деловито направляется к оставленным на песке дарам моря. Птицы не спешат убраться с дороги. Он поднимает что-то живое, показывает ребятам.
— Маленький кальмар. Тоже съедобный, только варить нужно дольше.
— Мы котелок взяли, — тоненько говорит младший. Профессор кивает.
Я вам принес кое-что на первое время, — он кивает на какие-то предметы, брошенные возле аппарата. — Мы потом обсудим, что нужнее. Вы, значит, палатку нашли, это хорошо, источник тоже. Пойдемте, хочу вам показать, что тут еще есть.

Он ведет их сквозь ворота в скале. Там сначала такой же пляж, дальше лес до самого края воды. И никаких примет людей: ни дома, ни дороги, ни телеграфных столбов.
— Смотрите, ребята. Это мангровые заросли, место очень интересное, но страшное, опасное. Заблудиться там пара пустяков. Но если уметь, рядом с ними с голоду не помрешь. Пока без меня туда не ходите, на литорали тоже можно неплохо прожить. Это песчаная полоса, которую в отлив заливает всю, и она превращается в часть морского дна, а через шесть часов это уже часть суши, она и называется «литораль».

Наставник показывает, как искать птичьи и черепашьи яйца. Волна подступает и отступает, унося водоросли и скорлупки (это не водоросли, это водный папоротник азолла, профессор потом объяснит, что именно гиперразмножение этого папоротника позволило поглотить огромное количество углекислого газа и остановить парниковый эффект. Это — один из примеров огромной роли биоты в круговороте веществ в окружающей среде!)
Ах, какую лекцию прочел бы он там, в тюрьме! Ничего, что он слабо подкован в моллюсках и ракообразных, в иглокожих, голотуриях там всяких! Главное — обобщение: смотрите, вот здесь, на стыке трех стихий...
— Видите, мы здесь не в воде и не на суше. Но при этом в воздухе! Вода схлынула, а множество морских жителей не успели уплыть вместе с ней. Они не могут дышать воздухом, как мы не можем дышать водой; они погибнут, если что-нибудь не придумают. Вот мелкие рыбки в луже. Если лужа не высохнет до прилива, они спасутся... ах да. Если их не заметят птицы. Видите, бродят. И еще летят.
Раковины могут плотно сжать створки, как мы можем сжать зубы и задержать дыхание. Мы на пару минут, моллюски — на несколько часов. Они не двигаются, не разговаривают.

Полежат, пока вода прихлынет, и опять откроются. Если раньше их не найдет птица с очень крепким клювом. Вот и крабы закроются в своей скорлупе...
— Если птица... и мы тоже нашли, — говорит Валентин. — А почему они не спрячутся поглубже, чтобы их не вынесло на сушу?
— Потому что там холодно и мало воздуха. Этим животным — да, ученые их тоже называют животными, а не только слонов, коров и крокодилов. Млекопитающие — это «звери», даже мыши... И подводным животным, и морским звездам — да, вот таким, — тоже нужен воздух, но он должен быть растворен в воде. Верхний слой воды прогревает и просвечивает солнце. В нем приятно купаться, правда? А им жить приятно. И еды здесь много, всякой мелкоты, инфузорий, рыбьей икры, личинок всяких...

Как же, черт, мало я знаю, думает ботаник, у нас же был целый семестр... брюхоногие, головоногие, аммониты, медузы-горгоны, палеоген, неоген, четвертичка... с нас и не спрашивали. Те самые усоногие, которых Дарвин коллекционировал. Мне это и не нужно, важно почувствовать общую картину...

В придонном... или пурпурном? зареве мистической Авроры...
Там — там... кораллы бездн, как... некие леса...
И что-то где-то там мы видим чудеса
Цветущей фауны и движущейся флоры...

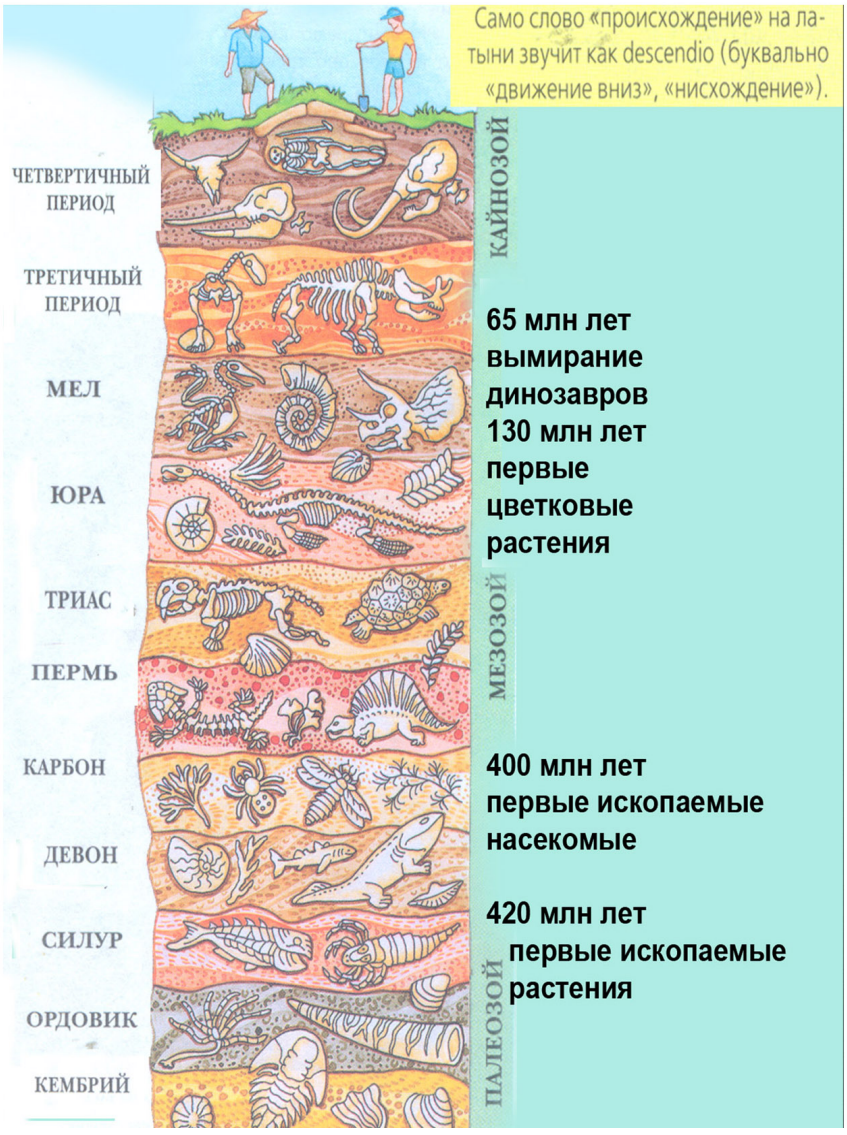
Скажешь про цветущую фауну, засмеют. А, ладно.
— Значит, тепло, светло и еды много. От добра добра не ищут. Но — есть риск. Ведь и люди рискуют, чтобы жить в хороших местах, лучше всего — у моря, или у большой реки. За эти места сражаются. Побеждает тот, кто сильней— закон природы *(что я говорю?)*, кто лучше спрячется, защитится, отрастит крепкий панцирь. Кто придумает хитрость, как сохранить запас воды или замереть, задержать дыхание. Или, еще лучше, кто научится понемножку дышать чистым воздухом. Иногда водой, иногда воздухом. Это — «двоякодышащие». Вам не говорили, что сначала жизнь зародилась под водой?
— Нет...
— Будете учиться, узнаете. Самые первые предки человека в какой-то момент остались на границе воды, земли и воздуха. Потому у нас кровь соленая, в ней соли столько же, сколько в морской воде. И мы солим свою еду.
— И верблюды лижут солончаки... и кони... — задумчиво произносит старший, глядя вдаль.
— А где мы будем учиться?
— В школе, конечно, в хорошей школе. Поживете пока здесь, а потом...
— А где мы?
— Все вам скажу, подождите немного...

Яйца они пекут в костре, разведенном на старом месте. Вареных крабов тоже неумело разламывают, выковыривают нежное душистое мясо. Про то, что есть консервы «крабы» и это жутко вкусно, они слышали. А Валька у казахов и рыбы не ел, казахи рыбу не едят и даже не знают, что это еда, и как ее ловить. Они умирали от голода на берегах Или, которая кишела рыбой. И на краю леса, где росли нетронутые грибы... а, чушь какая: грибами от голода не спасешься...
Военные дети мало едят. Они недоедали всю жизнь, не зная об этом; не просили есть и не мечтали о еде, хотя радовались всякому случайному угощению. И в благополучной казахской семье подростки ели после взрослых, остывшую шурпу или лагман.
В редкие семейные праздники куча ребятишек ждала остатков бешбармака и, когда позовут, бросалась к котлу стайкой воробьев; байбиче уже следила, чтобы не дрались и младшим тоже досталось. И приемным, как своим.
Все-таки мальчишкам голодно будет без хлеба и картошки — чем они в детдоме питались.

Вместе ученики с учителем поднимаются к палатке, оставляют принесенные из будущего дары, поднимаются выше, на горное плато. Познакомить новых туземцев с их новыми владениями, вот что хочет опекун поневоле. Показать им издали сказочный лес, в котором на деревьях растут буханки сдобного хлеба размером почти с тебя, Карик. Но ходить туда пока не надо. Лес — дело серьезное, требует подготовки. Неизвестно, что опасней — насекомые, или что заблудиться там легче всего...
Возвращаются к погасшему костру. Солнце садится.

— Сейчас я буду вам все рассказывать, — говорит ученый. - Меня зовут Гурген Сарбазович, да, имя трудное. Фамилия моя Асланян. Ты — Валентин, кажется? А ты Карен.

— Советские физики создали Машину Времени, — начинает профессор, и останавливается. Вряд ли они читали Уэллса? Нет, читали. У старшего глаза светлеют. В детдоме большая библиотека, он много читал и рассказывал младшему.
— Они строили корабль, чтобы летать на Луну, на Марс и на звезды. Скоро, наверно, построят, но в другом месте, а сначала мастерские были как раз там, куда вы забрались. Это... — он указывает на зависший в воздухе предмет, — это изделие само получилось. Проверяли мысль одного великого ученого. Видите, в нем нет ни рычагов, ни двигателя. Но он работает...
— Атомная энергия, — говорит Валька.
— Должно быть. Я не физик. Меня пригласили как биолога, для изучения жизни на других планетах. Управлять аппаратом я не умею, могу только летать сюда и обратно. Сюда — это 50 миллионов лет назад...
— И мы увидим гигантских ящеров! — восклицает Валька. «Затерянный мир» он тоже читал.
— Не увидим, к сожалению — или к счастью. Это время ближе к нашему, здесь много такого же, только гораздо теплее. Видите, сколько здесь птиц? И деревья похожи на наши, и цветы. Давайте посчитаем. Составим таблицу.
Будем умножать каждый раз на 10:



50 лет назад у нас был царь, а я был младше тебя, Карик.
500 лет назад открыли Америку;
5000 лет назад построили пирамиды;
50 000 лет назад люди жили в пещерах и одевались в шкуры;
500 000 лет назад, наверно, обезъяны слезли с деревьев;
5 000 000 лет назад... точно не скажу, но, возможно, произошло оледенение;
50 000 000 лет назад — то, что мы видим, и разглядим в подробностях: тропические леса, крупные млекопитающие, похожие на бегемотов, птицы, бабочки, рыбы...
500 миллионов лет назад началась жизнь на Земле, вернее, в океане.

Если 500 миллионов умножить еще раз на 10, получится пять тысяч миллионов, или пять миллиардов. Примерно столько существует Солнечная система.

Карик молчит, потрясенный, машинально загибает пальцы...
Волна подступает и отступает...
Темнеет, и загораются звезды. Не вернуться ли в палатку? Здесь на берегу нет воды, а после прогулки хочется пить. Валентин, бывалый человек, разгребает кучу мокрой травы (азоллы), там у него спрятана бутылка с водой. Бутылку он разыскал в хозяйстве профессора. Жалко, чай не догадался захватить...
Спать укладываются на теплом песке под огромным небом и долго, долго еще разговаривают. Мальчишки рассказывают о себе.
Валька... он помнит свое немецкое имя и несколько слов. По-русски говорит довольно скованно, хотя правильно. Казахским, наверно, владеет свободно.
Там, в вагоне, он на третий или четвертый день потерял родителей. Какие-то женщины, говорившие как он, давали ему немного хлеба и укладывали с детьми, но потом говорили: иди, мальчик, ищи маму и папу... когда поезд остановился и все стали выходить, он вертелся и оглядывался, и никого не находил, а людей на платформе становилось все меньше и меньше, только ходили кто-то в форме, но на него они не смотрели. Он не плакал. Он остановился и стоял, испуганно оглядываясь. Потом к нему подошла женщина в большом платке с очень странным лицом, сказала непонятное, подняла его на руки, понесла и посадила в телегу на какие-то вещи, села сама, и большой мальчик, сидевший к нему спиной, закричал, и телега поехала.
Так он стал жить у казахов, чтобы стать казахом и пасти овец. Его имя — Вальтер — они произносили «Вальтя», свою фамилию он не знал. Поэтому, когда его стали записывать в школу, пожилой демобилизованный завуч повторил: «Валька — ага», и записал: «Валентин».
— А фамилия? Отца как зовут?
— Жантас, — ответил статный красноармеец, вернувшийся с войны старший сын приемных родителей мальчика. Он и привел Вальку записываться в школу. — Ты не пиши Жантасов: пиши русскую фамилию. Он русский учить будет. Дальше учиться будет!
— Какую же написать?
— Иванов пиши.
— У нас уже шесть Ивановых! Род ваш какой?
— Аргын наш род.
— Ну так будет Аргу́нов. — и записал: «Аргунов».
И стал переселенец с Поволжья Валентином Жантасовичем Аргуновым, стал учиться хорошо, а жил он в Верном, у этого самого старшего брата, героя войны, партийца, начальника. Вскоре старший брат женился. Три-четыре раза в год он ездил навещать родителей, и мальчик ездил с ним. Он узнавал верблюдов и коней, пел вместе со всеми, читал гостям русские стихи, и все его хвалили.
А однажды за ним в школу пришли люди в форме и забрали его. Больше он не видел старшего брата и ничего не знал о семье. Его отдали в детдом, там он нашел испуганного Карена, а потом часть мальчишек увезли в Москву...
.....

Много ли человеку надо? Пусть этот человек ребенок и привык скудно есть, жестко спать и ходить в обносках... Наши Робинзоны проснулись, когда пригрело солнце, смыли с себя песок и пошли смотреть подарки из будущего. Гурген Сарбазович собирался спешно и тайно. Держа при этом в уме, что другого раза может не быть. Что необходимо детям? Мыло, и зубной порошок, и густой гребешок? И зубные щетки? Где он все это будет покупать, в Детском Мире? Чистая простыня, только что из прачешной, одна из его трех. Могут порвать на полотенца. Лекарства? Хинин? Первопроходцы Дауге и Юрковский ничем не болели. Йод, пачка ваты, бинт. Разбитую коленку лечить в мире, полном хищных птиц больше страуса...

Две больших хороших жестянки от американской ветчины по лендлизу. Американский армейский вещмешок — он давно его затащил в лабораторию. Две бутылки. Оставшийся лоскут парашютного шелка 2 на 2м. Хорошо бы сетку, бредень... хорошо бы веревки, шнуры... Ах, как нужна обувь... ну, если вернусь... толстую иголку и нитки, пока будут чинить...

— Вот это здорово! — радуется Валька. Он узнал очень нужный предмет — огниво, кремень, кресало, трутница, лучинки. У его родителей-казахов было, только попроще, погрубей. Еще бы, спичек на всю жизнь не напасешься. Хотя спичек профессор запас довольно, хранятся они в хорошем металлическом ящике от какого-то прибора вместе с инструментами, лупой, дневником и карандашами. Ребятам он тоже принес тетрадки и карандаши, очень убеждает их вести дневники.

Там есть шикарный складной нож — немецкий, трофейный — и еще один, большой, чтобы резать ветки и лианы, и рыбу чистить, и фрукты, и вскрывать раковины, и мало ли что еще... У Вальки свой финян, тайно хранимый от всяческих опекунов. И он пригодится — отковыривать моллюсков от камней во время отлива.

И вот их опять двое...

.....

А у Гургена Сарбазовича завтра лекция в Тимирязевке, придется импровизировать, выбрать за ночь материал какой-нибудь забористый, парадоксальный, чтобы вопросов побольше, чтобы насмешить. Ох, если пойдет так, того гляди перейдешь на нелегальное положение, в эоцен... Надо с друзьями повидаться, рассказать им все, черт возьми! Нельзя так бросать мальчишек, живите мол от щедрот природы. Щедра-то она щедра, да порой чересчур. Легко сказать про съедобные корневища лотосов. А что там в воде, под лотосами? Не змеи ли? Болото топкое, завязнешь... Крабы тоже всякие, палец откусят. Растения ядовитые, а какие? Про грибы сказать, чтобы лучше не пробовали. Пробовать будем вместе, когда вернусь.

Как прокормить двух подростков, если ты пожилой одинокий холостяк? И чтобы никто, самое главное, не заметил. Нужна еда. Сам он обычно обедает в столовой, в Академии, в МГУ. Держит у себя в общежитии небольшой запас, чай, сахар, кофе, сухари какие попадутся, лучше всего ванильные. Кусок нарезанной колбасы, грамм 250. Это все он уже отнес. Где сейчас берут еду? Деньги есть, карточки отменили. Женщины ходят в магазины. В магазинах очереди. На рассеянного интеллигента обратят внимание. Если он сразу купит килограмм колбасы и килограмм сыру, и что еще можно купить. Консервы? Особенно если он будет приходить за этим раз в неделю. Продавцы обязательно обратят. Можно ходить в разные магазины, в разных местах. Спрашивать на улице прохожих: Будьте добры, где у вас тут продовольственный магазин? Или это называется «Гастроном»?

Да, мания преследования, паранойя. У нас у всех паранойя. А если он будет каждый раз возвращаться в «Профессорское общежитие» с большой сумкой продуктов, с этой... авоськой? Хорошо, он сейчас один в комнате, напарник недавно женился на сотруднице и выхлопотал комнату для семейных. Можно что-то подержать немного в тумбочке, на подоконнике. А уборщица? Пакет печенья – это можно: старик сладкоежка, за три дня съедает килограмм-полтора. Но печенье не самое нужное...
Все привыкли, что он ходит с небольшим чемоданчиком. Ладно, коллекторские приспособления пока побудут в тумбочке. Не до гербариев. Так что же добыть и принести завтра... в следующий раз?

Гурген Сарбазович вспоминает Бейтса. Оголодал он там за 11 лет, отощал без доброго английского ростбифа. Рыбы – полная Амазонка; черепахи, это же у них деликатес – нет, надоели. Местные где-то кур держали; и все употребляли обезьян, крокодилов и муравьедов... Бананы опять же.
Нет, он в начале описывает какую-то крупу, как она называлась? Делали из корней маниоки. Разводили плантации, готовили, отправляли на базар целыми мешками. Еще было у них саго. Интересно, на что это похоже? На манную крупу, наверно. Манки, наверно, можно купить, и без молока сгодится, углеводы. Да! Еще лапша, конечно — макароны... нет, лучше вермишель, быстрее сварится. А крупа, пожалуй, перловая. Она наверняка есть, продельная, очень вкусная, особенно с маслом. С постным. Сливочное не для тропиков.

Тропики тогда были везде, не только на экваторе. Хотя мы там, похоже, в низких широтах, день короткий, сумерки короткие. Надо бы с детьми определить широту, хороший урок. Можно и без часов. А долготу... Даже с часами. Не помню... ах да, от чего считать, где у нас будет Гринвич?
Не поискать ли нам хрустальную пирамиду, которую создали на глазах Дауге и Юрковского. Вдруг это им не приснилось? Примерещилось на почве углеводной недостаточности.

В одном магазине купить кг лапши, в другом макарон, нет, лучше вермишели, пшонки. А ведь эти припасы там тоже хранить нельзя, жучки заведутся, мыши. Ну не мыши, кто-нибудь найдется. Жестяных банок не напасешься; клеенку бы раздобыть. Где продают клеенку? Обувь нужна... где сейчас можно купить детскую обувь? Или ее выдают по ордерам, как во время войны? Сандалии. Как он придет в магазин — новый Детский мир, говорят, открылся, слышал на биостанции. Очень странно будет смотреться. Размеры я не знаю, ни одной женщины нет, кому довериться. Майки, трусы, рубашки. Панамки, что ли.

А еще говорят, зэки хитрые, всегда вывернутся, всегда устроятся! Зэк я или не зэк? Продумать стратегию. Что мне в этом общежитии? Да, близко; а можно комнату снять на полпути от центра, чтобы к МГУ ближе. Какой-нибудь развалюхе. Без прописки. Ходить на рынок, в лавку, где-нибудь в Богородском магазины те же сельпо. Исчезать на неделю, пусть думают что хотят: про развод, про любовницу, про алименты, про спекуляцию, запои...

Гурген Сарбазович входит в лекционный зал, так и не придумав чего-нб заводного. Тема важная, основополагающая — для него, а студентам, крестьянским детям, неизбежная китайская грамота, которую необходимо донести до экзамена. Он становится за кафедру, кладет перед собой прошлогодний конспект — и вдруг произносит отчетливо:

Хозяйка однажды с базара пришла,
Хозяйка с базара домой принесла:
Картошку,
Капусту,
Морковку,
Горох,
Петрушку и свеклу.
Ох!..

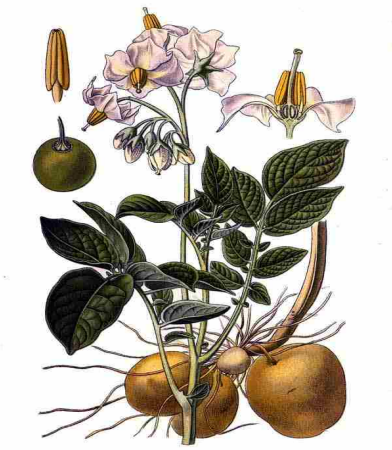
Вот овощи спор завели на столе -
Кто лучше, вкусней и нужней на земле:
Картошка?
Капуста?
Морковка?
Горох?
Петрушка иль свекла?
Ох!..

Вторую строфу аудитория уже тихонько повторяет вслед за ним.
— Кто скажет, что общего у всех этих замечательных предметов, которые хозяйка выложила на кухонный стол?
Легкое недоумение. — Это овощи, — говорит кто-то. — Правильно. — А еще? — Они растут в огороде... — Тоже правильно. А еще? — Они съедобные... — Верно, а то зачем бы им расти в огороде? — Это культурные растения. — Верно. В прошлом году мы тоже проходили «культурные растения» — пшеницу... — Кукурузу! — Да. И еще рожь, просо... — Злаки! Да, верно. Мы проходили *однодольные* растения, а сейчас у нас на столе лежат *ДВУДОЛЬНЫЕ.* И сейчас хозяйка начнет крошить ножиком и варить крупные, сочные двудольные:

Картошку,
Капусту,
Морковку,
Горох,
Петрушку и свеклу.
Ох!..

Потому что хлеб всему голова, конечно, но кто супу не ест, тот сыт не бывает...
— А почему она лук не положила?
— А... наверно, поэт Юлиан Тувим решил не примешивать в суп однодольные луковичные. Но можно на столе добавить порезанный зеленый лук. Кстати, зеленый лук — это стрелки, у однодольных почти у всех узкие листья с ппродольным жилкованием, а двудольные можно отличить с первого взгляда — у них обычно сложные листья, или широкие, или вырезные. А теперь повторим, как надо записывать паспорт каждого растения. С чего хозяйка начала?... ах да, с картошки. Итак:

Царство: Растения,
Отдел: Цветковые,
Класс: Двудольные,
Порядок: Паслёновые,
Род: Паслён,
Вид: Картофель



Царство: Растения,
Отдел: Цветковые,
Класс: Двудольные,
Порядок: Крестоцветные,
Семейство: Капустные,
Род: Капуста,
Вид: Капуста огородная

Царство: Растения,
Отдел: Цветковые,
Класс: Двудольные,
Порядок: Зонтикоцветные,
Семейство: Зонтичные,
Род: Морковь,
Вид: Морковь посевная

Царство: Растения,
Отдел: Цветковые,
Класс: Двудольные,
Порядок: Бобовоцветные,
Семейство: Бобовые,
Род: Горох,
Вид: Горох посевной

Царство: Растения,
Отдел: Цветковые,
Класс: Двудольные,
Порядок: Зонтикоцветные,
Семейство: Зонтичные,
Род: Петрушка,
Вид: Петрушка кудрявая

Царство: Растения,
Отдел: Цветковые,
Класс: Двудольные,
Порядок: Гвоздичноцветковые,
Семейство: Амарантовые,
Род: Свёкла
Вид: Свёкла обыкновенная, она же Beta vulgaris L., она же бурак, или буряк,
древнейшее культурное растение, известно человечеству больше четырёх тысяч лет!

Раз в месяц, в воскресенье (если получается) Гурген Сарбазович встречается с друзьями, невольными «хрононавтами», Дауге и Юрковским. Обычно они гуляют в Александровском саду, даже если погода не для прогулок, вспоминают минувшие дни славного фантастического проекта. Немножко болтают о текущей работе. Заходят куда-нибудь выпить пива, кофе, по рюмочке. Расходятся (понедельник начинается, как обычно, в субботу). Пока, до следующей встречи, когда получится...

Осенний Александровский прекрасен. Ученый в этот раз почти назойливо расспрашивает конструкторов, как же это они выживали 50 млн лет назад без соли и спичек. Помнят ли они хоть приблизительно, куда двинулись сначала, поднявшись на заросшее джунглями плато? Как-то все некогда было хорошо, подробно об этом всем поговорить...
Друзья с готовностью возвращаются к тем дням. Ужасы и мученья, отчаяние, страх остаться в джунглях навеки, до конца жизни, пока родина и близкие стремительно улетают все дальше. Теперь это замечательное приключение, подобного никто не переживал, и поговорить не с кем... они конечно собирались и обещали все записать для будущего, когда можно будет все открыть... Но работа, загрузка такая, что выспаться бы досыта...

— Мы пошли примерно на восток, направо, как поднялись. Старались держаться моря, чтобы всегда можно было вернуться. Ну... мы все время думали, что тут можно есть. Грибы боялись...
— Совершенно правильно. Да, надо было бы принести сюда образцы для исследования в лаборатории, а то я все мхами интересовался...
— Как-то мы увидели, что птицы клюют ягоды, красивые такие...
— Ага, и я попробовал... Хорошо жив остался.
— Да, у нас птицы ухитряются клевать волчье лыко.
— Птицы там глупые, прямо куры. Мы палками сбивали, а они сидят на ветке, глазами лупают...
— Кстати, а вы не пробовали когда-нибудь поймать курицу во дворе?
— Нет, а что?
— Да так...
— На многих деревьях что-то висело заманчивое. Вроде орехов, каштанов. Мы увлеклись и вышли к болоту. Что-то грандиозное! Птицы стадами, какие-то свиньи чавкают.

Где-то в середине, мы туда не рискнули. Пошли в обход. Обходили-обходили и заблудились. Туман, солнце скрылось, ночь... вот где ад! Комары или кто у них вместо, какие-то мохнатые налетают, ползают, шипят, гудят. Хорошо не кусали, но мы на минуту не задремали. Рассвело, мы скорей уходить подальше, а куда — не видим, солнце за туманом. Так вот и ходили.
Зато мы роскошную штуку нашли. Нас это, наверно, и спасло. Идем — здоровенное дерево, на нем, прямо на стволе, не то тыквы. Не то дыни. Здоровенные! А у корней всякая живность копышется. Такие, размером с кролика... дыни эти шлепаются на землю, разбиваются, а вся компания набрасывается, выгрызают сердцевину. Птицы тоже набрасываются. Налопаются и балдеют, спят на ходу, бери голыми руками. Овощ мы тоже попробовали. Вкусно, почти как бананы! Мы потом эти деревья еще находили...
— О, это Хлебное дерево! У него и орешки внутри съедобные. Я тоже находил. Надо им сказать...
— Кому — им? — спрашивает Дауге.
И профессор рассказывает друзьям все...

В тот день и потом вечер, и часть ночи, двое друзей долго еще ходили по Москве. Асланян ушел готовиться к визиту в эоцен, а они бродили вокруг Кремля, по саду вдоль набережной, дальше до Парка Культуры, по мосту, до Воробьевых гор, поднялись к стройке Университета. Оказалось, что прогулочный водный трамвайчик еще ходит, они вернулись в центр и еще бродили по Горького, по бульварам...
После сообщения о детях, спрятанных за толщей тысячелетий, они вдруг вспомнили все пережитое там. Не как экстремальную экспедицию, а как реальный ужас. Чувство невозвратности, полной потерянности. При этом муки голода и одновременно почти непрерывные желудочные боли. Одуряющая жара днем и тяжелая духота ночью, невозможность заснуть из-за насекомых... они пробовали, по примеру животных, вымазываться илом или глиной, помогало ненадолго, потом корка засыхала и отваливалась. Вода из медленных речек, очевидно негодная для питья — а что поделаешь...
— Помнишь крокодилов?

Как не помнить. Они обходили большое озеро. Оказались на узком перешейке между озером и болотом и наткнулись в камышах на семью крокодилов... крокодилы, кажется, тоже испугались, но они-то бросились в родную стихию, а люди оказались по колено в зарослях каких-то огромных листьев и не сразу решили, в какую сторону выбираться. Кажется решили правильно.

— А птичка? Птичку забыл?

Они выбрались на небольшую возвышенность, на твердую почву. Здесь не было сплошной стены кустов и лиан, колонны деревьев устремлялись куда-то ввысь, между ними можно было спокойно прогуливаться. Вскоре они увидели одного любителя прогулок. Птица выше любого человека, с огромной головой, клювом, как чрезмерно толстая кирка. Гордо, размеренным шагом сверх-страус прошествовал мимо, не скосив глаза в их сторону.

— Королю сказать придется...

Да. Это в любом случае. Только с его помощью можно попробовать вызволить ребят, как-то пристроить, замять эту опасную историю. И дело даже не в этом. Как бы дело ни обернулось, Королев в ответе за все. У него связи в самых неожиданных кругах. Его уважают большие ученые и крупные негодяи. Но его Дамоклов меч тяжелее и острее других, и волосок тоньше...

Только бы они в лес не забрались, или в мангры. На берегу можно жить.

Как они рвались к морю! Как те древние греки, про которых они не читали. Кто из них первый завопил: — МОРЕ! — увидев над вершинами полоску чуть темнее неба, теперь не вспомнишь, но они орали и, кажется, плакали...

А грозы? Сокрушительные, ослепительные, грохочущие без перерыва хоть на миг, масса воды, вбивающая в землю... зато потом они пили чистую воду из луж, пили взахлеб, озонную, электрическую, бодрящую. Небесная вода смывала с них липкую грязь, очищала воспаленные ссадины и царапины. Второй дождь проливался с веток и листьев...

Проф так и велел ребятам, не уходить от моря. Далеко не уходить. И спички у них есть.

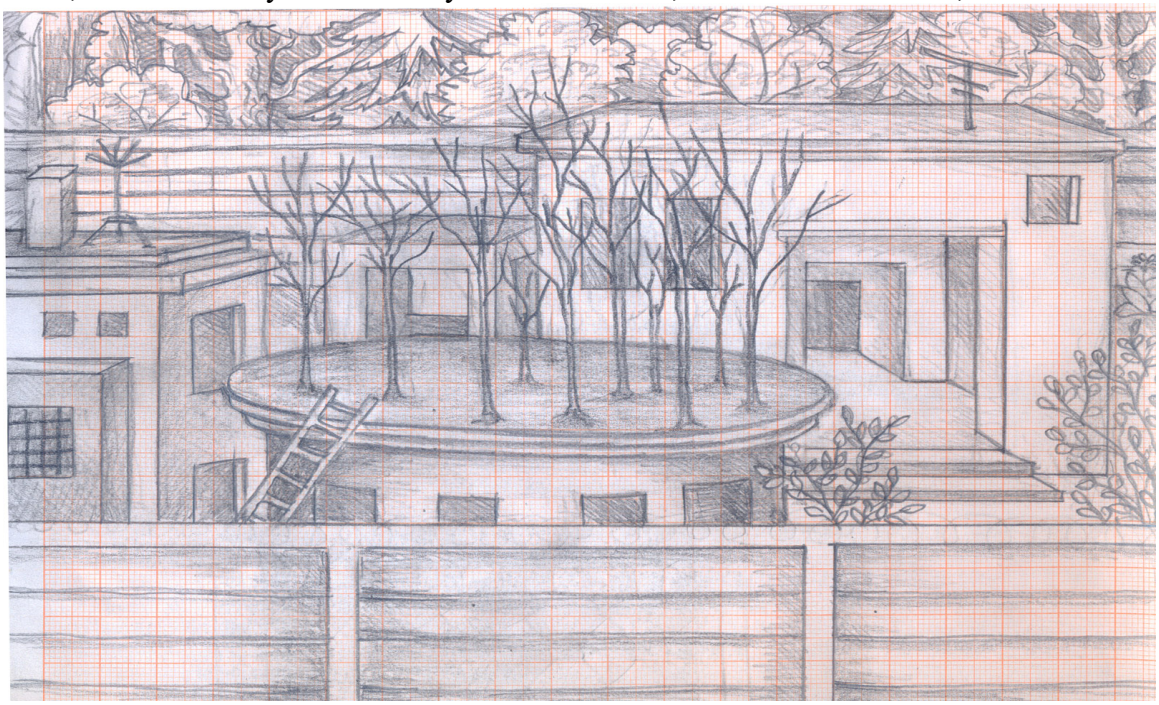
Последнее, что сказал ученый друзьям: «Если мы ничего не сможем сделать, я уйду к ним навсегда».

Можно было бы придумать, как устроить судьбу детей. Создать легенду: дескать, они пробрались на железную дорогу, туда-сюда, товарные, на крыше вагона, «свисток-гудок, лезь на ось», побирались, пели по вагонам, доехали до Крыма (потому такие загорелые), бродяжничали, захотели вернуться, написали письмо хорошему воспитателю (найдем такого, не может не быть — скорее такую — воспитательницу), он им помог, деньги послал (свои!), они приехали, дальше что-то сообразим...

— Младшего я бы усыновил, — говорит профессор. — Мне квартиру обещали когда-нибудь. Пока снимать можно. Старшему училище найду, он способный. Хоть у моих агротехников. Кстати, с детдомом разбираются. Директор уволен со скандалом, может пойти под суд, и не один. Детей пока разделили, младших забрали в другой приют. Хорошо бы им чем-нибудь помочь, старшим тоже. Не все они шпана. Многие работать хотят, любят железо, паровозы. Но как вытащить беглецов из экспериментального цеха? Доисторические времена, туда и обратно — это пожалуйста. А из руин заброшенных складов, кажется, свыше сил человеческих. Охрану усилили, все обыскали, во все щели заглянули и что нашли, замуровали. Тот лаз, в который, казалось, кот не пролезет, а два беглых беспризорника протиснулись — не обнаружили, но забили. На плоской крыше круглого кирпичного объекта спилили березы и установили пост, серьезный, там теперь не позагораешь.

Свою проходную охраняют те же молодцы с автоматами, но и они подтянулись. Прошлый раз Васе или Паше протянул «Казбек» — только скосил глаза и чуть головой помотал.

Ничего, ботаник пачку на столбик у входа положил, пока доставал ключ, и забыл.



Гурген Сарбазович принял меры, чтобы успокоить совесть подневольного человека и не зависеть от его доброго расположения. Дождавшись, когда Федор стоял на карауле, он уговорил его (это было не так просто) зайти на несколько шагов в охраняемую территорию и показал две-три разодранные измятые папиросины «Север» и клочки бумажной пачки... белки, товарищ Федор, твою заначку распотрошили!

О предстоящей экскурсии профессор думает с наслаждением. Он берет еще пачку бумаги для гербариев и расправилку для насекомых. Уйти в самом деле навсегда, к черту, пусть никто этого никогда не узнает... эх, вот бы пригласить к себе туда Криштофовича. Нет, он бы с ума сошел. Я-то сам еще в своем уме?

В новый мир с молодым древним морем, молодыми древними деревьями, вечным небом и забавными предками знакомых животных. Животных они пока мало видели, и тех не разглядели. Птицы — да, птицы тут, если не видны, то слышны.

С птицами тоже сложно. Деревья не очень друг от друга отличаются, не каждый издали клен отличит от ясеня, пока не увидит листьев. Птиц мы узнаем лучше. В эоцене сформировался отряд гусеобразных, а в нем подсемейства утиных, гусиных (гуси-лебеди), а еще казарки и какие-то гуси полулапчатые; отряд «голенастых», журавли, цапли, аисты, ибисы — а фламинго вообще отдельный отряд. И все они, конечно, выглядели иначе. Главное растения. Недаром Гурген Сарбазович мечтает посоветоваться с Африканом Николаевичем Криштофовичем, лучшим палеоботаником своего времени. Но он в Ленинграде. Пожалуй, выбрать время зайти на геофак, в музей, к местным палеонтологам.

Не помешает прочесть «Малайский архипелаг» Уоллеса. Бейтса он прочел в юности; но Бейтс и Дарвин изучали Южную Америку, в Восточном полушарии подвизался Альфред Уоллес. Книгу его у нас перевели в XIX веке, переводил кажется сам Бекетов. В библиотеке МГУ наверняка есть, может быть и по-русски, она выходила. Но там ему к лекции материал полистать некогда. Ему бы собственный экземпляр, в трамвае почитать. Разъезды у него долгие, часто поздние, в полупустом вагоне.

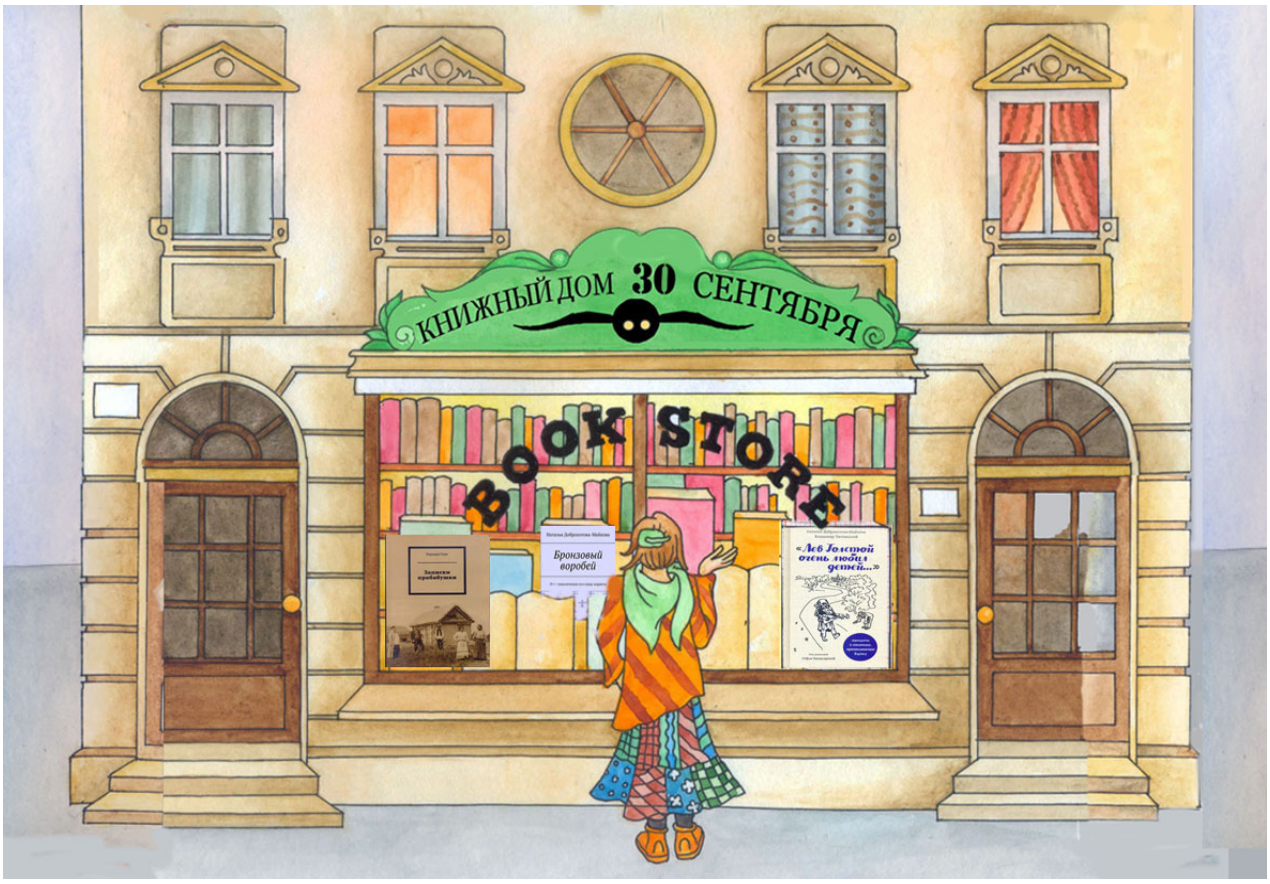
Криштофовича он помнит чуть не наизусть. Свой — собственный, личный — экземпляр с дарственной надписью «ученому коллеге от автора» обнаружился в библиотеке Владимирки.

Вот что сообщает википедия о человеке, с которым хотел бы посоветоваться профессор Асланян *(сокращенный конспект)*:
Криштофович, Африкан Николаевич (1885 — 1953) — выдающийся ученый, неутомимый исследователь. Еще в начале XX века, пока страна развлекалась поисками своего исторического пути, он успел съездить в Египет, Японию, Австралию, Германию, Францию, Венгрию, Италию, Норвегию, Англию, поискал остатки древней флоры на территории Украины, Молдавии, Крыма, читал курс палеоботаники, публиковал научные статьи.
В 1914 году, когда весь мир взбесился, изучал геологию в Сибири, Приамурье, на Сахалине, читал курс палеоботаники в университете во Владивостоке. С американским палеонтологом Р. Дикерсоном отправился на Филиппинские острова. Там заложил основы стратиграфии мезозойских и третичных отложений Сибири и Дальнего Востока и других наук. Мимоходом открыл месторождение нефти на Сахалине, нашел скелет динозавра (теперь в музее Санкт-Петербурга), решил ряд проблем происхождения современной растительности.

Тем временем во Владивостоке тоже разразилась гражданская война со своей спецификой. Криштофович организовал Дальневосточный филиал Геологического комитета. Награжден в 1924 г. серебряной медалью имени Семенова-Тян-Шанского, в 1929 золотой медалью имени Ф. П. Литке.
Вернулся в Петербург-Ленинград знаменитым, читал лекции в ЛГУ и в Горном институте. Защитил докторскую диссертацию — «Меловая флора Русского Сахалина».
В мае 1930 арестован по «Делу Академии наук». Сидел в «Крестах». Тогда еще просьбы ученых действовали иногда, и в 1931 Криштофовича выслали на 5 лет в Свердловск и разрешили читать лекции. До конца 1934 преподавал палеоботанику в Свердловском университете и в Горном институте. Т.е. в Екатеринбурге, неофициальной (и возможно будущей) столице Сибири.
В 1934 году — доктор геологических наук (без защиты диссертации).
Впоследствии почетный член Национального географического общества США, Московского общества естествоиспытателей, Лондонского географического и Американского и Лондонского геологических обществ. С 1945 действительный член академии наук Украинской ССР, с 1953 член-корреспондент Российской академии наук.
В 1946 — лауреат Сталинской премии за учебник «Палеоботаника».
Основатель Российского палеонтологического общества, член Всесоюзного географического общества. Вице-президент Международного палеонтологического союза.
Скончался Африкан Николаевич 8 ноября 1953 года, в Ленинграде, 68 лет.
Болен, должно быть, да и сложно в Ленинград так , без командировки. Так что не повидаться с ним нашему профессору. И хорошо: было бы стыдно скрывать от великого ученого, как ему самому подфартило, и как он, обо всем забыв, занимается в сказке чем угодно, кроме науки. Думает только о том, как купить сосиски без очереди.

А может, и пельмени. Пельмени в тропиках! Договориться, чтобы к его визиту вскипятили воду. Ребята, наверно, пельменей и не пробовали...
Ах да, у казахов что-то такое есть, слышал. Называется «манты».

Где-то он видел, выглянув в окно трамвая, в глубине переулка книжный магазин? Или ему показалось? Что-то вроде книжной лавки. Славный такой магазинчик, вроде тех, которые открывались во время НЭПа по всему городу. Да нет, это фантазия. Что делать букинисту в рабочем поселке? Наверно, в одном из проездов, сколько их тут: пятый, девятый...
Нет, он тогда сидел справа. Выглянул в окно, когда кто-то спросил: скоро Ланинский переулок? Он не знал и не ответил. А потом... остановился тогда трамвай или нет? смотрел в окно, ему показалось... да вот же она, эта лавочка! Двухэтажный дом, кругом все запущенное, облезлое, а здесь большая витрина, чистое блестящее стекло, стена и двери недавно покрашены, вывеска большая, заметная. Девчонка вертится, заглядывает — какую-нибудь книжку присмотрела. Надо зайти по дороге, при случае.



Случай заставил себя ждать довольно долго.
Пока он беседует со своими питомцами под сенью развесистого древа.

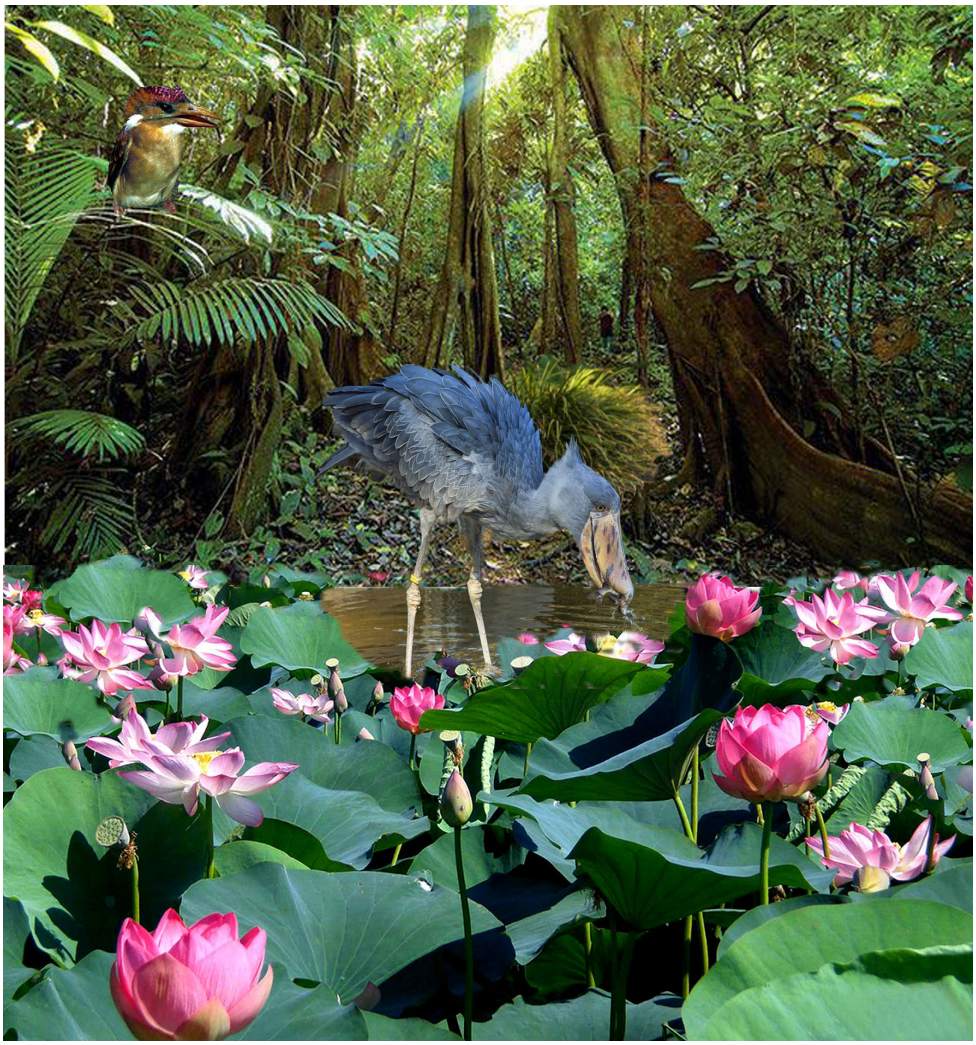
— Почему племена людей, обитающие в настоящих тропических лесах, прозябают в отсталости? Почему не создали сколь ни на есть приличной цивилизации? Не изобрели письменности, арифметики, астрономии? Потому что в этих местах совершенно невозможно сохранить пищу. Создать хоть маленький запас, обеспечить себя на несколько дней, погулять, посмотреть, что там за поворотом реки, просто подумать. Им приходилось все время добывать еду. Вчера мы набрели на хлебное дерево, сорвали плод, испекли и съели. Если у нас что-то осталось, через час это съедят муравьи. Если мы завернем остатки в листья, закопаем в землю или подвесим на дереве, какие-то другие насекомые, или землеройки, или птицы, все равно кто-то доберется. А до чего не доберутся, сгниет на такой жаре. Сегодня мы едим чудесные плоды растения из семейства *Анноновых,* наперегонки с местными птицами и зверушками. Но одними сладостями не проживешь! У моря можно ловить рыбу, крабов — но туда идти! Значит, обед сегодня, десерт завтра.

— Можно набрать плодов и взять с собой на ужин. Только у них шкура вонючая.
— Вот так и жители тропических лесов: они все время что-то с собой таскали. Что-то вроде фляжек для воды они научились делать довольно быстро, авоськи, корзинки плели замечательные, с большим искусством. Но проблема в целом не решалась. Здесь нельзя, скажем, сушить рыбу, как делают у нас чукчи и каряки. Или оленье мясо, как якуты. Как только мы убили, допустим, крокодила, мы должны его съесть самое большее за два дня.
— А мы можем убить крокодила?
— Разве что маленького, и если он будет один... Но вообще крокодилы весьма ловкие и прыткие, лучше пока подождать с охотой, вообще лучше не встречаться.
— Но мы можем взять и пойти куда-нибудь дальше. Запасти на один день и идти, пока не найдем другие деревья, другой ручей?

— Мы можем, могли бы, если бы мне не нужно было возвращаться читать лекции. Им было хуже: в другой хлебной роще жило другое племя, и делиться ни с кем не собиралось. Да, лес огромен, но все источники пищи в нем сосчитаны. И у людей, и у зверей. Количество еды на одном участке не меняется, значит, количество зверей (или людей) на нем тоже не меняется. Племя не может расширяться. Разве нападет на соседнее племя...
— И тогда что?
— Как сложится, кто кого одолеет. Кого одолеют, того, э-э... съедят. Человек — тоже источник необходимых белков. Но людоедство... э-э... тоже препятствует прогрессу, развитию ума.
— Почему?
— Как-то так в жизни выходит...

До чего приятно делать картиночки с молодым древним морем, молодыми древними деревьями, вечным небом и забавными предками знакомых животных. Как будто там немножко поживешь. Но хотелось бы все-таки хоть относительной, минимальной достоверности. Только где её взять? Листаю толстый том Жизни Растений, книга 5(1). Цветковые, магнолииды, двудольные и все такое. Выбираю, про кого написано: реликт третичной эпохи (бывают реликты мела — те же магнолии: древнейшие цветковые с примитивными чертами, а как хороши, как свежи!). Если они хорошо выглядят и у них съедобные плоды — мне же своих героев кормить надо — смотрю, где они обитали. Если в Старом Свете, в Азии, отлично. Пусть сейчас их потомки сохранились только в Приморье и в Северном Китае, когда-то они шумели, цвели и приносили плоды чуть не до полярного круга и до Урала. Правда, не совсем они, а их предки, и не обязательно у древнего Хлебного дерева были такие огромные (и вообще съедобные) плоды. Тогдашние приматы, лемуры, были совсем на нас не похожи. Или мы на них — правда, они все равно боковая ветвь.

В Новом Свете не все неприемлемо. То, что в Южной Америке — совершенно особый мир, как в Австралии. Северная соединялась напрямую и надолго с Азией, Сибирью в единую бореальную область. Но лучше все-таки держаться своих. Проще всего с лотосами. Есть еще удивительное реликтовое эндемичное водное растение — Эвриала устрашающая, *Euryale ferox,* почище Виктории-регии. Можно вставлять в любой пейзаж с болотом или озером.



Самое забавное, что стоит откопать какое-нибудь немыслимое растение и запросить яндекс, тут же буквально спрашивают, когда и куда доставить (чем поливать и с чем есть, объяснят по пути). Например, Декенея замечательная *(Decaisnea insignis)* – предмет увлечения любителей-садоводов. *На картиинке ее нет, Эвриалы тоже, они были раньше.*

На этот раз Гурген Сарбазович руководит занятиями в Лосином острове — проводит экскурсию на тему «растительность и жизнь болота» — слова «экосистема» тогда, кажется, не было — для практикантов. Обычно присоединяется кто-то из сотрудников. Болото в верховьях Яузы тогда было обширное, это потом все осушили, и саму Яузу. Лес очень пострадал во время войны, его практически вырубили, но подрастает...

Там сейчас примерно вторая половина сентября. Природа дивная. Под кирзовым сапогом упруго подается подушка сфагнума. Про свои любимые мхи профессор говорил на каждой прогулке, теперь только повторяет, как напрасно люди пренебрегают скромными мхами, не берегут их — а ведь мхи часто предваряют и порождают сложные ландшафты. Рассказал, как в древних толщах торфа сохраняются почти живыми растения, уже исчезнувшие с поверхности планеты.

— Мхи, можно сказать, дружат с одним из древнейших семейств цветковых растений — с вересковыми. Это огромное, разнообразное семейство расселилось по всему земному шару, довольствуясь иногда самыми скудными почвами, сухими или наоборот заболоченными, так же как мхи. У них есть для этого особое приспособление — симбиоз с грибами, но не теми, которые мы собираем, а с подземными, незаметными. О грибах мы будем говорить отдельно, о невидимых особенно.

О нашем рододендроне, багульнике, мы уже говорили, вы его видели. Посмотрим еще на вечнозеленый кустарник семейства вересковых, рода Вакциниум (*Vaccinium*). Очень древний род... и растение.

— Это брусника!

— Конечно. Брусника *(Vaccínium vítis-idaéa).* Название в переводе означает — «виноградная лоза с горы Ида» (остров Крит). Вечнозеленая. Так её и записали средневековые медики. Они считали ягоды и листочки брусники лекарством от многих болезней; немного перехватили, но польза от них точно есть. Русский народ сделал это открытие сам, независимо, веками знахари и знахарки лечили листом, цветом, ягодой.

Посмотрите вокруг, посмотрите на те деревья. Если кто-нибудь скажет, что вот этот кустик (он цветет второй раз, а кругом другие, с ягодами), старше берез и ёлок на том берегу, я поостерегусь держать пари. Этот экземпляр у нас сантиметров 15-20, растут вересковые медленно, но ведь ему не больше пяти лет, верно? Но скрытый стебель, или корневище, скрытое под слоями сфагнума, прорастающее между корой и сухой древесиной мертвых деревьев, может быть и больше метра, и лет ему может быть больше ста. И от него пробиваются наверх новые кустики, цветут, и на них созревают ягоды. Русский виноград. Сейчас к северу от Москвы до берега Ледовитого океана сезон брусники, собирают её, запасают — брусника долго хранится — варят, мочат, берегут на долгую зиму бесценные витамины. Листья брусники зимой заваривали, как чай, вкусно и от простуды помогает. Мы в заповеднике, собирать здесь нельзя ни ягод, ни даже листьев. Можно любоваться и восхищаться. А клюкву, родственницу брусники, будут собирать позже, из-под снега, а еще лучше когда снег сойдет...

Исследователи возвращаются на биостанцию. Профессор идет позади, опять охваченный тревогой. Сколько он сможет выдержать такую жизнь?...
Рядом с ним оказывается энтомолог Зоя Викторовна, скромная, еще молодая работница, вечно озабоченная древоточцами.
— Гурген Сарбазович, — говорит она, — вы ведь знаете, где мальчишки. Я для них кое-что положила к вам в портфель, в раздевалке.

Она не поднимает головы. Сердце ученого остановилось. Хорошо, что они идут позади, никто не видит его лица. Женщина ускоряет шаг, быстро догоняет группу, берет под руку сотрудницу, заговаривает с ней... складная фигурка, полноватая немного, и в кирзе ничего...

Все тайное станет явным... все тайное станет явным... колотится в голове (или в сердце?) ботаника. Ничего нельзя утаить... скандал неизбежен. Он затронет моих друзей, самого Королёва... будут выяснять, кто выписал мне пропуск... а кто его, в самом деле, выписал? Охранников этих, дуболомов... неплохие ведь ребята... Да, ребята! если меня арестуют... я все расскажу, но я заберу их оттуда. Или пусть кто-нибудь заберет. Начнут интересоваться аппаратом, а это такая воронка...
Осенний лес певуч и светел, компания идет весело, то и дело застревая на каком- нибудь интересном явлении. Зоя Викторовна безошибочно отыскивает куколок. Их забирают с собой, чтобы вывести бабочек. Ну вот, наконец они на станции. Скорее переодеться, скорее уехать отсюда, побродить по улицам в одиночестве. Даже не обедать...
Обычно после занятий Гурген Сарбазович обедал в столовой биостанции. Как правило, он кормился там, где читал и проводил занятия, дома не готовил. Только чайник, и что- нибудь с полки — бутерброд, пряники... На биостанции опытный огород, овощные супы у них прекрасные. Но сейчас у него горло сжато спазмой.

Возле вольера для пестрых оленей профессора окликает директор станции.
— Гурген Сарбазович! Не уделите еще полчаса — минут сорок? У нас маленькое совещание.
Ботаник молча кивает.

Директор замечательный человек, он очень нравится профессору. Зоолог по призванию, животновод по страсти, любого лося и лосенка он помнит от рожденья, видит душу и тело животного умом и сердцем. Большущие теплые руки ветеринара, крепкое коренастое тело, на загорелой лысине потертая кепка, глаза веселые, хитрые.
— Переоденусь только, — говорит профессор.
Хорошо хоть директор переодевается в кабинете. Профессор не решается открыть портфель (который никогда не запирал, кстати). В обычном костюме выходит из гардероба. Его тут же окликает младший зоолог Марфа Зиновьевна, крепкая жизнерадостная старушка.

Представляется она «скотница Марфута» и гордится тем, что в ее честь когда-то сложили песню «Помнишь, Марфутка, мгновенье,
Нам взволновавшее кровь» — в честь ее романа и свадьбы здесь же, на станции. Её муж, некогда главный ветеринар, в начале войны оказался в кавалерийском корпусе легендарного Доватора, который потом возглавил еще более легендарный Исса Плиев... теперь он ветеран и увы, инвалид... Рядом с пожилой дамой стоит улыбающаяся Зоя Викторовна, и они машут ему, зовут пить чай...
Чай за столом на улице, заварен по-домашнему, с домашними пирожками, веселыми рассказами: что сегодня попалось интересного, кто сказал смешное... Гурген Сарбазович тонко любезничает с дамами.

Наконец все в большом кабинете. Профессор прислонился к стене возле окна. Ему, кажется, уже все равно. Будь что будет.
— Вы все помните, — начинает директор, — у нас было чрезвычайное происшествие: двое ребят сбежали из детдома. Искали их чуть не с собаками, у нас все перетрясли, всех перепугали, сами все перемазались, лес прочесали — ну, все помнят. Делом этим занялись всерьез, и там выясняется — молодцы, что сбежали. Похоже, и дела будут...
— Не нашли их?
— Вроде пока нет, не говорят. Думаю — не пропадут; они вроде хорошо подготовились. Махнули, может, в Крым, а то и в Ташкент; сам знаю, как это...
Директор подмигивает и сам себя прерывает, махнув рукой.
— Насчет здания — как решат, ремонтировать или другое подыщут. Главное — здесь будут старшие воспитанники, группа экспериментального обучения. Проект придумали физики. Будут учить по современным творческим методам, математике в первую очередь. Физике. Очень правильная идея, своевременная. И современная!

— Вот думаю предложить вам, товарищи: а не влиться ли нам с вами в это начинание? Возьмем, скажем, шефство над школой. Разве стране только слесаря нужны? А лесоводы, животноводы, ветеринары? Обязуемся устраивать экскурсии, практические занятия. Помощников себе растить!

— Поддерживаем, конечно, — чей-то сдержанный голос. — Поддерживаем, поддерживаем!
— А вы, Гурген Сарбазович, Гурген Сарбазович, — голос директора становится нарочито смиренным, — вы, очень конечно занятый человек, вы настоящий ученый... можно ли рассчитывать, что вы иногда и с детишками, на уровне 6-7 класса, побеседуете о науке, о всяких загадках, о доисторическом мире? У вас это звучит прямо как поэзия...
— С большим... с превеликим удовольствием, — отвечает ученый (с превеликим облегчением...)

Скорее, скорее домой, в общежитие. Сначала лесом, как партизан, другой тропинкой, не той, по которой пришел. Словно школьник, удравший с контрольной. Все осталось как есть, ничего не решено — но сейчас — свобода! Ох, попадусь когда-нибудь, запутаюсь. Как с этим портфелем...
Ученый нервно хватается за портфель: «я для мальчишек кое-что вам положила...»
В портфеле что-то мягкое, тряпочка какая-то. Он достает и разворачивает тщательно отглаженные, туго сложенные две рубашки, побольше и поменьше. Ткань истончилась от многих стирок, тут и там тщательно зашита, заштопана. Может быть, были в полоску. Пахнут домом, мылом, чистотой... У профессора глаза на мокром месте.

Обычно на биостанцию он берет с собой небольшой студенческий чемоданчик, с ним же ходит в Тимирязевку. И в нем прячет еду и мелочь всякую для путешествия в эоцен, к своим мальчишкам. Портфель у него для МГУ, для биофака на Охотном, в нем конспекты, книги с закладками. Портфель не запирается, а он его и защелкнуть забывает. Кто-то заметил, где стоит портфель и что он не закрыт.
Не кто-то, а эта милая барышня. Да они там почти все милые. Словно семья. Так вот расслабишься. Да, из меня конспиратор...

Молодой лесок, железнодорожная насыпь, поселок, Ивантеевская. Трамвай №7 – шутят, что он идет по экватору и на нем можно доехать куда угодно. А ведь многие люди ездят на нем два раза в день, домой и на работу. Кто-то мог и запомнить старого... старого чудака, который норовит сесть у окна и утыкается в книгу. Или в какие-то бумаги...
Интересно, на кого я похож, думает Асланян. В какую категорию вхожу на взгляд случайных встречных? Только бы не «интеллигент из бывших»... Он следит за собой, отдает в чистку костюм, белье в прачешную. Стрижется и бреется. Ботинки чистит у чистильщика (хорошо бы новые, но старые у многих...)
Может быть, стоит разнообразить маршрут. Выходить на Открытое шоссе, к Холодильнику, ехать на тринадцатом мимо рынка, по Черкизовской мимо церкви, по Стромынке к Сокольникам. Тогда в Университет, на Моховую, прямо. Только портфель и чемодан где-то менять...

Трамвай №7 взвизгнув, тормозит, поворачивает и устремляется к остановке. Не успев подумать, профессор встает, идет к выходу, спрыгивает на землю. Впереди в светлых сумерках мягко светится большая витрина того самого книжного магазинчика, книжной лавочки. Большая вывеска «Книжный дом 30 сентября».
Левая дверь кажется наверх. Подходит к правой, открывает, входит внутрь. Запах старых книг — не такой, как в библиотеке института, как в больших общественных библиотеках...

Большая комната, против окна вдоль стены — два книжных шкафа, большая крашеная полка, две простых дощатых; письменный стол, на нем каталожный ящик, письменный прибор. Пара стульев и потертое кожаное кресло. Небольшой стол в стороне – на нем стопка книг. В дальнем углу за большим деревенским столом сухощавый, слегка сутулый старик, лысый, в куртке, не то домашней, не то рабочей, и фартуке. Он занят... ну да, он переплетает книги: перед ним на столе нож, угольники, линейки, куски картона и дерматина, банка с клеем, к столешнице привернуты две струбцины. Груда безнадежного книжного хлама.

— Извините, мне показалось, что у вас открыто?

— Открыто, разумеется открыто, — отвечает переплетчик, выходя из-за стола. — Милости прошу. Чем могу служить?

— В любом случае — добрый вечер. У вас удивительно уютно, оказывается. Рискнул зайти, знаете — просто посмотреть на книги. Не найдется ли случайно что-нибудь по моей специальности.

— Позвольте узнать круг ваших интересов?

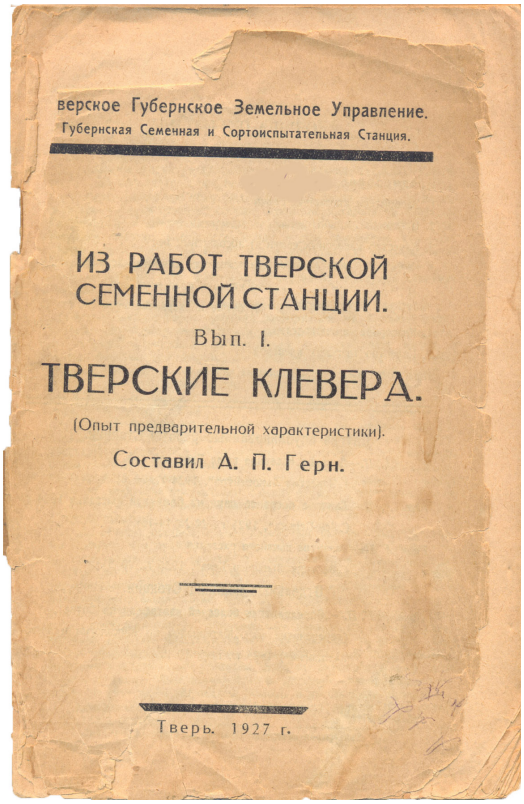
— Ничего особенного, преподаю ботанику.

Букинист направляется к простой сосновой полке. На ней стоят толстые книги и лежат тонкие книжонки с изъеденными краями. Асланян подходит ближе.

Кернеръ, Жизнь Растеній, книга первая, корешок потрепан — рядом самодельный корешок с надписью чернилами «Кернер Жизнь Растений 2». Такие же матерчатые корешки, большая книга и поменьше — «Ботанический атлас». «Занимательная ботаника», Цингер. «Лекарственныя растенія». «Домашнее разведеніе растеній» — толстая книга, помню, с прекрасными гравюрами.

— Ценные издания, — одобрительно замечает гость.

— Увы. Многие повреждены. В этом атласе не хватает 16 цветных таблиц. Последние владельцы, должно быть, приклеивали на стенки для красоты. Ботаническая иллюстрация — особый вид искусства.



Профессор просматривает лежащие стопкой каталоги оптовых поставщиков семян. Великолепные гравюры: помидоры, хризантемы. Еще бы, рекламные издания! «Физиология растительных процессов». «Жизнь растений», Тимирязев... И стопки брошюр, некоторые подклеены и сшиты. Сорта ржи средней полосы... Вятская рожь...

— Могу ли осведомиться: ищете определенную книгу?

Гость откладывает книжонку, которую держал в руках.

— Позвольте представиться: Гурген Сарбазович. Преподаю в Тимирязевской академии.

— Василий Платонович. Книжный червь, как видите.

— У вас богатое собрание. Но, собственно, я мечтаю приобрести «Малайский архипелаг» Уоллеса, хотя бы на английском языке.

— Возможно, я смогу найти для вас эту книгу в специализированном магазине. «Тропическая природа», его же, у вас должно быть, есть?

— Тоже нет, и тоже приобрету с удовольствием. Пока бы я взял вот это...

Ученый показывает книжку, которую только что отложил не глядя. Не может быть... Из кучи макулатуры выбрать работу старого знакомца. Случайность? Провокация? Намек: будь осторожней? Пустяки какие. Все прошло, все забыто, да они еще и встречались на конференции — ну да, на той, где председательствовал Буденный. Не нужно притворяться, что первый раз видишь фамилию. Но и сообщать не надо. По крайней мере, сразу. А ведь и букинист не прост. Человек с прошлым.

Между прочим, букинисты те же масоны. Общие тайные знания. Сведения о частных библиотеках, о коллекционерах. Как они во время войны обогатились: не успели снять блокаду, все ринулись. Антиквары тоже.
— Вам приносят много книг для продажи?
— Самые ценные принесли до войны. Видите ли, здесь в старых домах, бывших дачах, жили старики; они приносили, продавали дореволюционные издания, приложения к Ниве, собрания сочинений. Разрозненные обычно, и журналы, комплекты. «Вокруг света», ту же Ниву, юбилейные годы. Видите, вон та стопка — 12 год, столетие Бородина. И «Трехстолетие дома Романовых», книга, тоже была, роскошное издание.
— Приносили, чтобы сахарку купить?
—Или лекарство. Новые жильцы вселялись, они тоже догадывались, что не обязательно выбрасывать на помойку. Сколько детских книг принесли! Старики их берегли дольше всех.

Во время войны не до того было, кто не успел продать, печку топили. Тут правда кругом сады и заборы, но не все могут спилить дерево в чужом саду. Хоть кружку воды для бритья вскипятят на подшивке «Светлячка» — видели ведь такой журнальчик?
— Но ведь у вас покупают книги?
— Вот мой ходовой товар, — хозяин указывает на полку, где стоят школьные учебники самых разных лет, лежит тонкая стопка тетрадок, пеналы с карандашами, коробки с перьями и ластиками. — Мои клиенты местные школьники. Есть настоящие книголюбы, копят деньги на Жюль Верна, Стивенсона. Видите, — указывая на стол, — привожу в пригодный вид. Продаю за копейки, конечно. Иногда даю почитать: не вернет, и на здоровье. Обычно возвращают, особенно девочки. Посмотрите, что тут нашлось: Чарская, без 15 первых страниц. Ничего, переплету, подарю соседке, пионерке. «20 тысяч лье под водой» вообще без начала и конца...
— Соблазнили! Её-то я и куплю. Детство вспоминать. — Ботаник берет еще тверские клевера и вятскую рожь. Сколько с меня?..— Оставил бы открытку с адресом, на случай, если вам попадется Уоллес, но не уверен, что долго проживу в ведомственном общежитии. С вашего разрешения, зайду через неделю. У вас удивительно уютно.
— Милости прошу, чрезвычайно рад знакомству. Редко удается поговорить о книгах с образованным человеком. Постараюсь быть полезным.
— Доброго вечера, и доброго здоровья. До встречи!
Что со мной, думает Асланян на темной остановке. Где моя повадка загнанного хищника?

Гурген Сарбазович устало, но легко и широко шагает к дому. Словно школьник, удравший с контрольной. Все осталось как есть, ничего не решено — но сейчас — он один!
«Конечно, я с ними побеседую, если их удастся согнать», думает он, доставая из тумбочки недопитую бутылку ацидофилина и засохшую калорийную булочку. — У меня на первой лекции в Академии культурные растения, самая тема для детей. А начну я... начну с Мотыльковых! С Бобовых! бедолаги, их там одним горохом кормят... я куплю тебе обнов, дам гороху и бобов...
Он быстро переодевается, умывается в кухне над раковиной. Спешить ему вроде некуда, но он торопится.
Расскажу им, что в России до картошки второй главной едой после хлеба был горох. У деревенских детишек любимое лакомство было — зеленые стручки. А луга, клевер, солнце, пчелы... Погружался я в море клевера с золотыми сказками пчёл...

Надо рассказать — это старшим — что семейство бобовых вездесущее, распространенное по всей суше, что в нем родов не меньше 700, а видов не менее 17 000... Только два семейства разнообразнее: орхидеи (зато их численно гораздо меньше) и сложноцветные (ромашки, например). Бывают они деревьями, очень даже высокими, кустами, травами, вьющимися, как наш родной горох...

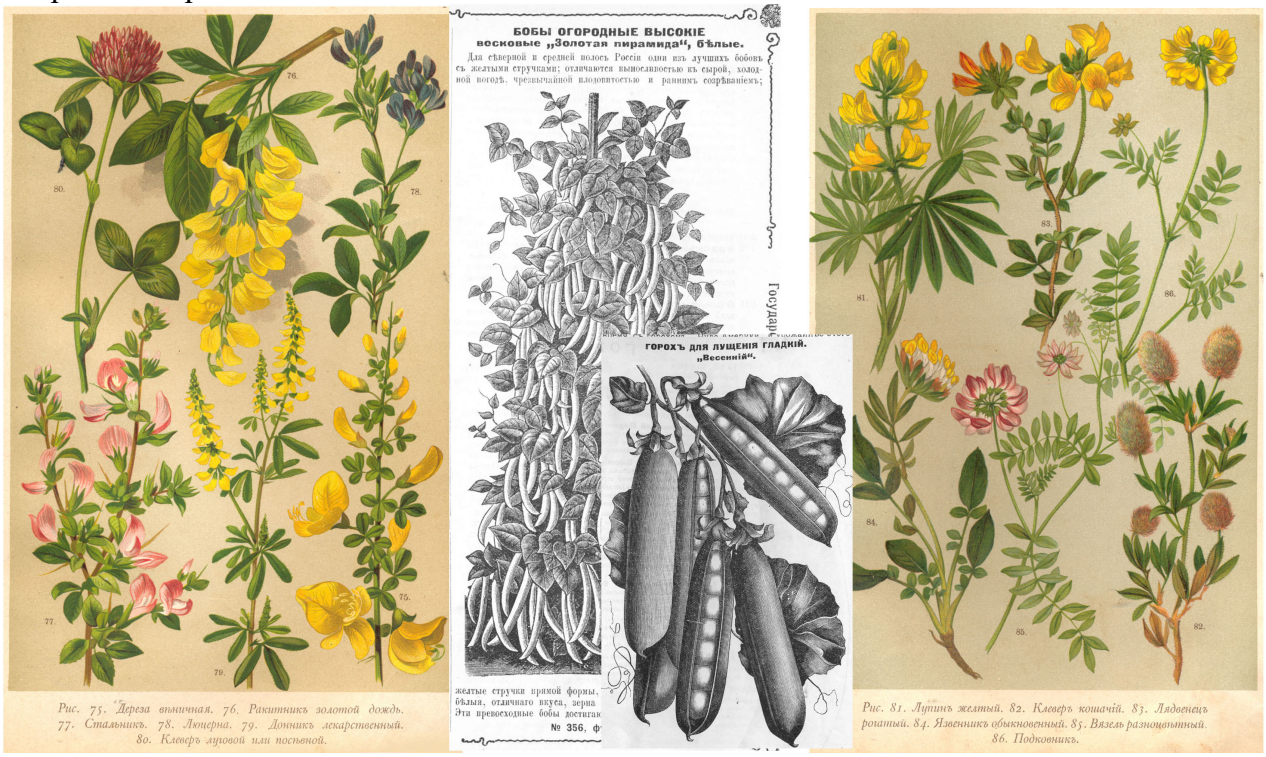


Рис. 75. Дерева вьичная. 76. Ракитникъ золотой дождь. 77. Стальникъ. 78. Люцерна. 79. Донникъ лекарственный. 80. Клеверъ луговой или посьвной.
Рис. 81. Лупинъ желтый. 82. Клеверъ кошачій. 83. Лядвенецъ рогатый. 84. Язвенникъ обыкновенный. 85. Вязель разноцвѣтный. 86. Подковникъ.

Да, и еще обязательно азотфиксирующие клубеньки...
Ученый нервно хватается за портфель, чтобы достать блокнот и карандаш — и вспоминает: «я для мальчишек кое-что вам положила...»
Рубашки он старательно складывает и прячет со своим скудным бельем. Стиснув зубы, достает блокнот и карандаш, записывает мысли, беспорядочно скачущие в мозгу.
…на корнях большинства бобовых имеются клубеньки, вроде мозолей и бородавок, в которых поселяются некоторые бактерии, не только не вредные, но очень даже полезные. И не только для самих растений, но и для всех их соседей. Дело в том...
Да. Я скажу: смотрите, мы погружены в воздух, мы живем в воздухе, как рыбы в воде. И растения тоже. Они делают этот воздух для нас, они очищают его. Мы забираем из воздуха кислород и выдыхаем углекислый газ; растения забирают углекислый газ и отдают кислород.

Король может все. Он может потребовать, чтобы исследования в складах на Белокаменной возобновились. Не для того, чтобы построить еще много Машин Времени или разобраться, в чем их принцип. Нет — чтобы под прикрытием научных исследований вернуть в наше время двух пропащих мальчишек...

...Но растениям для жизни нужен еще один газ — азот. Его в воздухе очень много, больше чем всего остального, но мы его не замечаем. Хотя он нам очень нужен. И он очень, очень нужен растениям, но они тоже не могут его впитать в себя! А могут — бактерии. Они, как говорится, «связывают» азот и передают его корням растений, а те уже из углекислого газа, воды и азота строят ветки и листья, цветы и плоды. А мы питаемся плодами, а животные листьями и травами... а мы еще и животными...
Сколько раз он рассказывал это, порой серьезней и подробней, порой даже проще...
Листья у бобовых почти всегда изящные, перистые, легкие, цветы похожи на порхающих мотыльков, иногда розовые, красные, иногда в виде пушистых шариков, иногда свисающие длинными кистями, за это садоводы любят, например, акацию. А еще больше любят их настоящие мотыльки, бабочки, пчелы, шмели...
Да, и рассказать про рожковое дерево...

— Что значит — «связывать» азот? Значит — порхающую в воздухе молекулу из двух атомов азота заставить соединиться с другой какой-нибудь молекулой. Тогда ее можно будет отправить в химическую фабрику, потому что любое растение — мощная химическая фабрика. И на фабрике небольшую молекулу, содержащую азот, соединят с другими молекулами в очень большую, *органическую* молекулу — эти молекулы обычно очень большие.
— Почему так не умеют дубы или сосны, или трава, а могут только бактерии? *(нередко спрашивали слушатели; это значило, что он сумел их заинтересовать).*
— Это, надо сказать, нам и прочим животным очень повезло. Иначе Земля была бы покрыта сплошным дремучим лесом, в который мы бы не втиснулись. Немножко похоже на современные тропические леса на экваторе - они еще называются дождевые леса, в Африке и Южной Америке, по берегам великих рек: Конго, Амазонки.

Их рост сейчас ограничивает малое количество углекислого газа в атмосфере, хотя мы, люди, его старательно добавляем: печки топим, руду плавим, жжем те же самые деревья. Был у природы такой эксперимент, примерно 50 млн лет назад. Видимо, тогда это произошло из-за вулканов, они особенно бурно извергались, согрели атмосферу и насытили углекислым газом, так что стал у нас сплошной Ботанический сад. Слышали про такой? Мы обязательно туда пойдем. Может быть, увидим и орхидеи, удивительные цветы из тропических лесов...
Стронгилодон, «Нефритовый цветок». Декоративное бобовое растение.

Кстати, цветок у большинства бобовых немножко похож на цветок орхидеи — только на взгляд, а устроен он совсем иначе, но тоже сложно. У него есть «флаг» — верхний лепесток; в бутоне в него завернуты остальные. Есть «крылья», два боковых лепестка, и «лодочка» - два сросшихся нижних. Плод, стручок, по научному «боб», тоже похож на лодочку, у фасоли, у гороха.
Да, плод — это стручок, а то что внутри — семя, хотя мы, когда говорим «боб», представляем именно это семя, «бобовое зернышко», из которого вырос стебель до самого неба, по которому залез барон Мюнгхаузен. Кто это? Узнаете когда-нибудь.
Не удивительно — бобовое зернышко битком набито припасами для жизни ростка, завернутыми в тонкую блестящую шкурку, иногда очень красивую и пеструю, у домашней фасоли. И сохраняться невредимыми они могут очень, очень долго. Не так давно ученые нашли в вечной мерзлоте семена Люпина (тоже известное у нас растение), подсчитали — изумились: им 10 тысяч лет! Попробовали прорастить — и из них выросли живые «люпины арктические». Такие же, как сейчас растут в тех местах.

Почти столько же лет — может чуть меньше — семенам, которые находят археологи, когда изучают селения каменного века. Наши предки ели горох, чечевицу, сою, богатые белками, гораздо более питательные, чем злаки. Считается, что культурный злак, ячмень, сопровождает человека дольше, чем кормовые бобы, но это надо еще проверить. Очень хорошее бобовое растение у нас в деревнях выращивают, «конские бобы» или «кормовые» — их еще называют русскими бобами. Прекрасное растение, крупное, мощное, ни подвешивать, ни подвязывать не надо. Крупные белые цветы с темной серединкой; стручки торчат вверх. Очень крупные семена (вы помните? так их и надо называть, будущие ботаники, привыкайте), пока они зеленые, едят сырыми, дети их очень любят; их-то и обещал отец Ивану-дураку, когда уговаривал идти на ночное дежурство.
Когда семена созреют, они становятся коричневыми. Превосходно хранятся, пожалуй, долго развариваются, но уж зато как потом вкусно и сытно...
Тут слушатели могут слегка похихикать насчет особенностей бобовой диеты.
Так профессор через неделю рассказывал о бобовых первокурсникам в Тимирязевке.
Исключая внутренние монологи.

Семейство бобовых включает Рожковое дерево (*Ceratōnia silīqua*), приручённое в Средиземноморье, у колыбели, так сказать, цивилизаций — египетской, ассирийской, античной. Не очень высокое, но раскидистое, удобное для садоводства. Еще называлось «Цареградский боб». Листья похожи на листья акаций, плотные, цветы неприметные. Плоды, т.е. бобы, стручки, довольно длинные и закрученные, как ро́жки. Семена погружены в сладкую сочную мякоть. Греческие и египетские дети грызли их целиком.
В книге «Письмо греческого мальчика» — замечательная книга, если не читали, возьмите в библиотеке, или я вам достану. В письме мальчик упрекает отцу, что тот из дальней поездки прислал ему в подарок — рожки! Тоже, подарок называется! Рожки, видно были скромным лакомством для небогатых.
Про чечевичную похлебку красного цвета? Надо подумать. У нас во Владимирке замечательный был библеист. Он и про «рожки» рассказал, которыми кормили свиней, а блудный сын хотел напитать ими чрево свое, но никто ему не давал. А пожалуй, можно и рассказать...
Из плодов (стручков) рожкового дерева выжимали сладкий сок, его пили как морс или оставляли бродить, получалось что-то слабоалкогольное, освежающее. Жмых скармливали свиньям. Свиньи паслись целый день на подножном корму, вечером их загоняли в хлев, и хозяин выносил им корыто с объедками и выжимками, а наемный пастух стоял и глотал слюнки. Наемник, видите ли, был хуже раба: раб-то свой, за него деньги плачены.
Для послевоенных ребят жмых — лакомство, особенно подсолнечный...
Стоит ли рассказывать детям про зернышки бобового дерева – караты, и бриллианты? Пожалуй, можно: «вот так разлагалось дворянство». Зайти на геофак, взять в библиотеке Неймайра.

Рис. 691. Замѣчательнѣйшіе брильянты: 1) Великій Моголъ, 279 каратъ; 2 и 11) Регентъ или Питтъ, принадлежавшій французской королевской фамиліи, 136¾ каратъ; 3 и 5) Флорентинецъ, собственность австрійскаго Императора; 4 и 12) Звѣзда Юга, изъ Бразиліи, 125 каратъ; 6) Санси, собственность русскаго Монарха, 53⅛ каратъ; 7) Зеленый брильянтъ, находящійся въ Зеленомъ Дворцѣ въ Дрезденѣ, 40 каратъ; 8) Кохинуръ, собственность англійскихъ королей, 280 каратъ въ своей прежней огранкѣ; 10) тотъ же брильянтъ въ новой огранкѣ, 106 1/16 каратъ; 9) Голубой брильянтъ, принадлежащій г. Хопе въ Амстердамѣ, 44½ каратъ.

Карат — общепринятая единица измерения массы драгоценных камней. Он равен 0,2 грамма и обозначается *«ct»*. Драгоценные ювелирные камни весом больше карата довольно редки и дороги: бриллиант в 1 ct стоит не менее 300 тысяч рублей. Слово *карат* произошло от итальянского *carato*, а оно — от греческого *keration*. Этим термином обозначали стручки рожкового дерева *Ceratonia Silicua*. Те самые, которыми лакомились дети и кормились свиньи! Эти стручки, вернее зернышки, семена, в древности служили мерой веса: они практически одинаковы на вес, тогда точнее взвешивать не умели. Средний вес одного боба рожкового дерева — 0.2 г, или 200 мг. Столько же весит один карат.

Биологам в Университете я начну, как обычно, систематически, из глубокой древности:

Наибольшее распространение в палеогене получили такие *растения кайнозойской эры*, как древовидные папоротниковые, всевозможные сандаловые, банановые и хлебные деревья. Ближе к экватору произрастали каштановые, лавровые, дубовые, секвойи, араукарии, кипарисовые, миртовые. В первый период кайнозоя густая растительность была распространена и далеко за пределами полярных кругов. В основном это были смешанные леса, но преобладали тут именно хвойные и листопадные широколиственные растения, процветанию которых полярные ночи не представляли совершенно никакой преграды.
О бобовых третички палеоботаника ничего пока не говорит.
Не поискать ли в эоцене рожковое дерево? Нет, не стоит: нарвешься на какую-нибудь физостигму... У кого только не было ядовитых предков!
Мне бы не флору экзотическую искать, а подготовить Вальку с Кариком к возвращению в... нормальную жизнь? или какую? Теперь есть надежда, что как-то устроится...
Странно, эта мысль кажется горькой... он привык... привык, что у него есть семья! Что он спешит к семье! Рубашечки им отнести...Что за бред!
Луто-луто-лутонюшка, выплынь, выплынь на бережок, я тебе творожку принесла и рубашечку на передевочку...
Да, творожку. Надо купить. Или, лучше, творожные сырки ванильные, по два, в плетеной коробочке. Две коробочки.
Как она узнала? Что она вообще знает?

После «экскурса в прошлое» обратиться к ДВУДОЛЬНЫМ вообще, разобрать подробно особенности мотыльковых (бобовых), почему их выделили в семейство, по каким признакам семейство разделили на подсемейства, на каких основаниях теперь предлагают считать эти подсемейства отдельными семействами. Продемонстрировать хитрости опыления цветков, скажем, *клевера...*
Как меня угораздило, зачем я взял эту книжку? Словно приманку заглотил. Чепуха, что мне може угрожать, столько времени прошло. Зачем я вообще зашел в эту Лавку Древностей? Ехал бы домой, сейчас приеду и свалюсь. Что-то потянуло, что-то из прошлой жизни: книги, чтение необязательное, для удовольствия, чтобы время провести. Разговоры просто так, ни о чем, о пустяках, для того, чтобы поддержать общение, показать, что человек приятен, интересен...
А он был мне приятен, интересен?..

«Клевера́» мне пригодятся в Тимирязевке, расскажу о клевероводстве; о росте посевных площадей за истекший период; о сортах, о семеноводстве. Вспомнить Дарвинову шутку про старых дев и урожай клевера...

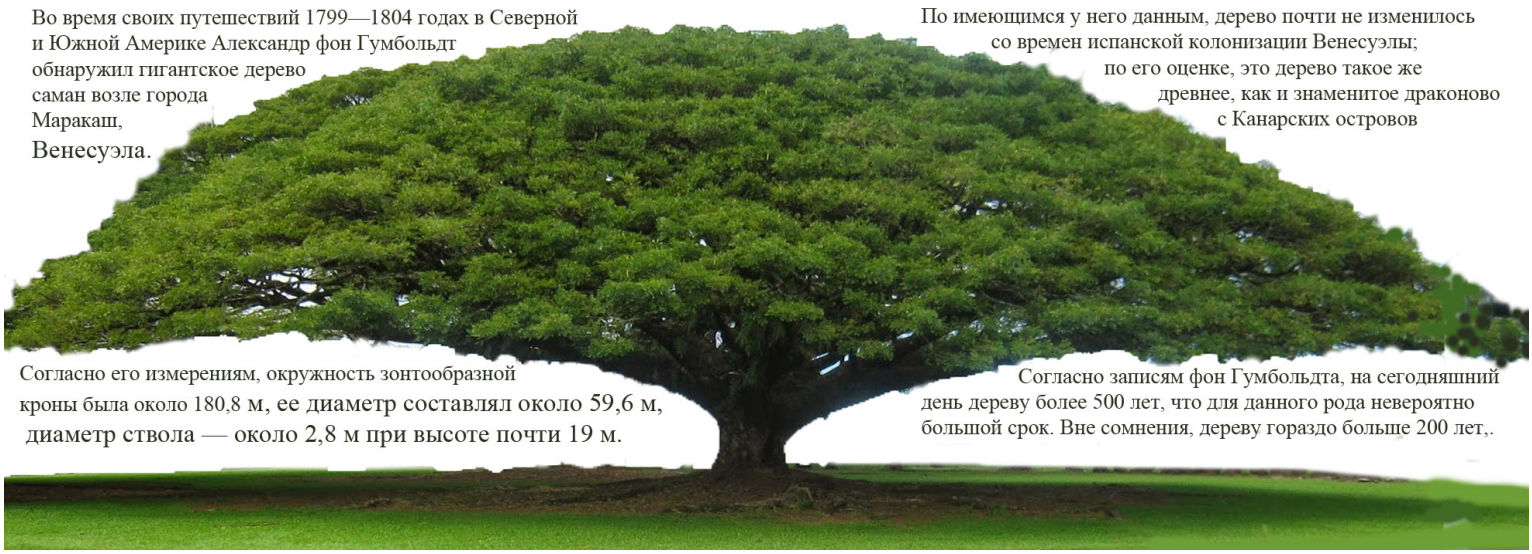
Тетя Мур и кошка
Сели у окошка
Сели рядом вечерком
Поболтать немножко...

Найти бы рисунок про шмеля с длинным хоботком и узкий цветок в разрезе. Да, то что мы называем цветком — это соцветие. Розовое, душистое... солнечный день, поле клевера, запах меда...
Букинист мне показался... каким-то своим. Человеком моего круга...
Я с ума сошел. Какой мой круг?? Я не сошелся близко с преподавателями ни в одном вузе, ни в другом. Коллеги? Коллеги. Интеллигенты? Интеллигенты. Есть сверстники, есть постарше. Кажется, этот книжник старше меня.
Мой круг остался во Владимирке. Между мной и вольными незримая стена...
А почему я уверен, что никто из коллег не воздвиг вокруг себя стену по той же причине?

Этот человек... он похож на интеллигента определенного среднего круга. Специалистов, врачей, военных, небогатых дворян. В провинциальном городке, где все друг друга знают, собираются по вечерам, обсуждают новости из газет, книги. Гимназию...
Нет, не могу его представить за такими разговорами.
Была ли у него семья?

Если бы у меня была семья, как в то время, комната, квартира, книжный шкаф, рояль жены... смешно. В шкафу стояли бы и Кернер, и Неймайр, и «Мужчина и Женщина» из той же серии. И Геккель, «Красота Форм в Природе». Мои дети просили бы посмотреть, мать говорила бы строго: сначала вымойте руки!
Гурген Сарбазович сардонически фыркнул и сделал вид, что чихнул.

По широте распространения и разнообразию форм, бобовые (мотыльковые) должны были возникнуть давно. Приспособились они к любым условиям, холода не боятся, пустыня им нипочем. Деревья этого семейства бывают очень высокими, до 80 метров, и совершенно удивительными, как Samanea saman, Дождевое дерево. Оно не очень высокое, метров 25, но зато поперек себя шире, до 40 метров. Его очень плотная крона похожа на... на перевернутый неглубокий таз.



Разумеется, у букиниста не было семьи. И скорее всего он... скорее всего военный.
Как я сразу не понял: выправка, четкие экономные движения. Он командовал людьми с высоты седла, когда я ходил в гимназию. Что же, многие офицеры царской армии перешли на сторону красных. Только судьба у них складывалась потом...

Мы узнаем друг друга, те, кто побывал ТАМ. А он меня? Конечно. Как масоны. Бывших, как говорится, не бывает.

Мы навык воинов приобрели,
Терпенье и меткость глаз,
Уменье хитрить, уменье молчать,
Уменье смотреть в глаза...

Воины! Бесконечные пыльные коридоры, казенные двери, кислый табачный дым...
Предлагает папиросу,
Зажигает спичку...

Дерево Делоникс царский считается красивейшим в мире; бобовая из семейства мимозовых, альбиция, растет быстрее всех деревьев в мире. А у дерева под названием Эшиномене легчайшая в мире древесина...

Юго-Восточная Азия (Индия) и Австралия, используется в лесовосстановлении, в качестве декоративного растения, в качестве корма для скота
В Индии бытует легенда, что семена аденантеры павлиньей могут быть волшебными. Если разломить волшебное семечко пополам, то внутри можно увидеть изображения двенадцати слонов.

Сколько можно мечтать?.. Очень долго можно мечтать, всю жизнь. У одних Делоникс царский, у других Роза Мира. Мы не на свободу выходим, выходим в Большую Зону. Так я же... Я могу хоть сейчас... часа через три уйти отсюда, уйти в недосягаемое, в трудное, жаркое, голодное, болотное, уйти навсегда. Много ли у меня осталось этого «всегда»?

Обыкновенная трусость. У меня все в порядке. Я не скрываюсь, живу под своим именем, со своим прошлым; у меня есть тайна, не тайна, а проблема, и я собираюсь в ближайшее время ее решить. Интересно когда эти мои побеги закончатся, ребята вернутся, мы как-то легализуем неожиданное изобретение – неслыханное открытие великого ученого... все запишем, спрячем под сверхсекретным грифом, дадим всевозможные подписки, заключим аппарат под непроницаемым колпаком (у кого, интересно, будет ключ? У главы государства?) Как я это буду вспоминать? Я – ладно; а ребята? Как дивный мир, который им подарили, а потом у них отняли? Мир, которым они владели одни... конечно, одни. Я здесь, должно быть, Жюльверновский герой-резонер. Горько, но правда.

Не выспавшись после вчерашних разнообразных событий, ботаник все же просыпается рано и радостно: сегодня он вновь будет там, где ему хочется быть всегда, с теми, кто... ну да, с теми, кто ему дороже всех на свете. Быстро собирает чемоданчик. Одевается, как бы это сказать, компромиссно: совсем по-походному было бы подозрительно, официально – уж очень там нелепо. Скажем, как на дачу.
Слишком рано тоже нельзя. Что подумают... охрана тоже что-то думает и между собой обсуждает, и уж конечно время его посещений где-то отмечается, хотя он ни в каком журнале не расписывается. К десяти... ладно, к половине десятого.

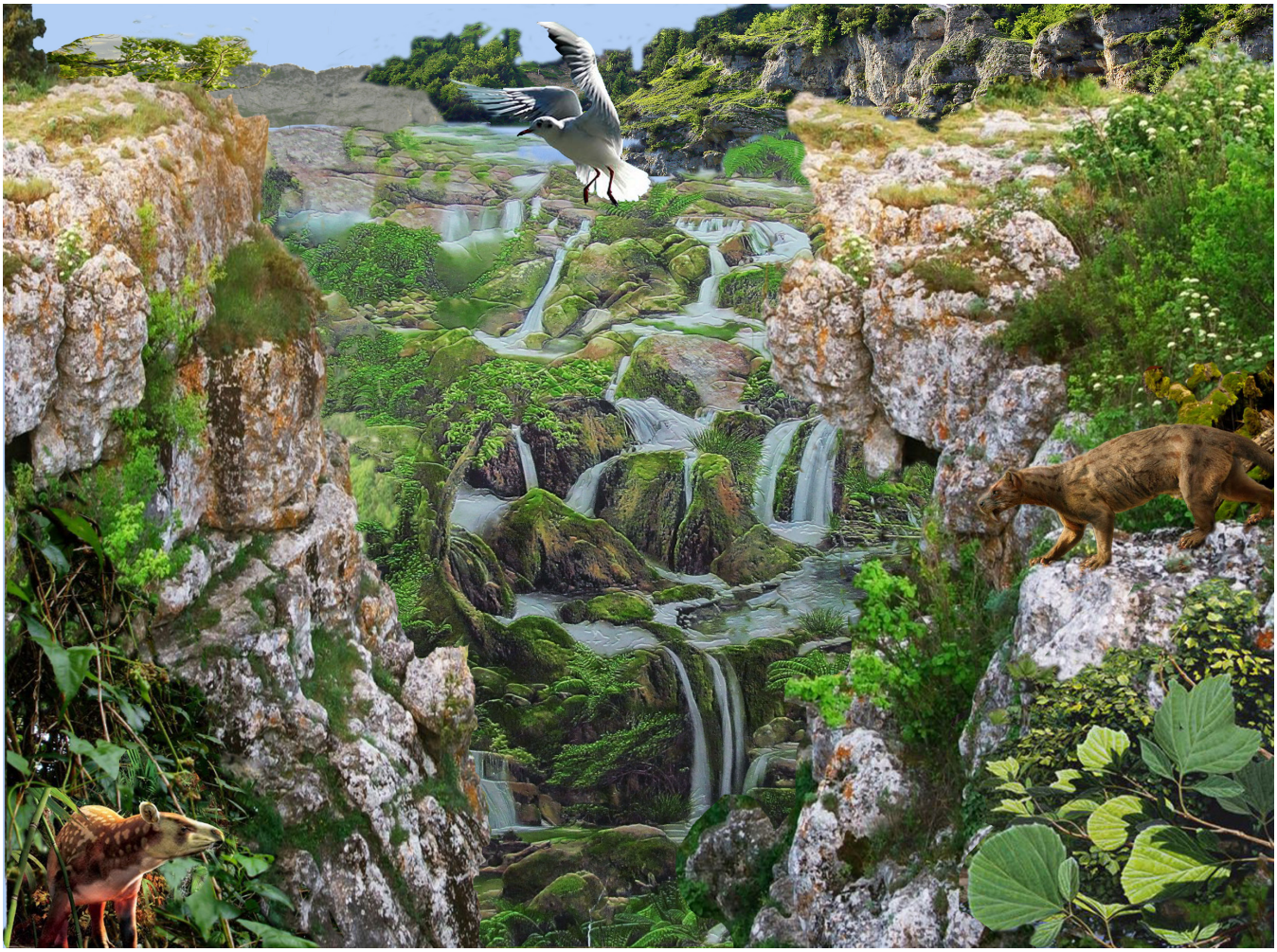
В 9.25 Профессор достает из кармана пачку Казбека и здоровается с часовым. На этот раз с Виктором. Ребята давно перестали кокетничать с папиросами – берет, благодарит.
— Ваш черед сегодня? (надо же два слова сказать).
— Не, я вне очереди. Федьку, Федора то-есть, вызвали. На офицерские курсы, звание получает!
— Можно поздравить! Значит, в карауле стоять больше не будет?
— Не, еще постоит, не генерал еще!

Отпереть дверь, открыть, закрыть, запереть. Отпереть другую, открыть, закрыть, запереть. Узкий коридор. Амбарный замок (для красоты), за ним наборное устройство, как у сейфа. И вот... сколько раз видел, все равно глазам не веришь. Сколько раз становился на сковородку, подносил руку...

…...И внезапно он оказывается внутри стекла, подобно студенту Ансельму...
Читал ли Гурген Сарбазович про студента Ансельма? Если даже да, он про него не вспомнил. Словно бы накрыли банкой (нет, так нельзя, это прозвучит, словно он «под банкой» - двусмысленность). Он под стеклянным колоколом, причем стекло толстое, неровное, непрозрачное и льется. Словом, в эоцене тропический ливень.
Ничего необычного, где тропики, там и ливни. Мы произвольно допускаем, что наш блаженный брег находится в зоне пассата. В мусонном климате сухой период сменяется дождливым, как в «Книге джунглей», это неудобно; у нас периодически обрушивается краткий мощный ливень, а потом снова сияет солнце или луна; вода уходит в почву, оставляя на песке сорванные цветы и листья, и можно снова гулять. Профессор это знает, и ему рассказывали прежние робинзоны. И Карик с Валькой, конечно, не один дождь пережили, но профессор все равно озабочен. Все ли он сказал своим подопечным? Научил ли определять заранее признаки близкого ненастья? Увы, гроза после первых признаков так стремительно набрасывается на сушу и море, что избежать встречи лицом к лицу никогда не удается.
Если они здесь, на берегу, на них выльется цистерна воды, их собьет с ног, они вываляются в песке, почти задохнутся, ослепнут и оглохнут — а потом придут в себя и засмеются. Если они в палатке... палатка выдержала не один налет. После каждой бури её поправляли и подпирали. Конечно, вода под ноги нальется, шум, гром и молния отработают свое и уйдут довольные. Но вот оказаться на подъеме к палатке... страшно подумать. Горные тропы превращаются в стремительные реки с порогами, водопадами и катящимися камнями. Нет, не может быть. Они должны были услышать гром заранее...
Если же мальчишки рыбачили в мангровой роще — кажется, сейчас время отлива — взбухшая от дождя ничтожная речушка того гляди вынесет их в море. Хорошо ли они плавают? А в море, как он успел узнать от палеонтологов, в это время водились хищные млекопитающие, происшедшие от копытных предков, базилозавры, не освоившие планктонную диету, длинные, как огромные змеи... ну и акул никто не отменял.

Дождь слабеет, уже видна арка в скале. Потоки мутной воды несут в море песок. Ученый бежит в сторону арки, теннисные туфли полны мокрого песка. Останавливается, громко свистит в пальцы. Бежит дальше и вскоре слышит откуда-то сверху ответный свист...

Карабкается, соскальзывает, с трудом взбирается по тропе. За поворотом, на припавшем к скале корявом дереве, сидят веселые, как воробьи, мокрые Карик и Валька.
— Никогда больше так не делайте! — кричит им наставник вместо «ну, живы». — Дерево могло снести вместе со скалой!



— Больше негде было, — серьезно отвечает старший. — Мы поздно заметили, что сейчас польет. Очень страшно было. Мы видели, как зверей несло. Таких... мы их с вами видели.
— И еще одного видели, с такими зубами, — говорит Карик, и у него очень большие глаза. — На той стороне. Он вниз поскакал. Такой ловкий!

«Забирать надо ребят, забирать...»
Ученый-ботаник мало что знает о животном мире эоцена (раннего, не забудьте!)
Я тоже, но могу узнать больше, хотя бы из книжек, и сайты есть специальные. А уж картинки! Профессор в своих экскурсиях не сталкивался с опасными хищниками, а Юрковского и Дауге об этом как-то не спрашивал. Кажется, главное, что им угрожало постоянно — голодная смерть.

Эоцен — царство птиц и млекопитающих, это всем известно. Первоначально, кажется, все зверушки были травоядные. Протозайцы и грызуны процветали в Центральной Азии. Первые приматы завелись еще в мелу! А вот гиганты, занявшие некоторые ниши динозавров, болота и берега озер, исчезли, не оставив потомства. Самые большие вообще жили в Америке, очень похожие на бегемотов и носорогов, с фантастическими выростами на морде (половой диморфизм небось). У них были копыта или копытца на пальцах, ели они траву, плоды, моллюсков, червей и всякую всячину.

Кое-кто из копытных, не самых крупных приспособился кормиться на трупах животных. Мощные челюсти и здоровенные клыки, чтобы разгрызать корни, орехи, твердые плоды, пригодились и для толстых шкур, костей и черепов. Были ли они активными хищниками? Вроде бы ноги короткие... ну вот, скажем, кабан; он сожрет гнездо зайчат, если на него наткнется, но охота на зайца — это не для него.
Тот зверь, которого видели Карик и Валька, был Продиноцерас, найденный в Монголии. У него тоже были копытца. Мы принимаем, что в раннем эоцене Больших Гигантов не было, они появились позже. Вроде Индрикотерия, 5м в холке и 20 т весом. Тогда же появились жуткие хищники гиенодоны с огромной головой. И между прочим изящные парнокопытные, безрогие предки рогатых и жвачных оленей.

Мелкие предки тапиров, лофиатесы, и лошадей — гиракотерии — паслись в мягких прибрежных зарослях. Они сохранили большую часть пальчиков, чтобы ступать по мягкой почве. Конечно, они были шустрые, хорошо прыгали, но вряд ли могли долго быстро бежать, как наши кони.

Герои наши сохнут на каменном выступе. Гость из будущего разворачивает дары — неизменные бутерброды с колбасой, коробочки с творожными сырками и рубашки, побольше и поменьше. Рубашки тронули детей гораздо меньше, чем его самого, они уже привыкли так. Зато ванильная сырковая масса привела их в экстаз. Никогда такой роскоши не пробовали; а запах ванили, как известно, затрагивает какие-то нежные душевные струны...

Гурген Сарбазович пересказывает своим воспитанникам редкие, неточные, сомнительные сведения, полученные от палеонтологов. Ничего он не может сказать наверняка, потому что может быть такой найденной в Монголии челюсти 50 млн лет, а может 35? (миллионов, конечно). И что этот зверь этой челюстью грыз, и может ли он загрызть мальчика лет 10-15? Хорошо бы картинки им принести, только где взять? Вырезать из библиотечных книг?
Вот что бы я им принес: учебник истории. Всемирной, пусть хоть советский. Чтобы примерно что-то знали, когда придет время возвращаться. Истории этой они хлебнули с избытком, едва успели появиться на свет; пусть знают, что так было всегда и везде. Вряд ли это их удивит.
А что же он забыл взять для них Жюль-Верна, 20 тысяч лье под водой без начала и конца? Для них и покупал у букиниста. Хорошо, другой раз обязательно. Он им расскажет, что там к чему. Потом купит «Детей капитана Гранта», сам перечитает – хотя когда ему...

— А мы позавчера свинью видели, — объявляет мальчик лет десяти. Он открывает глаза: сидел зажмурившись, переживал неземное блаженство, вкусив райской пищи с ароматом орхидеи.
— Видели, правда, — подтверждает старший. — Мы ходили за хлебными плодами, куда вы нас водили. Мы осторожно шли, по опушке, по краю.
— Там кто-то шумел и возился. Мы пошли посмотреть. Осторожно-осторожно...
— Увидели под деревом свиней, здоровенных, — продолжает Валентин. Наверно, это были свиньи, я их раньше не видел, казахи не держат. Только на картинке. А эти были лохматые. Они что-то под деревом ели, одна посмотрела на нас, и они ушли. На дереве стручки такие висели, мы сорвали немножко, вам показать.
(Гурген Сарбазович еще раньше просил их приносить, если можно, образцы неизвестных растений).
— Отчаянные вы парни, — сетует наставник. — Поймите, мы тут незваные гости. Когда появятся на земле первые люди, произойдут из обезьян, они будут жить как в старом доме, будут знать, кого надо бояться, как от них прятаться, как их прогнать или убить большой компанией. А вы? Кто тут друг, кто враг, кто добыча? Конечно, они будут охотиться на свиней, а потом и на мамонтов, но будут как волки, стаей. Если это правда была дикая свинья, это зверь опасный, злой, он первым бросится.
— Мы потихоньку.
— А у них слух, чутье. Хорошо, пойдем в палатку. Посмотрим, чего вы насобирали.
По высохшей после дождя тропе герои наши взбираются на узкую площадку, где под нависающей скалой прячется убогое жилье, оно же склад, оно же последний приют. При виде ветки с листьями и стручками ботаник приходит в экстаз. Правда, сначала отламывает половину стручка с зернами и мякотью, осторожно пробует и жует.

— Вот что, дорогие мои мальчишки, — говорит он, — если я в ближайшие несколько часов не умру в страшных корчах, значит, это то самое Рожковое Дерево, о котором я читал лекцию в Академии. Его доисторический предок может быть и ядовитым. Дикие предки тыкв и арбузов были ядовитые, но при этом страшно горькие, а этот стручок сладкий. Подождем, посмотрим... да не таким большими глазами, Карик, ничего со мной не будет.
Дивный вечер, освеженный грозой, напитанный озоном и ароматами цветов, розовый от заката воздух. Быстро темнеет, зажигаются непривычные созвездия, ученый рассказывает мальчишкам сказку о нехорошем младшем сыне и о том, как он завидовал свиньям.
— По-моему, — говорит Валька, голос у него сердитый, и можно догадаться, что брови сдвинуты, — отец после этого с младшим стал цацкаться, а старшего гонять на работу. А когда помер, младший сговорился с дружками и все у старшего отнял. И самого прогнал.

В низких широтах особенно раннего утра не бывает, долгого рассвета тоже. С первыми лучами компания отправляется выше по крутому склону, уже известной тропой. Переваливают за гребень. Пробираются сквозь кустарник — это все тоже экзоты, ах! — но профессор почти все растения определил и гербаризировал, и ребят научил распознавать. Чудеса. Они все запоминают с первого раза. Валентин уже неплохо составляет образцы для гербария, Карик старается. Какие ассистенты будут когда-нибудь, дай Бог!
Ассистенты надели подаренные рубашки. Все-таки защита от насекомых. На берегу и на выступе скалы их нет, ветер. А в зарослях наверняка и клещи...
Кроме рубашек на ребятах специфические длинные сатиновые штаны — «Трусы семейные», как назывался этот национальный позор. Потому что простые мужчины праздники на пляже проводили в них, а жены в сиреневых панталонах и лифчиках, сшитых знакомыми специалистками. (Позор оставался позором, пока один западный ловкач не увидел в них идею, приехал домой, заказал сшить эти предметы из отличного х/б с крупным ярким рисунком и провел показ в Майами, с участием этнических манекенщиков. Было это, кажется, в конце 70-х. Так их теперь весь мир и носит).

Волосы у Карика и Вальки отрастают. А вот обувь... расползшиеся сандалии, подвязанные тесемками, пальцы из них вылезают, подошвы протерты, но все же лучше чем без них. Если ангел Зоя не придумает сама... Он не посмеет обратиться к ней с просьбой. Тем более с обувью в стране тоже проблема.
По уже проверенному маршруту они огибают непроходимые заросли тростника, приближаются к болоту и останавливаются, в рассуждении чего бы поесть. Болото кажется безопасным, слишком оно маленькое для крокодилов; а все-таки... А кровососов сколько!
Но зато здесь прямо-таки рыбный садок. Рыба попадается сразу, будто так и ждала, пряталась под лотосами (лотосов на картинке не видно, они ближе к лесу, и рыболовы заодно нагребли лотосовых корней). Отходят подальше, на пригорок, тоже приспособленное место. Правда, вчерашний ливень смыл следы костра и расшвырял приготовленные заранее сучья, но костер разгорается как положено. Корни лотоса пекут в золе, рыбу жарят на прутиках. Поздний завтрак затягивается. Мальчишки затевают совершенно акробатическую возню, а Гурген Сарбазович снова мечтает найти природные репелленты. В средней полосе, в степи особенно — полынь, пижма... есть еще герань, черемуха, гвоздика, перечная мята, можжевельник; а здесь? То-есть сейчас? В тропиках растет сандал. Может быть, наткнемся — надо держать нос по ветру и ребятам сказать.

К дереву, под которым кормились первобытные свиньи, они приходят уже к вечеру. Они и сейчас там кормятся, издали слышно. Правда похожи на кабанов, какие-то их троюродные дядюшки и тетушки. Ведут себя очень похоже, на пришельцев не обращают внимания. И профессор на них тоже: он смотрит на дерево и тихо бормочет: никогда я не был на Босфоре...

Добавить бы драматизма, приключений двух мальчиков в доисторической эпохе, «дети-капитана-грантовских», Конан-Дойлевских! Но как? Не написать же, как на Валентина напал тигр, а Карик вставил ему в глотку (пустую консервную банку? Удочку?).

Не могу! И не потому, что будущие тигры пока размером с куницу, и *прото*волки тоже, и *прото*медведи. Потому что *прото*свин, если ему вздумается напасть на пришельцев, а ему может вздуматься, то у человека без автомата шансов не будет. И шансов удрать и залезть на дерево — тоже. А еще где-то там такие птицы с такими носами...

Драматизм развивается в нашем времени, не совсем в нашем, то есть в нашем, но прошлом; то есть в параллельном прошлом... впрочем, это детали. Как эта история с машиной времени разрешится и чем завершится?

Карик и Валька ночуют на берегу, на пляже из окатанной гальки. Фляжку с пресной водой прихватили, когда провожали профессора. Утром, купаясь, наловили крабов, разожгли костерок, спекли добычу... красота! После завтрака валялись на песке, болтали. Много раз снова пытались найти в песке черепашьи яйца, но пока ничего не нашли. Может быть, не сезон. Маленьких черепах они ловили, но печь живьем не стали... жалко.
Теперь надумали для разнообразия пойти не вверх, а сквозь арку в скале — уже несколько дней там не были. Может, найдут что-нибудь интересное для Гургена Сарбазовича. Распознавание растений оказалось занятной игрой, с особыми правилами — систематикой. Очень хочется удивить и порадовать старшего друга...

Гурген Сарбазович сумел организовать свое расписание — лекции на биофаке, в Тимирязевке и занятия на биостанции, не обязательные, но необходимые ему самому. Он может быть свободен почти три дня. В эти дни он «работает» в закрытой мастерской у Белокаменной. Сейчас только вернулся. Папка образцов растений занимает рабочие столы, где когда-то создавали умопомрачительные радиосхемы. Мысли его заняты детскими сандалиями. Пока что... да, он отнесет туда свои тенниски и сандалии, до нового лета они ему не понадобятся. Вальке пожалуй по размеру; у этих тапок можно вырезать из подошвы подходящие куски, чтобы как-то привязать, примотать Карику на ноги... Хорошо, что в последний визит он захватил йод и марганцовку. В тропиках царапина или расчесанный укус могут превратиться в страшную язву.

С некоторого времени ученый стал приглядываться к тому, как одеты дети в окружающем мире. Правда, он не знает, как должны быть одеты хорошо одетые дети. Он не часто видит идущих в школу или из школы детей. То есть он на них не смотрит. Теперь будет смотреть. А взрослые? Как выглядят хорошо одетые взрослые? Он всегда считал, что одежда должна быть чистой и целой. У него, как у Тома Сойера, два костюма: один рабочий и «тот, другой» — лекционный. Примерно одинаковые. Он отдает их в чистку и при этом договорился с приемщицей, что она будет делать маленькую починку из любезности за умеренную плату. Конечно, когда обобьются края обшлагов и брюк, придется искать новые; ну, тогда и подумаем.
Выстиранные рубашки он понемножку штопает сам.

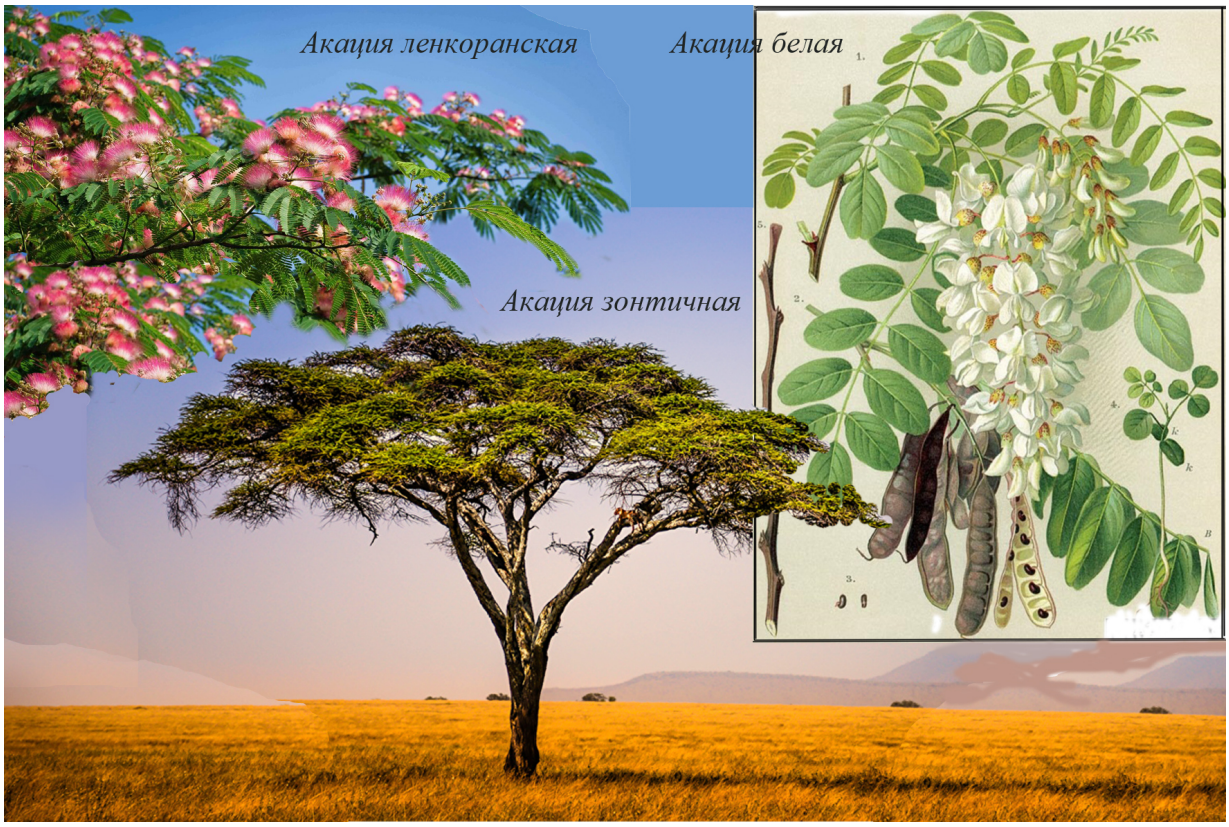
Да, а вот как женщины? Ему кажется, что молодые женщины всегда одеты нарядно и к лицу. Может быть, сейчас можно уже купить красивое платье? Не спрашивать же милых дам на биостанции. Тем более ему туда не надо. А надо ему в книжный магазин. После всего, что он нафантазировал после своего визита в это интересное место, страшно — и страшно тянет. Тем более нужно идти. Человек мог заняться поисками книги, которую ему зачем-то вздумалось прочесть. Может быть, он даже купил у коллеги этот «Малайский архипелаг». С долгами надо расплачиваться немедленно. Сколько может стоить книга, старинная, научная, на нынешние деньги? Смешно; он сам не помнит, когда покупал книги, в этой своей новой жизни (на свободе)?
Совершенно одичал. В эоцене ему самое место. А хорошо бы...

Из двери «Книжного дома 30 сентября» навстречу ему выбегают мальчик и девочка. Мальчик, поменьше, прижимает к себе толстую книжку. Девочка останавливается перед витриной, машет рукой, подпрыгивает. Разминувшись с детьми, ученый входит внутрь и видит, что букинист смотрит за стекло и улыбается, приподняв руку. Вот он увидел посетителя, отходит к столу. Узнал гостя, приветствует легким поклоном.

— Забавная девчушка, — говорит ученый. Перед глазами у него все еще маленькая пестрая фигурка, легкая, как вихрь.

— Машенька, Марусенька, Марьюшка и Манечка... — декламирует хозяин. — Соседка, бегает книжки смотреть. Отличница. Ей на день рожденья подарили деньги, чтобы выбрала себе книгу, какую хочет. Она хотела «Молодую гвардию», а у меня только старье.
— А мальчик?
— Постоянный читатель, настоящий книголюб. Всегда возвращает книги. Сегодня я ему подарил детского Гримма с картинками, ради Машиного дня рождения.
— Вы ее называете Маша?
— Машутка. У колхозницы Машутки раскричались куры-утки... из другой книжки. Вашего Уоллеса, простите за задержку, я заказал, и его нашли, просто я его не забрал еще. На той неделе, в начале, он здесь будет.
— Замечательно! Исполнение желаний... стоило пожелать, и вот пожалуйста. Извините, а... сколько это будет стоить?..
— Видите ли... книга не новая, и не лучшее издание. Пятнадцать рублей.
— Только-то? — ботаник действительно удивлен. Он прикидывал 50. — Позвольте, я оставлю вам эти маленькие деньги сейчас?
— Это против правил, благодарю за предупредительность, но порядок — только из рук в руки. Профессиональная этика, знаете ли...
— Как вам угодно. Тогда пожелаю вам самого доброго и откланяюсь.
— До встречи, и мои наилучшие пожелания.

Гурген Сарбазович все-таки отправился на биостанцию, хотя сегодня там у него никаких дел нет. Просто, как не зайти, раз это здесь, рядом?
«Надо прочесть отдельную серьезную лекцию о бобовых», думает он на ходу. «Цикл лекций. Тема неисчерпаемая. О выносливости, жизненной силе, о щедрости растений: сколько из них кормят людей, птиц и животных! И о красоте. Можно начать с акаций. Какие-нибудь глицинии большинству недоступны, кто может поехать в Крым? Но, скажем, самая простая желтая акация деревушек и скверов? В детстве все высасывали из цветочков сладкий сок...



А белая, роскошная, душистые деревья! Их недавно стали высаживать в степи, создавать лесополосы для снегозадержания. Очень хорошая мысль, в кои-то веки. Называется «сталинский план преобразования природы». Кто, интересно, мог его надоумить? Кто-то из недобитых генетиков и докучаевцев.
Рассказал бы про африканскую акацию, «дерево-зонтик», растет там, где чертополох погибает. Тут-то и сделать переход к микоризе... Да. Мне сначала самому с ней разобраться как следует. Как это подать...»

На территории станции профессор почти сразу замечает Зою Викторовну. Радостно кивает, направляется прямо к ней, здоровается за руку. Лучшая конспирация — никакой конспирации, убеждает он себя. И девушка радостно улыбается.
— У нас только недавно был директор детдома, новый, — говорит энтомолог. — Обсуждали, что мы можем сделать вместе. Сейчас даже, осенью, можно что-то придумать, помочь лесничему что-то убирать... Собирать хворост, например. У них и у нас печки.
— Замечательная идея. Посмотреть, как лес готовится к зиме, как деревья и кусты закладывают почки. Бегать по свежим листьям... А грибы? Грибы собирать будем? У вас тут места должны быть грибные, и не заповедник еще, буферная зона? Грибы не мой раздел, но вы наверно все разбираетесь?
— Еще бы! Только вчера варили гриборовку... тверской грибной суп. Знаете, как делается? Самая большая кастрюля в хозяйстве. Ставим на плитку, на дно луку немножко и морковки, постного масла ложку, чуть-чуть потушится, и доверху грибов, простых, сыроежек, подберезовиков, лисичек...
— Или опят, когда пойдут. Белые сушим...
— Конечно, а волнушки солим. Так вот, доверху нарезанных грибов, умять, добавить, посолить и крышку закрыть... грибы дадут сок, осядут на дно...
Бывает, еще грибов подбавим...
— А потом горсть лапши. Приходите как-нибудь пораньше, и наберем и приготовим!

— Жёлуди будут собирать, — вставляет симпатичная пожилая дама, зоолог, — зимой подкармливать белок, а зимой еще ходить по следам. Тут не только зайцы и белки, тут и хорьки, и лисы, и куницы. И птичьи лапы тоже, совы у нас, филины, во́роны

— А я могу показать, как различать деревья без листьев.

— Он говорил, — девушка становится серьезной, — что мальчиков еще не нашли. Просил, у кого есть знакомые в Черкизово, в Гольяново, в Богородском, передать им, как-то сообщить, может до них дойдет, если они прячутся в деревнях — им ничего не будет, никого в колонию не отправят. А в детдоме правда лучше.
— Что я могу сказать, Зоинька? — он произнес это совершенно естественно, а она чуть вздрогнула... — Они не голодают и в тепле. Насчет безопасности — не могу ручаться, к сожалению. Только не пугайтесь. Как только можно будет, вы первая узнаете.
— Я вам кое-что опять положу, можно? — шепчет Зоя. — Незаметно...
К ним приближается пожилой сотрудник.
— Чайку с нами, Гурген Сарбазович?
— Следующий раз с удовольствием, прихвачу что-нибудь к чаю...

Тем временем беглецы, наевшись от пуза креветок, в мягких и теплых предполуденных лучах весело топают по берегу в сторону мангровых зарослей. Они тоже заняты бобовыми: наставник объяснил им, как распознавать эту ценную породу. В общем случае; потому что есть исключения и нерешенные вопросы. Вот появится опять из воздуха... Еще книжку обещал принести. Вспомнив обещание, начинают сами вспоминать, что читали там, когда-то. Валька пересказывает младшему повесть про войну, про разведчиков.

— Интересно, это тоже бобовое? - спрашивает Карик, запрокинув голову. Наверху, в ветвях крупного корявого дерева, вьется что-то изящное с цветами. — Учитель говорил, они бывают вьющиеся?
Да, они так называют профессора. Должно быть, каждому из них раз в жизни попался хороший учитель.

— Лезь на дерево! — неожиданно шипит старший, хватает Карика, подбрасывает, заталкивает на толстую ветку, лезет за ним, подпихивает. — Лезь, быстро!
Они не деревенские дети, они не умеют лазить по деревьям. Но карабкаются. Валька оглядывается через плечо. Обдирая руки, колени, животы, они залезают довольно высоко. Устраиваются в развилке. Карик испуганно уставился на друга, тот смотрит вниз, и Карик тоже смотрит. Среди выступающих из болотной жижи мощных корней возится пара зверюшек. Сверху они похожи и на маленьких лошадок, которые попадаются везде, и на тех, кого профессор называет «будущими тапирами» или «будущими носорогами». Они чего-то ищут и едят. Дети уже зашли с краю в мангровую рощу, сквозь деревья просвечивает вода, озеро или река. Тут есть что пожевать — ростки ризофор, лягушачью икру, рыбок, жуков...

Теперь понятно, кто испугал Вальку. За зверушками появляется здоровенная зверина. И тоже роется носом в опавших листьях и плодах. Это тот самый Свинодонт, которого они видели под рожковым деревом. Учитель сказал, что он может быть опасен. Валька и сам догадался, что надо спасаться, маленьких и мирный зверь на части разорвет...

На дереве сидеть не очень удобно, и при этом от гнуса не спрячешься. Они натирались какими-то листьями, и пока шли, было хорошо. Но теперь кровопийцы осмелели. Сколько ждать, пока они наедятся и отвалят? Карик устраивается поудобней, чешет спину о ствол. И вдруг...

Внизу как будто что-то взрывается. Огромный крокодил выскакивает словно из воздуха. Пронзительный визг — чудовище схватило маленького кабанчика, а большой кабан бросается на крокодила. Пока не увидишь, не узнаешь, как быстро движутся дикие животные. Как раз увидеть их в этот момент нельзя.

Валька хватает младшего за руку. Только бы он от страха не свалился. Ужас, что там происходит. Если они будут драться под самым деревом... Кто кого? Мы, конечно, подсознательно на стороне млекопитающего, тем более он за дитя заступился.

Крокодил, кажется, откусил или оторвал ногу энтелодонта, но тот тремя оставшимися топчет его спину и голову. Крокодил извернулся, почти охватил пастью шею противника. Карик обмяк, побелел — Валька тянет его на себя, упираясь плечом, ногами — а из чащи, как разогнавшийся паровоз, вылетает второе млекопитающее, больше первого. На дереве слышен хруст — кабан крушит череп врага... первый зверь, наверно, была самка. Она истекает кровью рядом. Малыши попрятались.

— Карька! Очнись! — кричит старший. — Не смотри вниз!

Младший бессильно виснет у него на руках. Сражение происходит прямо под ними.

— Давай убежим, — с трудом, у него стучат зубы.

Валентин решается. Давай, говорит он. Не смотри вниз. Он пробирается по толстой, как ствол, ветке на другую сторону, ползет как можно дальше, повисает и спрыгивает. Протягивает руки, подхватывает приятеля — тот валится безвольно— и осторожно, оглядываясь, уводит его прочь. Бежать между выступающих корней в густом подлеске невозможно. Но героям битвы не до них.

Никто за ними не гонится, это ясно, но они подсознательно спешат оказаться повыше, подняться по выступам каменистого холма. Узнают место, где не так давно были с профессором. Там есть источник, небольшой ручей с водопадом, это хорошо. Они пьют, умываются и валятся на траву.

— Нам нужно оружие, — говорит Карик, едва отдышавшись.

Старший чуть не подпрыгивает. Он еще не отошел от жуткого зрелища, от ужаса, от беспокойства: как это переживет пацаненок? Приходилось ему видеть детей, так и не оправившихся после страшного, на всю жизнь испуганных... а этот — про оружие. Лежит, закинув руки за голову, серьезный такой.

— Учитель говорил, что у древних людей было оружие, — продолжает этот шкет. — И что они умели с ним обращаться. Давай сделаем себе оружие, копья или топоры, и будем тренироваться. Сразу мы не сможем убить крокодила или этого... но нам и не надо убивать. Нужно, чтобы мы могли их отогнать, например.

— Какое ты хочешь сделать оружие?

— Луки... или сначала копья. Сначала они будут у нас не очень хорошие. Но мы будем тренироваться и научимся делать лучше.

— Ну... кто нам помешает? Попробуем.

Для копья нужно длинное прямое древко. Тонкое прямое дерево. Надо вспомнить, где видели мы рощу из одинаковых тонких деревьев. Вокруг, куда ни глянь, все растет как пожелает - ветки торчат во все стороны, ствол изгибается, как змей. Может, из кривой ветки лук выйдет? А стрелы? Если ходить, искать не только еду, про оружие тоже думать, что-нибудь найдется.

И сразу хочется есть. В этом месте они были с профессором, он сорвал с дерева несколько синих стручков, разломил, выбросил зернышки, попробовал, подумал и дал им. Только, сказал, осторожно. И живот не болел. Стручки хорошо, но хочется горячего рыбного супу...

— Валь, как по-твоему — это дерево бобовое? — спрашивает Карик. — У него стручки и листья такие. Похожие на перья. Валь... а мы туда больше не пойдем?

— Пойдем, только не скоро, — решает Валентин. — Там сейчас пир у стервятников. А мы потом когда-нибудь, может с Гурген Сарбазычем. Пошли пока в палатку, у нас там знаешь что есть? Печенье, сахар и какао. Пошли, далеко еще. А по пути будем тренироваться.

— Но у нас оружия же нет?

— А это тебе не оружие? — старший поднимает небольшой камень. — Спорим, я попаду...

Мальчишки пьют какао, с сахаром и молоком — с сухим молоком (было тогда очень хорошее, из какой-нибудь страны СЭВ, с ним делали трюфели не хуже магазинных). Из припасов профессора. Их держат в большой жестяной банке, придавленной камнями на дне маленького водоема под источником. Потому что в таком климате и сухое молоко скиснет.
Наслаждаются. Отдыхают. Ни с того ни с сего засмеялись, ни о чем, вспоминают пустяки, хохочут, что-то сочиняют, что кажется в этот момент страшно остроумным. Вдруг Карик начинает плакать.
— Ты что?
— Мне ее жалко... это их мама первая прибежала, и она наверно умерла.
— Мы от нее и на дерево полезли, ты забыл? Она сама могла напасть.
— Ну да... а все равно. Ладно, я не буду.
Старший берет его за руку.
— Вальк, — говорит, немного успокоившись, Карик, — у тебя был когда-нибудь брат?
— Был, — не сразу отвечает Валентин, — были, там, у казахов. И братья были, и братишка.
— Как это?
— У казахов — разница. Старший брат — ага, младший — ини. Вот если бы мы были братья, ты был бы мой *иним, мын иним,* а я твой *агам.* Хочешь, я буду звать тебя ини?
— Ага. То-есть да. Ты будешь мой ага?
— Агам — когда ты обо мне говоришь, а когда зовешь — ага. Брат.
— А я братишка...
Оба смеются.

В это же время в Москве, по московскому времени — потому что профессор оставил им свои часы, велел не забывать заводить, чтобы хоть как-то договариваться о встречах. Календарь они тоже ведут в тетрадке, он сверяет, как и часы. Время суток, кажется, не совсем совпадает; полдень на полдень не приходится, наверно, за счет того, что вблизи экватора оно равномернее. Времена года здесь и совсем не меняются.
Так вот, перед концом рабочего дня в здании лаборатории (в «конторе») появляется профессор Асланян. На биостанции оживление, туда-сюда ходят мужчины, одетые по-охотничьи. Одни вернулись, другие собираются. У кого-то фотоаппарат. Ну как же. У лосей гон. Надо наблюдать. Погода отличная.
В рабочем кабинете Зоя Викторовна и младший зоолог Марфа Зиновьевна (славная старушка) заканчивают работу, готовятся к завтрашней. Лаборантка поливает цветы.
— Милые дамы, — торжественно провозглашает Гурген Сарбазович, — смею ли я пригласить вас выпить со мной чаю? (боже, как я смешон, думает он при этом). В одной руке у него старый, плотно набитый портфель, в другой — картонная коробочка. Пирожные из Столешникова.

В лаборатории ставят чайник на плитку, освобождают письменный стол — достают вышитую салфетку! и чашки. «Чайник новый, чай бордовый...» — напевает лаборантка. Сдвигают стулья. Зоя закрывает и откладывает журнал с нарисованными на обложке странными, очень длинными женщинами.
— Расскажите нам что-нибудь про бобовые, Гурген Сарбазович, — лукаво подначивает Марфа Зиновьевна.
— Пожалуйста! — весело соглашается ботаник. — А что это за картинки у вас, Зоя Викторовна?
— Вам интересно? Это модный журнал, немецкий. Хотите посмотреть, какие за границей красивые женщины?
Зоя протягивает ученому тонкий потертый журнал, улыбаясь заранее. Тот слегка подыгрывает женщинам, готовым позабавиться: рассеянный профессор и женская мода...
— Они здесь довольно странные. Очень уж высокие.
Женщины, конечно, смеются.

— Они такие же, как мы, — говорит Марфа Зиновьевна, чуть заметно прикасаясь к своему округлому бедру. На ней тесный темно-серый жакет, белая блузка с вышитым воротником и манжетами, в разрезе жакета небольшая брошка. — Все реклама: платьишко так себе, а дама видит и мечтает: вот надену, буду такая же стройная. И знает, что не будет, а покупает. Вы манекены видели у нас на Арбате?
— Боюсь, что нет, — отвечает рассеянный профессор. — Не помню, когда был на Арбате. А там эти платья продаются?

— Что-то можно купить, в комиссионном магазине, офицеры присылают из Германии женам, женам не всегда нравится. Некоторые живут с семьями, много покупают, привозят..
— А можно прийти в ателье с таким журналом, заказать какое нравится, они сошьют, — говорит лаборантка. — Только у них материя не всегда есть подходящая. Надо приносить свою...
— Материя тоже проблема. В магазинах пусто...
— А вы заказываете в ателье?
Гурген Сарбазович не решается посмотреть, что надето на Зое. Что-то темное, коричневое или темно-зеленое, ему кажется, очень изящное. Тоже кружевной воротник, только большой, и манжеты широкие.
Женщины смеются.
— Нам это не нужно, у нас поблизости хорошие портнихи, — говорит Марфа Зиновьевна. — И мы сами шьем, а больше перешиваем, — кивает на молодую сотрудницу.
— Было бы из чего, — вздыхает лаборантка. Бедная девушка с войны, пока росла, и теперь донашивает перешитые мамины довоенные платья. По три раза перешитые. А ведь она учится на вечернем. Правда, все кругом такие.
Лампа с зеленым абажуром, чайник на плитке, коробочка пирожных на столе. У женщин мечтательные лица: говорят они о своей бедности, а в мыслях у каждой — она сама в своем любимом платье, «том самом», на бульваре, на танцах — или в одном из этих интересных, необычных, что в журнале, в туфельках на каблуке, с изящной укладкой, гордая, независимая. Собирается в кино с кавалером...

— Зоя Викторовна из старого сделает лучше нового, — снова вздыхает девушка (ее зовут Лида).
— Я уж ей говорила, — смеется старушка, — ты бы шитьем больше заработала, чем здесь.
— Может быть, Гурген Сарбазович, вы все-таки расскажете нам про семейство бобовых? — спрашивает молодой энтомолог Зоя Викторовна.
— Хотите узнать про Самый Большой Боб в мире?
— Просим, просим!
Профессор не может, к сожалению, показать картинку.

— В семействе Бобовых, — начинает ученый, — есть род Энта́да (*Entada*), в нем около 30 видов деревьев, кустарников и лиан. Обычно в популярных книгах о ботанике печатают одну и ту же картинку с девочкой, которая стоит рядом с толстой, как дерево, лианой, и держит в руке стручок. Он намного выше ее роста. Это многолетние крупные лианы, у них самые крупные в мире стручки — до метра с лишним. Листья двоякоперистые, с многочисленными мелкими листочками. В Африке это растение называется «бобы сновидений»: колдуны, как рассказывают путешественники, едят плоды энтады, чтобы войти в транс. Самые семена величиной с игральную шашку, круглые, прочные, блестящие. Из них делают ожерелья и амулеты.
Эти бобы — путешественники, они могут переплыть даже океан, чтобы прорасти в другой части света. На приплывших семенах часто встречаются следы зубов, оставленные любопытными морскими существами. Если семена выбросило на берег в тропической зоне земного шара, они с успехом прорастают. Возможно, их едят животные, кое-где из них делают порошок для замены кофе и какао...

В дверь заглядывает молодой сотрудник.
— Девчата, мы на трамвай!
Зоя и лаборантка вскакивают.
— Чаю? С нами? — приглашает Марфа Зиновьевна. Она в рабочей одежде.
— Эх, да... — парень крутит головой. За ним в коридоре еще двое. — Жена придерется: опять за Зойкой бегал?
Женщины быстро собираются.
— Пирожные с собой возьмите! Мы и половину не съели.
— Нет-нет, это вам, Марфа Зиновьевна, ночью не скучать...
Дверь закрывается, поспешные шаги в коридоре. Молодежь, переговариваясь, проходит под окном. Старая женщина провожает их взглядом.
— Вот так... все они в нее влюблены, все за ней ухаживают... а домой едет к сестре и племянникам. Все ее женихи — там...
И она кивает на окно, где за лесом догорает закат.
— У вас ночное дежурство, Марфа Зиновьевна?
— Да, время ответственное. Иногда лоси друг друга калечат, ветеринар может понадобиться.
— И вы пойдете ночью через лес, далеко?
— Верхом поеду. Обходчик тоже верхом приедет. Не так уж часто случается, и не всегда ночью; но все может быть.
Через полчаса старики прощаются. Профессор уходит в свою секретную лабораторию. Там он остается до утра, занимаясь камеральной работой: руки до нее не часто доходят. Он так погружен в любимое дело, что не замечает стука проходящих товарных поездов и грохота на станции, где формируют новые составы.

На рассвете ученый вступает в таинственный аппарат...

Ребята долго не спали, разговаривали. Луна зашла, звезды засияли вовсю; они вынесли брезент, постелили на охапку сена, натерлись душистой травой. Карик заснул крепко. Валентину снился сон на казахском языке — так ему показалось, когда он проснулся. Он вспоминает, как жил в городе у брата Ожарбая. Он был хороший, жена у него была веселая и красивая. По праздникам готовила бешбармак, приходили гости. Приемыша-подроска сажали за стол со всеми. *Мын иним,* говорил Ожарбай. Потом все пели красивые казахские песни, кто-то играл на домбре.

Мальчишки...
Как-то это не совсем правильно — называть послевоенных детей «мальчики», «мальчишки»... ага, еще «мальчуганы». Нашим детям в 6 классе задали «Тимура и его команду». Там взрослые видят «мальчугана 13 лет». Вообще много лет не слышала этого слова. До чего фальшивая вещь, сил нет! Пропаганда скаутского движения, чтобы у нас было как в Штатах. Но мы – не они. У нас добровольно не выгорело, завели принудительное пионерское движение. Стрелять не учили, учили ходить строем. Галстуки тоже скопировали...
Наши-то «мальуганы» всяким скаутам дадут сто очков вперед.
А был роман «Дорогие мои мальчишки», то ли Кассиля, то ли Каверина. И роман «Мои мальчуганы» тоже был — дореволюционный, перевод с норвежского. Два брата, Олле и Сванте, с семьей проводят летние каникулы «в Шхерах», в курортном месте – «в Шхерах». Великая скандинавская детская литература была, оказывается, всегда, с картинками, занятными приключениями, с элементами этнографии

Придумываешь своим персонажам правдоподобную судьбу, а жизнь-то вон какое устраивает.
См. «Приложение» на следующей странице.

Как-то вспомнили Генку Снегирева. Когда-то знали, его все знали. «Генка Снегирев» — это не с «Пушкиным на ты», это его имя в истории. Будущий писатель на несколько лет старше старшего мальчика, Вальки, и меня тоже. Мы с Валькой почти ровесники.
Вот какая у Геннадия Снегирева была жизнь (скомпилировано из разных источников):

Родился в Москве в 1933. Мама работала библиотекарем в паровозном депо Октябрьской железной дороги.) О*тчим 17 лет отсидел в лагерях, он был физик-теоретик. (Когда же отчим вышел?)* Семья еле-еле сводила концы с концами, а Гена с детства мечтал о путешествиях в дальние края, *на Чукотку...*
В эвакуации был в Поволжье, служил подпаском, навсегда запомнил красоту степи. Вернувшись в Москву, учился в школе, потом в двух ремесленных училищах. «*Я был типичным мальчиком военного времени. Я приходил в школу раздетым, а когда уходил — забирал из раздевалки пальто. В ремесленном учился, чтобы рабочую карточку дали». Чтобы прокормиться, спекулировал, торговал в розницу папиросами. Но...*
Дома в бывшей ванной комнате у него жила лиса, взятая из зоопарка, жили морские свинки, собаки, аквариумные рыбки. Его неудержимо тянуло на птичий рынок, в зоопарк, в ботанический сад. Лет в 10-11 с другом Феликсом стал бродить по подмосковным лесам. Ремесленное училище не закончил: надо было зарабатывать на жизнь. В 13 лет взяли учеником препаратора на кафедре ихтиологии МГУ. Тогда на биофаке преподавали ученые с мировым именем. «*Это и было моим образованием, потому что я общался со старыми интеллигентами, профессорами».* Особенно привязался к Владимиру Дмитриевичу Лебедеву. Лебедев, полярный летчик, Герой Советского Союза, скромнейший человек, тогда только что вернулся с войны. В 13 лет Снегирев с ним отправился в своё первое дальнее путешествие на Чудское озеро...
Вместе — учитель и ученик — лечили рыб, делали раскопки на Чудском озере, на месте проживания племен-рыбоедов четвертичного периода.
По костям и чешуе рыб, которых они (в смысле рыбоеды четвертички?) ели, восстанавливали породы и размер рыб тысячелетней давности. Они тогда были значительно крупнее. Изучали рыбьи кости и чешую (оказывается, по чешуе, как по срезу дерева, можно определить, сколько лет рыбе). Вскоре Г. Снегирев стал сотрудником лаборатории по болезням рыб в институте морского рыбного хозяйства и океанографии. Он лечил рыб от краснухи, грибков и других болезней, и даже впервые вывел в аквариуме дальневосточную креветку лимнеус и амурскую рыбку бычка. «*Потом оттуда я перешел во ВНИИ океанологии — там работал мой друг, художник Кондаков — лучший рисовальщик обитателей морей и океанов, специалист по головоногим моллюскам: осьминоги, кальмары*». (Его иллюстрации в Жизни Животных лучшие – *Н.Д.)*
Снегирев начал заниматься боксом (мальчишкам надо уметь постоять за себя), был худым (вернее тощим), невысоким. Стал чемпионом Москвы среди юношей наилегчайшего веса. Прежде чем начать печататься, был звероловом, ихтиологом, смотрителем зоопарка, орнитологом. Плавал матросом по Тихому океану, бывал в разных экспедициях, бродил с геологами по Восточной Сибири, был рыбоводом, охотником. Якутия, Белое море, Тува, Арктика, Туркмения, Курильские острова, Бурятия, Горный Алтай, Камчатка...
Дальше — путешествия, наука и книги, детские книги о науке и путешествиях...

В 61 году мы услышали, что есть такой гениальный чудила, шизофреник со справкой, наркоман. Ихтиолог! Рассказывали историю про домашний аквариум на три кубометра. Его все любили — в заметке целый список очень известных людей, начиная с Паустовского. В редакциях его любили умиленной любовью: такой талантливый, непредсказуемый, безумный, смешной, и надо же... Прощали задержку рукописей, нарушение договоров, скрывали от начальства. Видные литераторы записывали его антисоветские байки (надеюсь, записали много, издадут). Лечился от специфических болезней русского человека у старца и тувинского шамана. Вылечился, говорят.

Старший проснулся. Оглядывает с высоты свой удивительный мир... море слышно и здесь. Карик завертелся, сейчас проснется. Учитель обещал быть сегодня, если получится. Идти встречать его? Собирать на завтрак «фрутти ди маре»? (Тогда этот термин у нас еще не перевели.

Знакомый свист на подъеме — он уже идет. Карик вскакивает, буквально встрепанный, он уже довольно оброс — и скачет ему навстречу, вниз.

— Гурген Сарбазович! Гурген Сарбазович! Что мы вчера видели!

Валька вскакивает тоже. Надо было предупредить — как он не подумал!

Когда он добежал, его братишка трясет руку наставника и нечленораздельно описывает — изображает — вчерашнюю страшную сцену.

Профессор роняет портфель. Бледнеет. У него подкашиваются ноги.

— Раньше там не было крокодилов... Я исходил и облазил заросли вдоль и поперек. Ни за что бы вас туда не повел...

«Надо забирать мальчишек. Но как? Говорить об этом сейчас — только показать, как мне страшно, и они будут бояться жить здесь, и все равно останутся одни. Что делать?»

В портфеле у дорогого гостя дары. Сосиски в пакете, нарезанный тонко сыр, две французские булки и поношенные, но крепкие сандалии, кожаные, с железной пряжкой, и как раз такого размера — до чего здорово!

После завтрака наставник ведет своих подопечных туда, где еще раньше обнаружил ореховое дерево.

Род насчитывает двадцать видов, произрастающих в западной части Северной Америки, и два вида в Азии (кария катайская и кария тонкинская), в умеренно тёплом и влажном климате. Ботаников долгое время волновал вопрос: как близкородственные виды карии оказались так разобщёнными территориально. Помогли разобраться в этом палеоботаники. Выяснилось, что на севере Евразии от Франции и Италии до Абхазии в третичное время и примерно 15 млн. лет существовала ещё кария мелкозубчатая (Carya denticulata), родственная карии тонкинской. А к северу от нынешних мест существования карии катайской существовал близкий ей вид, ныне вымерший.

В третичный период в других частях на территории Евразии почти повсеместно существовали виды карий, близкородственные североамериканским (карии опушённой, карии сердцевидной и другим). В третичный период произошло сильное похолодание, одновременно исчезло соединение материков, так называемый Берингийский мост, ареал рода сильно сократился. В результате виды одного и того же рода оказались далеко друг от друга.
Карии — большие листопадные однодомные деревья, до 60-65 м высотой, В лесу ствол высоко очищен от веток, на свободе крона шатровидная или яйцевидная, ветви мощные, толстые. Растут в широколиственных лесах, в долинах рек, зачастую в местах заливаемых водой на долгое время или с проточным увлажнением, на плодородных почвах, лишь некоторые виды растут на минеральных почвах с нормальным увлажнением.

Теневыносливы. Дают обильную поросль от пня.

Плоды карии, даже те, которые не идут в пищу человеку, поедают утки, индюки, куропатки, рябчики, фазаны, лисы, кролики, бурундуки, белки.

Поход занял почти полдня. По пути Карик объяснял учителю, как они сделают оружие, сначала копья, потом луки, будут тренироваться, а пока они учатся кидать камни и попадать в цель. Среди влажной лесной подстилки камни им не попадались, и какое-то время они шли спокойно. Целая роща Карий не очень обогатила их добычей, хотя под ногами хрустела россыпь скорлупок; орехи росли где-то там, вверху, в кронах, поверх вытянутых стройных деревьев. Нужно было выйти на опушку. Валентин прикинул, что совсем молодые деревца вполне годятся на копья, и приготовил карманный нож. Профессор остановил его: лучше всего, сказал он, копья из бамбука, там, где растет бамбук, дикари охотятся именно с ними. Бамбуковая роща ему известна, и можно будет туда пойти. Кстати, из тонких стеблей можно сделать все что угодно: корзины, верши, гамаки, шалаши. Но сейчас они уже почти пришли...

Все это время они слышали вверху возню птиц, шорох, треск орехов. По сторонам тоже что-то шуршало. На опушке, где ореховые деревья разрослись вольготно и пышно, пиршество жизни происходило и в ветвях, и в траве под ногами. Но и при такой конкуренции они легко набрали полный мешок. На отдыхе постарались очистить побольше орехов, чтобы не таскать лишнее. Половину оставили так, для сохранности.

В доисторической чаще, как нам кажется, обязательно должен был кто-то порхать, летать, выпрыгивать из-под ног, наскакивать, драться, кричать... хотя знаменитые исследователи тропических лесов жаловались, что увидеть их обитателей — большое везенье. Слышно-то их слышно, и даже очень, людям приходится повышать голос, даже поздно вечером, в тихой семейной беседе. Птицы предпочитают обитать, гнездиться, кормиться и сражаться именно в развесистых кронах могучих деревьев. Правда, чтобы размножаться, т.е. встречаться, знакомиться, флиртовать и выяснять отношения, они спускаются на нижние этажи, тут ими можно полюбоваться, тем более самцы для такого случая стараются принарядиться, а в разгаре ухаживания совершенно теряют голову.

Могут встречаться, например, змеи. Ядовитых змей тогда еще почти не было, а удавчика можно и съесть. Можно сказать, тропический лес — страна непуганых змей. Их много, много ящериц, у воды — черепах. Млекопитающие, кроме самых ленивых (они и называются ленивцами) так умны, что стараются посмотреть на вас, прежде чем вы на них посмотрите. Уоллес пишет, что в тропическом лесу вообще скучно, никакой красоты в нем нет, вот только бабочки – их как раз множество, и все прекрасны!

Эти бабочки — наши современницы, но эоценовые были не хуже...

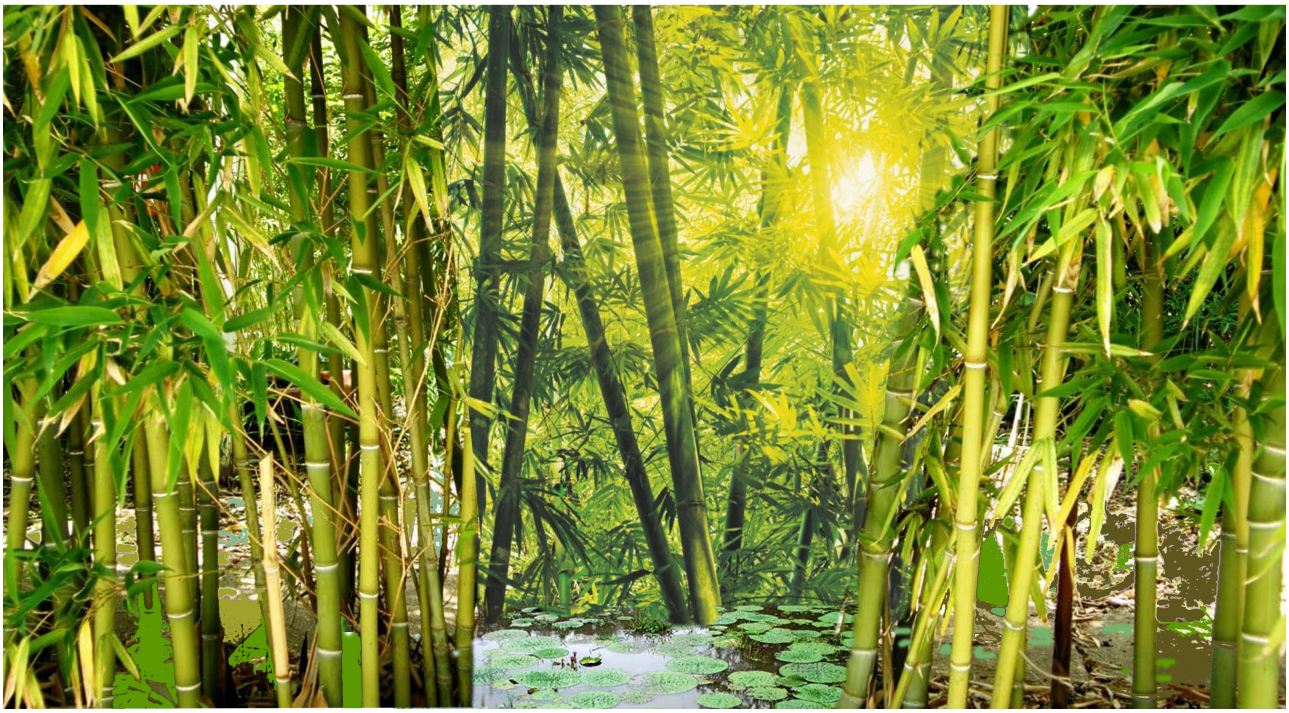
«Чешуекрылые, ископаемые останки которых известны начиная с юрского периода, в настоящее время являются одним из наиболее богатых видами отрядов насекомых — в отряде насчитывается более 158 000 видов».

Внезапно всякая мелочь стихла и порскнула в траву и в чащу. Кто-то большой спокойно, не спеша прошествовал за ближайшими кустами. Он останавливался и тоже, кажется, щелкал орехи. Постоял... и как будто даже посмотрел на них. И ушел обратно в чащу.
— Он был... Он шел на двух ногах, — прошептал Карик.
Профессор кивнул.

— Думаю, это была Диатрима, — сказал он тоже тихо. — Гигантская нелетающая птица. Считают, что она охотится на небольших зверьков, на гиракотериев. Их еще называют эогиппусами, предками лошадей. Эогиппус — «лошадь зари». И ей незачем нападать на двуногих прямоходящих, если только ей чего-то не покажется. Предположительно, лучшая тактика — спокойно отступать, не упуская э-э... противника из виду, но не бежать. Сам не проверял.
Пойдемте-ка, нам далеко.

Бамбуковую рощу они нашли. Профессор теоретически знал, что самое место бамбукам в мангровах, но туда он сам убеждал ребят не ходить, и надеялся, что они послушаются. Но где-то среди болот и мелких озер плоскогорья они обязательно должны быть. Хотя в учебниках они не называются «третичными реликтами», но такое огромное и повсеместно распространенное семейство (вернее, подсемейство семейства Злаки (Poaceae), наиболее известным представителем которого является Бамбук обыкновенный (Bambusa vulgaris).

В подсемействе насчитывается около 1200 видов), разумеется должно было сформироваться чуть не в Юре. «Третичный реликт» — это именно вид растения, существующего прямо сейчас: гингко, лотос, эвриала. Или араукария, древнейшее хвойное.



Какое дивное место запрограммировал Гурген Сарбазович Асланян, когда подбирал условия желанной планеты, возможно, существующей в в безмерных пустынях Вселенной, где бродят, как овцы, галактики! Надо было начать, как он тогда думал, с геологии, представить правдоподобную такую формацию. Есть же с кем обсудить, в Ленинской библиотеке, и в Музее Геологии МГУ можно было спросить. Он представил такое невысокое скалистое плоскогорье, круто обрывающееся к песчаному берегу залива. Но залив вообразил мелкий, в безбурном море. Вот и получил чуть приподнятое плато, стену с воротами в прибрежных скалах. Наверху умеренные субтропики с предельно разнообразной растительностью, но без сплошных непроходимых зарослей (кому они нужны). Там растут пальмы, орехи, бобы, лотосы, озера кишат крупной ленивой рыбой, пресноводными крабами и моллюсками, хотя многие предпочитают морских, но рыба тут вкуснее. Летают бабочки, птицы и стрекозы. Возле воды и на опушках деревья не тянутся вверх, но раскидывают ветви, на которых легко найти гнезда и в них яйца. Чтобы умереть от голода, нужно остаться одному и заболеть лихорадкой в тяжелой форме.

За вершинами леса вдали видны горы, тоже поросшие лесом — вторая ступень амфитеатра. Оттуда текут реки... а откуда берутся реки? Ведь снежных вершин в это время не было? Значит, просто дождевая вода стекает и стекает вниз, где ей удобнее.

Ночью детей мучила духота, утром они поняли, в чем дело: все небо затянули тяжелые темные тучи, в них вспыхивали редкие зарницы. Они никуда и не пошли. Как-то раньше профессор принес им еще кусок брезента, они натянули и закрепили его, их дом стал просторней. Они разожгли небольшой костер в очаге — у них был очаг, и, когда нагорело довольно углей, стали печь в них орехи. Лениво обсудили, чего им больше хочется — чаю или кофе (вот сибариты! гурманы!). Дальше — валялись на животе и разговаривали. Безделье тоже великое дело, особенно в детстве. Они обсуждали рассказы профессора про зарождение и развитие жизни. Валька учил Карика песенкам на казахском языке. Они рассказывали друг другу сны, рассказывали кошмары и страхи. Рассказывали страшное, что видели, о чем слышали. Гадали, кто их учитель, как он жил раньше?

Представьте себе, профессору смотаться за 50 миллионов лет — что нам в окно выглянуть. Устройство ведь не потребляет энергии. Он договорился с детьми, что если дождь, он сразу вернется назад: у него дельце там есть...
Де́лец, или деле́ц, у него много, но главное, неотложное – нелепая и ненужная история с «Малайским архипелагом» Уоллеса, с «Книжным домом» и его, надо признаться, таинственным и таинственно привлекательным хозяином. Вряд ли он правда хозяин, владелец, магазин наверняка государственный; неважно. Ученый появляется книжном царстве среди дня, дети в дверях не вертятся, на улице тоже никого.
Книжник сидит за рабочим столом, на столе аккуратные стопки старых книжек, подобранные по размеру, папка с переплетной бумагой, баночка с клеем, но мастер сидит, откинувшись на стуле, и держит на вытянутой руке старую книгу.
— Простите, что отвлекаю... — начинает гость.
— Добро пожаловать, — хозяин встает, протягивает руку.
— У вас, специалистов, не пропадает интерес к чтению? — любопытствует ученый, окидывая взглядом бесчисленные корешки в самом разном состоянии..
— У кого пропадает, у кого превращается в болезнь, — отвечает тот, чуть подумав. Видимо, вопрос его заинтересовал. — Пожалуй, со мной случилось и то и другое. Я готов читать любую книгу с любого места. Собственно, здесь больше и делать нечего целый день. Но я редко дочитываю до конца; откладываю, а потом беру другую.
— А чем вы заинтересовались сегодня?

— Это забавно, посмотрите, — букинист подает гостю раскрытую, довольно большую книгу в умело отреставрированном переплете.

— Старый знакомец! — восклицает пораженный биолог. — Святополк, видите ли, окаянный. Этакий Манфред. Сидит на скале, полуголый, конечно. Наверно, терзается: зачем я Отечеству изменил с поляками? Все она, Болеслава... Гимназический учебник истории? А, нет, пособие, книга для чтения... Интересно, как его трактует современная педагогика? Или теперь история пустяками не занимается, только трудовыми отношениями и эксплуататорами?

Внук в 6 классе учил историю, там был тот же тип. Только без картинки. Это сколько же парадигм надо сменить? Мы-то при марксизме тоже его, окаянного, проходили! Бориса и Глеба убил, вот и терпит муки адские. Хотя это тоже оспаривают, некоторые считают, что скорее Ярослав. Да какая разница? «Что день, то брат на брата...»
Если бы дитя согласилось меня слушать, я бы рассказала про границу леса и степи, про реки – пути цивилизации, про Киев, разбойничье гнездо на пересечении Великого Шелкового пути и Великого Янтарного, про Новгород и Запад, про финнов, славян, варягов и тюрков, про плавильный котел. По Ключевскому и Гумилеву.

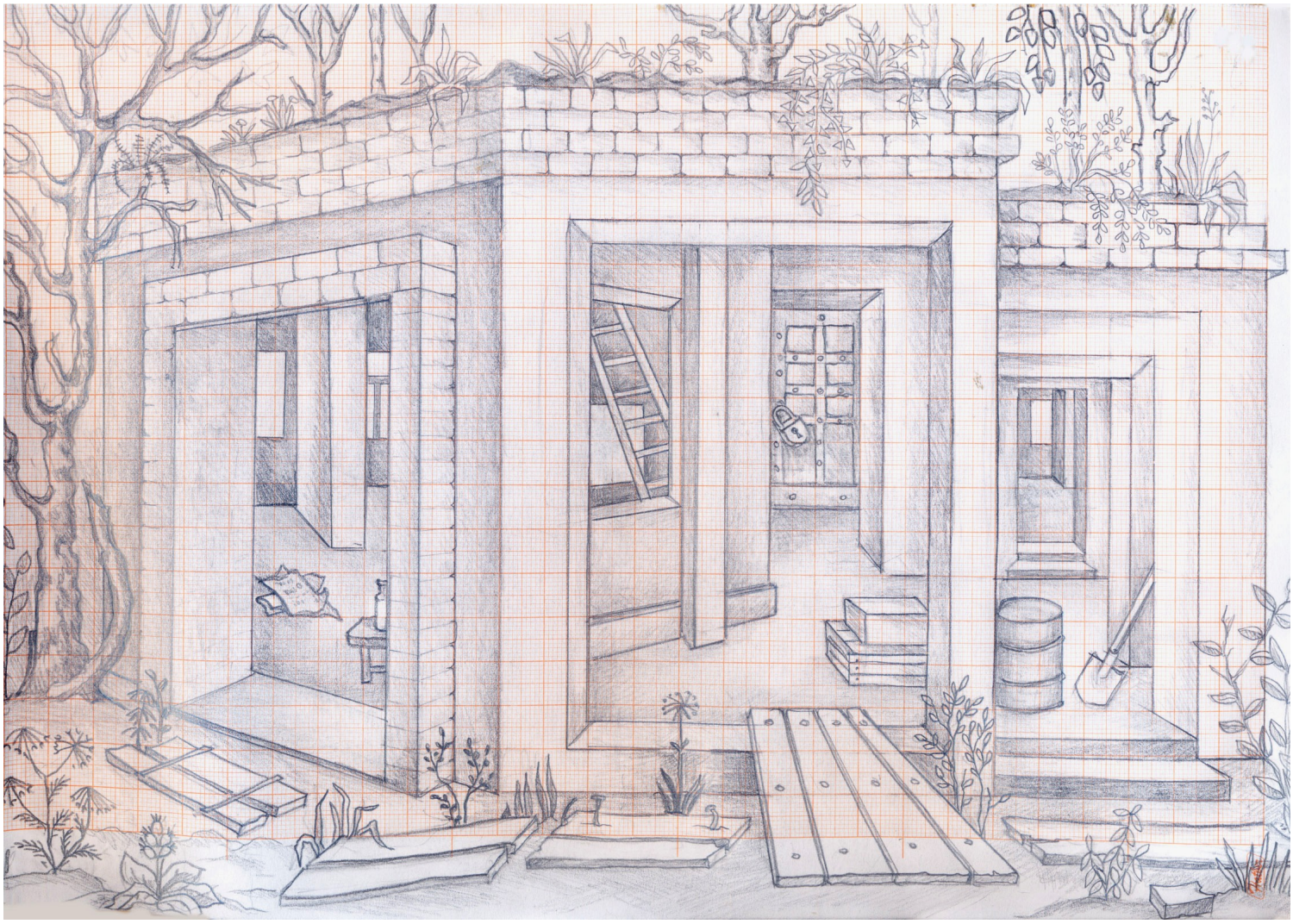
Что-то в этом роде проносится в мыслях ученого, и он принимает решение. — Пожалуй, если у вас найдется, — говорит он, — я бы купил современный учебник истории, школьный. Чтобы знать, как учили моих нынешних студентов. В лекции, скажем, о распространении культурных злаковых по средней Европе. Да и... самому интересно вспомнить разные события. Впрочем, Василий Платонович, у нас с вами еще Уоллес...
— Пожалуйста, вот он, — букинист отходит в дальний угол и достает том из шкафа.

Гурген Сарбазович делает шаг за ним — и видит, какую книжку отодвинул любезный продавец, доставая солидный «Малайский архипелаг».
И любезный продавец видит, на чем он остановил взгляд — на маленькой потрепанной книжечке, издания 32 года, «Молодая гвардия». Журналист А.Роскин. О путешествиях Николая Вавилова, о тех самых «путях распространения культурных растений», собственно говоря, о «центрах происхождения».
— Здесь я держу то, что не для продажи, — хозяин и не скрывает, что заметил особое внимание покупателя. — Заказанное, или специфические издания.
— Эту книгу я не мог бы приобрести, Василий Платонович, даже если бы вы мне это предложили, — отвечает Асланян, — в общежитиях «специфических изданий» не держат.
Кажется, два старика раскрыли карты. Ну что ж. Все стало проще. А ведь Асланян был на том знаменитом совещании в Саратове, в 20 году. Доклад о гомологических рядах. Общее потрясение: у ботаников свой Менделеев нашелся!
Асланян откланивается и уходит с Уоллесом подмышкой. Будет время подумать и над этой загадкой: случайно ли новый знакомый показал ему, что держит запрещенную литературу, притом по его специальности? Или тогда — Герновы «Тверские клевера»? Значит ли это: берегись, про тебя знают — или наоборот: приходи, тут свои?
Кто ему «свои»? Интеллигенты с дореволюционным образованием, или осужденные по политической статье — собираются, новый заговор готовят? Удобное место — библиотека, книжный магазин. В таком уютном местечке как не собраться кружку книгочеев, вспомнить поэтические вечера в Политехническом, теософские споры, Сельму Лагерлёф, Метерлинка, Блока и Бальмонта?

Ему во всяком случае не до Метерлинка. Перед ним неразрешимая задача.

Неразрешимая задача — это хорошо. Горячит кровь. Это как игра. Гурген Сарбазович играет, что он аббат Фариа. Требуется вызволить узника замка Иф. Двух узников: большого и маленького. Единственный выход из темницы — небольшая железная дверь. У аббата есть ключ от этой двери, но дверь под постоянным бдительным наблюдением стража. Напоить Васю или Федю сонным зельем не удастся: часовым категорически запрещено брать что-либо от посторонних, даже папиросу. Что же, рыть подземный ход? В бетоне? Да, вот какую книгу он бы перечитал: «Графа Монтекристо».

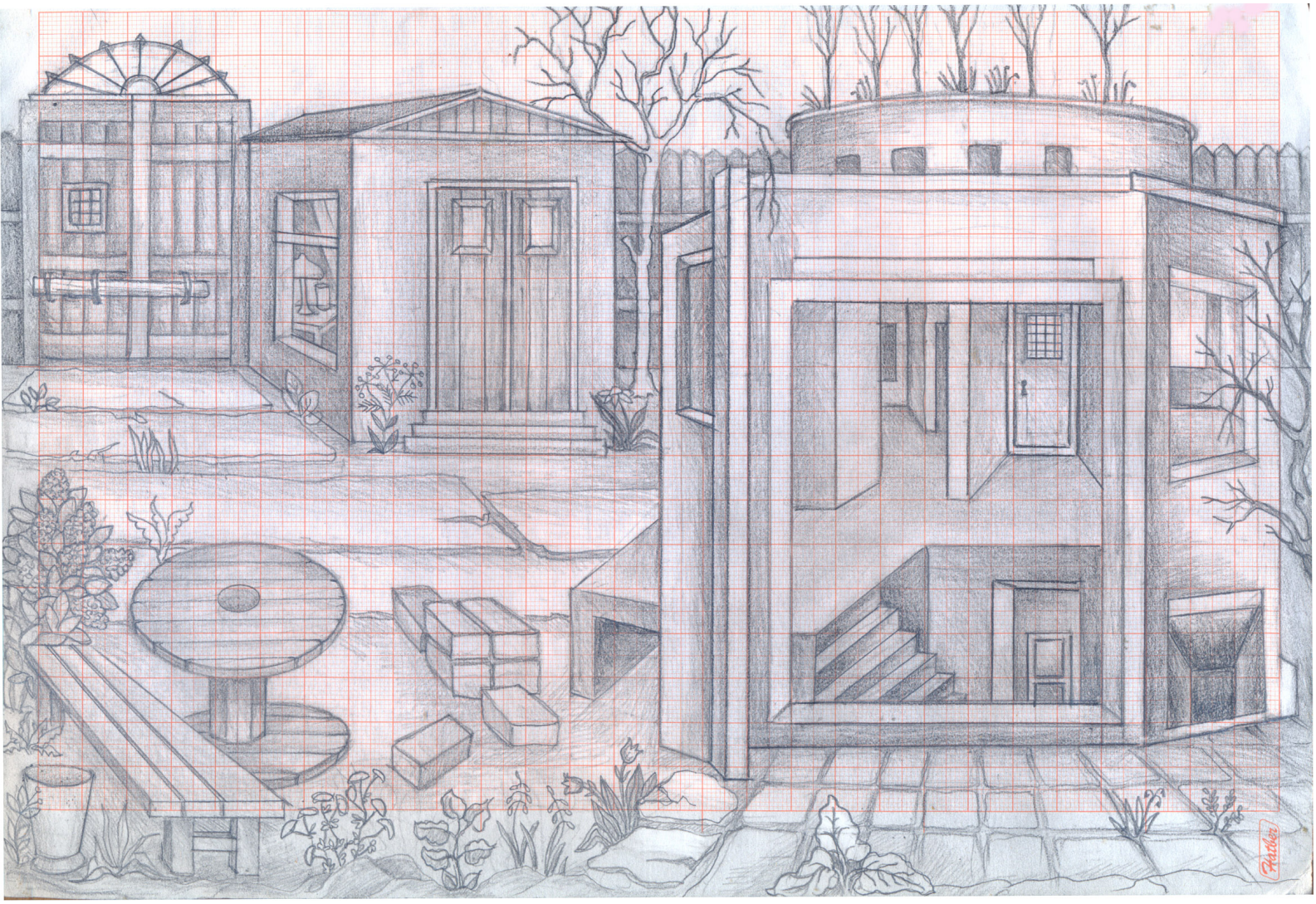
Профессор представляет себе помещение бывшего склада. Его теперешний кабинет с якобы бездействующим аппаратом, агрегатом или называйте как угодно, примыкает к нескольким кабинетам, лабораториям и цехам все в том же комплексе заброшенных складов. Они пустуют или забиты оставленными орудиями и средствами производства. Большинство помещений соединяются между собой последовательно, параллельно, или так и так, одноэтажные, но не все. Очевидно, из «его лаборатории» есть вход в цеха — не через узкую же дверь со двора доставляли компоненты машины времени? Надо пробраться сквозь лабиринт к тыльной стороне, выходящей в лес... говорят, она давно не охраняется. Обойти, проверить еще раз. Когда-то весь комплекс обнесли колючей проволокой и провели сигнализацию, когда искали мальчишек, все обновили и укрепили.
Так... Уоллеса в чемоданчик... а то часовой подумает, что он где-то сейчас был...
— Добрый день, Федор! Можно вас поздравить с новым званием?
.....



В одной стене дверь. В пустой стене под углом к двери — крохотное отверстие под бетонной плитой — потолком. Можно, например, просунуть руку с платком и призывать на помощь. Здесь однажды ласточка свила гнездо.
Две, в том числе противоположная, заняты стеллажами и заставлены электрическими батареями, схемами ламповых приемников, часто гигантского размера, листами меди и цинка, контейнерами из-под редких и радиоактивных металлов, газовыми баллонами из-под аргона, вакуумными насосами, трубами, трубками и мотками проволоки всех мыслимых сечений... по ту сторону стены, видимо, то же самое, но калибром побольше.

Ученый исследует стеллажи напротив двери и сразу обнаруживает за средним, самым широким, безобразную стенку из горбылей с набитой кое-где фанерой. Освобождает нижние полки примерно до уровня груди. Отыскивает клещи, молоток, отрывает кусок фанеры, осторожно светит в темную дыру фонариком, убавив свет.
Фонарик оказался не нужен. Где-то там есть окна. Профессор пролез между железными стойками и полками вперед ногами, зажмурившись, втянул плечи и голову, и открыл глаза...

Давно ли — совсем недавно, здесь кипела мысль, бились сердца, здесь готовили покорение космоса?..
Профессор Асланян рассчитывает выбраться на Бумажную просеку, чтобы по ней идти на Открытое шоссе к трамваю №7, который может довезти куда угодно, только не очень быстро. Где-то тут справа безымянная В/Ч, которую огибает одноколейный путь. Но прежде ученому надо разобраться в лабиринте внутренних дворов, цехов и складов. Некоторые, кажется, только и ожидают инженеров с горящими глазами, другие похожи на склад металлолома.



Иные пусты, в иных стоит лужа и, наверно, весной квакают лягушки. В узких дворах слабенькие деревца взломали бетон и готовы стойко дожидаться новой весны. Помещения, которые видит профессор Асланян, не могли быть в таком состоянии, когда ими пользовались по назначению оптовые торговцы. Во всех проемах тогда были прочные двери, на всех дверях висели могучие замки.

Если бы можно было... если бы можно было заявить о величайшем открытии, о сотворении мечты фантастов – машины времени! Какая очередь из физиков и палеонтологов всего мира выстроилась бы на Открытом шоссе в ожидании спец-автобуса! Исследовать аппарат всерьез, научиться направлять в нужный момент... Для начала прочесть заново, перерасшифровать записки Лорда. Вычитать между строк новую теорию времени-пространства. Найти единый ключ к тому и другому... и спрятать от всего мира?

Нет! Только не это! Пусть погибнет великое знание, великая идея, и все кто знает о ней, включая и меня — только не допустить военных!

Мечта когда-нибудь расконсервировать проект безумна. Мечта, что Королев с его огромным авторитетом сможет расширить допуск в лабораторию, чтобы под видом каких-то мероприятий вывести ребят – безумие и преступление. Нельзя подставлять Королева, друзей — Дауге и Юрковского. Каждый их разговор, каждую бумажку изучают и перепроверяют хищные глаза тайных и явных параноиков. То, что было, может повториться в один миг...

Зачем сложно, когда можно просто? Найти выход с территории, вывести мальчишек в современную действительность, спрятать, придумать им легенду, явить миру. Легализовать, и пусть живут, как смогут, как получится, свет не без добрых людей.

Асланян решается наконец выйти наверх, на крышу самой большой постройки. Отсюда он видит ограждающую стену и лес за ней. Один из домиков примыкает к стене. Поверх стены колючая проволока, возможно под током. Там же может быть сигнализация. Если найти где-нибудь поближе оставленные доски, можно положить их поверх колючки, пройти по ним и спрыгнуть на ту сторону. Подготовить заранее...

Гурген Сарбазович идет разыскивать пиломатериалы. Должны же они быть; в таком быстро растущем учреждении всегда что-то достраивается, перестраивается, выгораживается, не доделывается и оставляется. Может, он видел склад, но не обратил внимания?

Кажется, можно обойтись без склада и без досок. В очередном дворике, куда он заходит, через стену свешиваются ветки могучей осины. Дерево упало, должно быть, совсем недавно, после того, как искали беглецов и все проверили. Листья желтеют, как на соседних деревьях...

Нет, надо проверить все до конца. Мальчишки взберутся, как белки; но и он, ботаник, неплохой альпинист. Иначе какой бы он был ученый-натуралист? Вспомним зануду-Саммерли в «Затерянном мире» — он был опытным альпинистом. Вот, пожалуйста: он наверху, смотрит на болото, из которого недавно порыв ветра выдрал дерево с корнем и бросил на стену. В таком сыром лесу дело обычное. Надо вернуться, проверить маршрут, запомнить, кое-где что-то подправить. К тому времени, как он уговорит ребят и подготовит что можно к их возвращению, осину могут и убрать. Ничего, найдется другая осина. Можно идти назад.

Из чащи за железной дорогой – заброшенной веткой, которая не так давно поддерживала связь конструкторского бюро с городом и миром – доносится странный протяжный стон... длится... умолк... повторяется...

Профессор Асланян без всяких затруднений спускается по стволу и с кочки на кочку выбирается на сухое место. Что там случилось?! С кем?

Но, прежде чем выйти на рельсы, вспоминает: лоси же! Гон! Об этом и говорили же, только он раньше не слышал этого мучительного звука. Да, страсть-страданье...

До вечера можно дойти до трамвайной остановки и вернуться. Он вынужден вернуться в лабораторию, загородить лаз, потом выйти из единственной двери на глазах часового, тщательно запереть замок, попрощаться с Федором (предъявив пропуск! Бдительность прежде всего!), выйти на Ярославское шоссе, ждать автобуса. На биостанцию, пожалуй, будет поздно. Но раз так получилось, раз он на этой стороне...

Вот и бедный страдалец. Простонал – и оглядывается: не бежит ли кто? Дожидайся, как же. Говорят, в эту пору лоси опасны, и лосихи тоже. Лучше по шпалам пройти подальше, а там должна же быть тропка к просеке.

Тропка находится, но не сразу. Просека заброшена, но вполне проходима. По ней на восток... почва пружинит под ногами. Осенняя свежесть... В лабораторию Асланян надевает костюм похуже, в новом (относительно) читает лекции. На биостанции на нем то один, то другой. Кого сейчас удивят слегка протертые локти и растянутые коленки? У старика-то? Да и кто его тут увидит?

Вдруг сам он видит впереди человека. Женщину. Молодую. Как грациозно перешагнула через поваленный ствол. Не поздно еще остановиться, подождать немного и ретироваться к рельсам и стене... потому что это...

— Зоя! Зоя Викторовна! — окликает профессор. Женщина оглядывается, останавливается, поджидает его.

— Как вы здесь оказались? — спрашивают одновременно.

— Сотрудницу иду проведать, — улыбается Зоя. — С работы отпустили раньше. Она заболела. Там живет, в Метрогородке у Черкизовского завода. Комнату там снимает.

— Я провожу вас, можно?

Они идут вместе.

— Стыдно рассказывать, почему я здесь, — говорит ученый. — Озорство. Играл в Тома Сойера, наверно. Проверял, можно ли оттуда сбежать в случае чего. Вы уж меня не выдавайте. Вернусь тем же путем и выйду законно, через пост.
— Зачем же вы тогда со мной...
— О, спешить некуда.
Идут вместе. Дорога не такая, чтобы взять даму под руку, но можно время от времени помочь обойти лужу или перелезть через корягу. Идут и молчат.
— Зоя, — говорит он неожиданно, глядя перед собой, — если у вас нет кого-то... может быть, вы захотите стать моей женой?
Она резко останавливается, смотрит на него снизу вверх. Кажется, она немного побледнела.
— Простите меня, — говорит он, — это очень серьезно. Я... я не знаю. Это не из-за мальчишек... просто я тогда не знал бы, что вы самая лучшая в мире. У меня вообще-то ничего нет. И я, наверно, никого никогда...
— Гурген Сарбазович, — говорит молодая женщина. — Я давно вас люблю.

В свой заколдованный город Асланян возвращался, как на крыльях. Раз уже начал вести себя, как мальчишка – стену перелезал в другом месте. Не одно старое дерево рухнуло в нужном направлении. По пути через кладбище железных изделий прихватил пару полезных вещей – еще один герметичный приборный ящичек и большой кусок сетки из какого-то синтетического волокна, невероятно прочной и легкой, с ячейками как раз подходящей величины. Сетку сложил и убрал в ящик. Много стоящего присмотрел. Но больше всего хотел он небольшой топорик или длинный тяжелый нож вроде мачете, рубить бамбук. В «кабинет» вернулся уже в сумерках.
Проведать, что ли, мальчишек? Могут быть на берегу. Туда и обратно...
На берегу ребят не было. Гурген Сарбазович оставил подарок в условленном месте, написал записку, спрятал в сундучок, повернулся к аппарату – и ноги сами понесли его вверх, по тропе, к палатке. Только посмотрю, как они там, уговаривал себя. Но уже чувствовал...
Там их не было. Он ждал. Взошла луна. Завтра лекция на первой паре. Или бросить все и остаться здесь, насовсем... Или.
Он вернулся, вышел, запер дверь, предъявил пропуск часовому, уехал домой на последнем автобусе. И вспоминал:
— Зоя, мне так хочется ухаживать за вами, как положено, приглашать вас в кино, дарить букеты...
— Гурген Сарбазович! Расскажите мне про самый красивый в мире цветок. Это будет приятнее всякого букета.
И лукаво, пряча смех: бобовый, конечно...

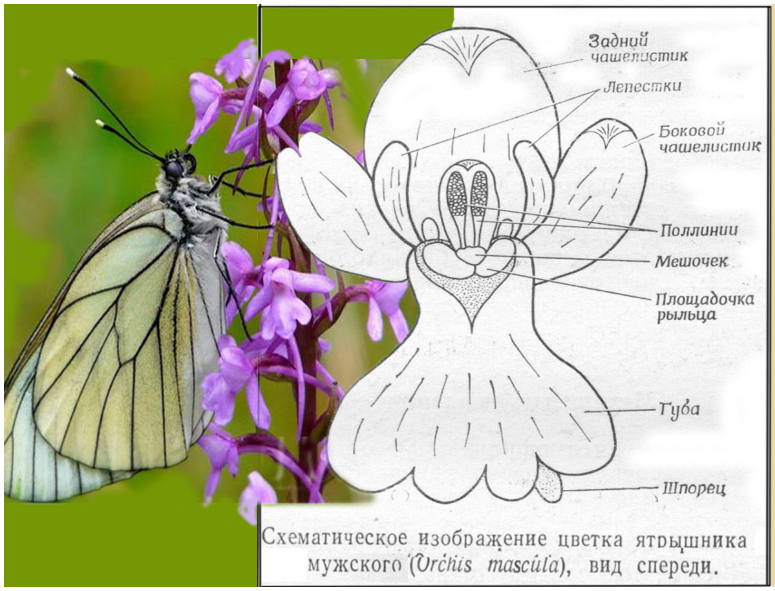
Самый красивый цветок из бобовых... Не так-то просто. Впору устраивать конкурс красоты: «Делоникс королевский»? «Эритрина» - коралловое дерево? «Клиантус», в Австралии? «Стронгилодон»? Может быть, она была в Крыму, видела глицинию – тогда про стронгилодон рассказать легче...
Невозможно думать.

Как читать лекцию завтра? Надо взять себя в руки.
Заснуть невозможно все равно. Профессор начинает чинить одежду – штопать носки, пришивать пуговицы к манжетам рубашки. Самое сложное – воротник и манжеты. Совершенно обтрепаны по краям, не скроешь. Когда-то он вырезáл квадрат из спины, шил новые детали, а сзади вставлял кусок любой материи, что только есть под рукой, хоть старое полотенце. Но это творческая работа. Лучше сосредоточиться на штопке.
Завтра лекция про опыление растений; про это можно говорить часами.

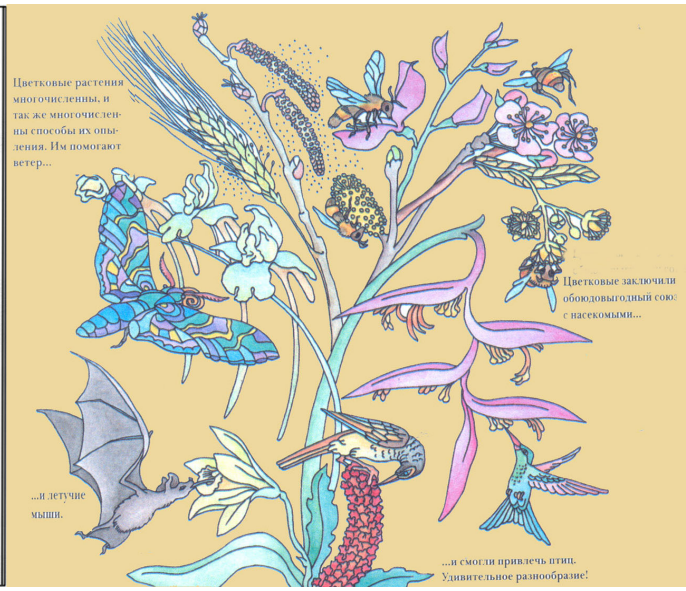
Пусть все-таки будет Делоникс.
Делоникс Королевский считается одним из красивейших деревьев нашей планеты. Алое дерево украшает сады странах с тропическим климатом. А у себя на родине, на Мадагаскаре, он практически исчез: дерево имеет широкую раскидистую крону, в тени которой не хотят жить другие растения, а потому его активно уничтожают местные жители, чтобы сажать свой рапс или ямс...

Его называют Пламенеющее или Огненное дерево, Красное пламя, индейцы называют Цветком Павлина, бенгальцы – Короной Кришны, вьетнамцы – Хвостом Феникса.
Ветви «Красного пламени» расположены так, что придают дереву форму зонта. На них находится огромное количество веток с крупными, напоминающими папоротник зелёными листьями. Сам лист состоит из 20-40 пар более мелких листов, каждый из которых также делится на 10-20 пар листочков овальной формы (на ночь эти листы складываются).

Лекция профессора Асланяна была блестяща и незапоминаема. Он пришел без заметок, и никто из слушателей не конспектировал; запомнилось только, что замечательно.
Когда мы говорим об опылении, начал ученый, мы подразумеваем обычно энтомофилию, опыление насекомыми. Именно эти скромные труженики выполняют перекрестное опыление, наиболее перспективное для получения здорового жизнестойкого потомства. Механизм опыления бывает иногда столь тонким и сложным, что, кажется, кто-то придумывал нарочно. И среди многообразных насекомых находятся умельцы! Потому что РАСТЕНИЯ заставили их приспособиться к своим нуждам, а иногда капризам, по теории Дарвина – путем отбора наиболее подходящих.
Мало того, растения, цветковые растения, нежные розы-мимозы, вывели в своих интересах целые роды и виды насекомых! Именно в эоцене, в эпоху нашествия цветковых, необычайно размножились насекомые. Над прекрасными цветами запорхали прекрасные бабочки...



Схематическое изображение цветка ятрышника мужского (*Orchis mascula*), вид спереди.



Мы, думая о насекомых-опылителях, представляем себе труженицу-пчелу. Как уютно жужжит она над цветами, собирая для нас сладкий мед! А весной, когда еще снег не стаял, над мокрой холодной землей деловито кружит пушистый шмель, шмелиная матушка....
Самые ранние опыляемые растения, еще в меловом периоде, опылялись в основном жуками (магнолия). Явление цветочного опыления уже существовало в природе. Чтобы не только привлечь к себе, но и прокормить целую армию опылителей, среди которых, кстати, есть и птицы, и летучие мыши, многие растения, бобовые в частности, накрывают роскошный стол: широкие плоские кроны акаций и родственных им родов сплошь покрываются крупными, яркими цветами, часто очень душистыми... Эритрину в некоторых местах называют «плачущий ребенок» – она просто истекает нектаром...
Пчёлы полностью специализировались на опылении и стали гораздо более эффективными опылителями, чем жуки, мухи, бабочки и другие насекомые. Полагают, что появление таких цветочных специалистов привело к приспособлению, постепенному и взаимному, как цветковых растений, так и самих пчёл.
Но предками терпеливых пчёл были хищные осы из семейства Песочные осы! Хищники поедали насекомых-опылителей (тех же мух), обсыпанных пыльцой. И вошли во вкус...

Выдающийся дарвинист, знаменитый исследователь тропической природы, Генри Бейтс, изучал на Амазонке так называемых «роющих ос», одиночных насекомых — они создают семейных гнезд, а роют каждая отдельную норку, чтобы спрятать в ней яичко с приготовленным запасом пропитания — оглушенной мухой. Действия ос просто заворожили натуралиста: вырыв норку, она закрывала отверстие, несколько раз обходила его, как бы запоминая место, взлетала и совершала несколько кругов в воздухе; затем улетала за добычей, и видимо довольно далеко, чтобы поймать муху определенного вида; вернувшись, она без колебаний летела прямо к закрытому входу. Очевидно, насекомое запоминало направление на свое гнездо.
Эти наблюдения в жаркие послеполуденные часы (во время сиесты) настроили ученого самоучку на такие мысли:

«Поведение в этом и аналогичных случаях является, повидимому, психическим актом того же характера, как и у нас самих, когда мы ориентируемся в какой-либо местности. Однако чувства у насекомых, должно быть, неизмеримо острее, а психическое действие — гораздо определеннее, однозначнее, нежели у человека... Говорят, что оса действует инстинктивно, но ясно, что инстинкт — не таинственный и непостижимый фактор, а психический процесс, отличающийся от того, что происходит у человека, лишь непогрешимой точностью».
Разумеется, фантазии на пляже заслужили строгую отповедь наших современников:
«Как давно уже установлено научной физиологией, инстинкт и разум — психические явления совершенно различного порядка. И.П.Павлов считал инстинкты очень сложными безусловными рефлексами. С этой точки зрения... инстинкт роющей осы отличается от какого-нибудь простого безусловного рефлекса, например от сосательного рефлекса новорожденного млекопитающего или от рефлекса чихания и т.п., лишь чрезвычайной сложностью. … «непогрешимая точность» представляет собой... результат действия естественного отбора».

С этим вынуждены согласиться даже те, кто знает, читал, о необычайной сложности общественной жизни муравьев и пчел, о совершенных постройках из воска или хвойных колючек. Иначе вам скажут: «Строительные инстинкты насекомых суть именно инстинкты, а вовсе не искусства, между тем как ремесла и искусства человека — проявление его разумной деятельности как члена социального коллектива».

Убедительно. Но когда дело доходит до птиц, хотя бы тех птиц-опылителей, о которых мы сейчас говорим, можно и усомниться. Птицы могут обучаться, так же как летучие мыши. Где здесь граница между инстинктом и сознательным поведением?
Хорошо, птиц и млекопитающих оставим зоологам. А то, знаете, есть любители поговорить о разуме растений - почему они тянутся к свету.
— А почему?
— Ауксин, стимулятор роста, сильнее действует на клетки в темноте или в тени.
Что касается восхищения Бейтса... Иногда ошибки великих людей, даже глупости, содержат в себе глубокие идеи, вопреки общим убеждениям; смысл таких «ошибок» откроется в будущем, как недавно открылась правота Ньютона в вопросе о неделимости атома. Право, лучше бы не открывалась...
Может быть, не столь великие мыслители, но фанатичные наблюдатели, или, сказал бы я, восторженные созерцатели, видят что-то невидимое другим? Что еще интересное обнаружит будущее в отвергнутых тезисах Дарвина и Ламарка?
И все же не стоит увлекаться метафорами, не будем описывать цветущее дерево, как пиршественный стол, накрытый для званых и незваных.
Бобовое растение Мимоза — вы видели ее букеты весной и снова скоро увидите — сплошь ощетинивается шаровидными соцветиями, состоящими как будто из одних жестких тычинок, густо напудренных пыльцой... на них набрасываются мухи, бабочки, осы, шмели, мелкие птицы, летучие мыши. Родственная мимозе Альбиция растет у нас на Кавказе, в Ленкорани.

Возможно, бабочки там другие.

Не надо жалеть ученого ботаника и его студентов, которые лишены возможности видеть эту роскошь на изумительных цветных фотографиях! (Кстати, тогда и фотографии такой не было). Искусство научной и научно-популярной прозы стояло так высоко, и воображение человека было так настроено на словесный образ, что дневники путешественников становились любимым чтением. *(Мы, к сожалению, опускаем самое поэтичное и захватывающее: устройство того или другого цветка и взаимодействие с насекомым, хитрость, обман и награду...).*

И, право же, слушатели замерли в экстазе... откуда им знать, что уже сейчас в коммуналках, в заводских поселках рождаются те, кто пройдется по улицам, осененным ветвями делоникса, цезальпинии, аденантеры...
.....
На берегу ребят не было. Не было их следов. В том месте, где они начинали подъем к убежищу, кроме своих больших следов он ничего не различил. И подарок, жестяной сундучок, стоял там, где он его поставил и придавил сверху камнем.
Запретив себе думать, ученый поднимается наверх.
Вот палатка. Все как было. Бывшие детдомовцы приучены все ставить или класть на место (а ценное прятать). Нет, вот: котелка и бутылки нет. Удочки — кажется, их было больше... и копья, стебли бамбука. Отсутствует кусок брезента. Жаль, он не обратил внимания прошлый раз — вчера. Да, только вчера...
Значит, мальчишки отправились в поход. Где-то ночевали. Может быть, вот-вот вернутся. А вдруг?...

Гурген Сарбазович пишет записку (типа *«ушол щасвирнус»*). С чего бы начать поиски? Очень беспокоят мангровые заросли. Могли ведь и пренебречь советом наставника. Если очень хочется?
Он спускается на пляж, проходит в «ворота», идет в сторону рощи. Вот тропинка, он сам показал им, к ловушке между корней. Ловушка цела, но не совсем, если продолжать пользоваться, надо подправить, заплести лианой, подоткнуть прутья. Скорее всего, ловушкой давно не пользовались. Умники. Надо слушаться старших. Вряд ли они пытались пробраться в неприглядное место где-то еще.

Обходя перевитую лианами рощу, профессор поднимается к обрыву. Проще было вернуться к палатке и от нее проверить уже проложенные маршруты — к ореховому дереву, хлебному, лотосам. В бамбуковую рощу. Они могли дойти в знакомое место, оглядеться и двинуться дальше, исследовать, нет ли там чего стоящего — да просто посмотреть, что там. А могли просто пойти, куда глаза глядят.

Здесь они были, отсюда смотрели на водопады. Разве не захочется мальчишкам подняться туда, откуда льются, разделяясь, кипящие струи, где начинается река, дальше сквозь мангровую рощу убегающая в море? Сам он когда-то поднимался, и дальше шел, к дальним горам. Но его никто не ждал к сроку. И он замирал, когда слышал поблизости шелест, непохожий на шелест ветра и дождя. Или среди спутанных ветвей мерещилась плотная масса, и она еще и двигалась...
Вот эти свисающие грозди цветов, похожие на грозди глициний — неужели это и есть Стронгилодон, «*Нефритовая лоза»?* Удивительно, удивительно...

Стронгилодон крупнокистевой — «Нефритовая лоза», семейство Бобовые, род Стронгилодон, растет в тропических лесах на Филиппинах. В теплых странах культивируется как декоративное. Лиана с длиной до 20 м и более. Цветки размером 7-12 см, крупные кисти до 90 см, до ста штук. Опыляется летучими мышами.
Мечтал повезти Зою в Гагры, в Алупку, показать ей глицинии.

Один из ручьев, одна из струй водопада. Здесь хищники должны подкарауливать жертв. Да, да: вот она, страшная Диатрима... а вот зверек, похожий на... на кого же? Нет, птица смотрит не на меня: по мнению ученых, главная добыча гигантской птицы — крошечные лошадки, эогиппусы, и вот один такой, дурачок, не видит...
Профессор нащупывает под ногами камешек, размахнувшись, бросает в беднягу и свистит вдогонку. Оба мелких зверька мгновенно исчезают... Птица выпрямляется и поводит головой на длинной шее с таким оскорбленным видом, что ботаник приникает к земле.

Диатрима! Кошмар цветущих лесов, двуногий ужас ростом в два с половиной метра, весом в центнер! Мощные, пусть и не длинные, ноги с когтями, страшный клюв чуть не в полметра длиной...
Птица потопталась на месте, взмахнула зачатками крыльев (словно плечами пожала), напилась воды и неторопливо углубилась в чащу.
Художники-реконструкторы, конечно, по наводке палеонтологов, изображают этих птиц в эффектной позе, в броске, сналета-споворота схватившими чудовищным клювом беззащитную лошадку размером с кролика, но с признаками знатного рода: изящной головкой арабского жеребца, с плечом и лопаткой победителя дерби...

Гурген Сарбазович еще раньше, до своего отчаянного поступка — помощи беглецам из детдома — при любом удобном случае заходил в музей палеонтологии. С одним из молодых сотрудников почти подружился. Тот уже знал, что его интересует ранний эоцен.
— Мало мы знаем, — говорил палеонтолог. — Крупных хищников тогда или не было, или мы их не нашли. Вообще в очень теплом климате животным удобней оставаться мелкими, меньше сил уходит на терморегуляцию. Парнокопытные в основном, и не всегда по зубам скажешь, чем питались. От них все потом и произошли, и киты, и львы, и тигры, а пока они не очень специализированные. Растительность богатая, корни, плоды — можно пока обойтись без белковой пищи, массу наращивать ни к чему.

— А гигантские птицы?
— Птицы? Титанисы, диатримы? Считаются хищными. Тут в чем заковыка... Есть соображения, что не были они такие уж ловкие охотники. Клюв здоровенный — так у современных туканов относительно размеров тела еще больше, а едят фрукты и орехи. Вот еще попугай — тоже палец в рот не клади, прямо клещи — орехи колоть. Диатрима... недавно нашли отпечаток лапы, а у нее когти короткие. Посмотри на хищных птиц, на орлов: он же лапищами, когтями добычу ловит, клювом только добивает. Да у них и ноги короткие, у диатрим, не то что у страуса — он паровоз догонит, он и живет в степи, а эти в густом лесу с подлеском. Но посетители, школьники особенно, больше любят слушать про свирепых и кровожадных охотников, чем про гигантских индеек. Словом, дискуссия продолжается. А ели они, конечно, все подряд, как и страусы, плоды, корни, ящерка если попадется, гнездо с яйцами и птенцами не пропустят, само собой...
— А они сами как размножались?
— Есть теория...

Теория... Нет, я отсюда больше не уйду. В запасе три дня — или я их найду, или больше людям не покажусь.
Он останавливается. Люди — это физики, инженеры, создатели машины времени. Она принадлежит им. Им и памяти гениального Лордкипанидзе. Дауге и Юрковский имеют на нее право, даже если махнуть рукой на комитеты и секреты. А еще есть Зоя. Жених исчезает в день свадьбы, как у Диккенса, и безумная старая невеста...
Вернусь в срок, расскажу ей, что хотел спасти ребят — и погубил, хотел ей счастья, хотел быть счастливым с ней, и...
Асланян поднимается на скалу, оглядывает сверху море древесных вершин, уходящее за горизонт. Совсем недалеко, где чаща редеет, кверху поднимается редкий дымок.

Между ним и дымом — был ливень, гроза наверняка, что-то могло загореться от молнии, разве нет? — километра три... прямо под ним, под крутым заросшим склоном — ручей. Над ручьем пальмы, дальше отдельные рощи разной высоты и густоты. Просветы, прогалины между ними, наверно, болота. Не торопиться, главное, ногу не подвернуть на склоне. Пока дойдешь (не потерять бы направления), они могут и уйти. Но по виду горелого он поймет, что это они развели огонь. Помнят ли завет — непременно, обязательно гасить костер?
Профессор берет азимут на отдельное высокое дерево поближе к дыму и начинает спуск.

По пути пришлось раздеться. Сначала ручей, потом, уже почти у цели (по расчету) — не болото, а так, сырое место с удивительно красивыми тростниками и лягушками, но увяз он почти по колено... Должно быть, то самое дерево, могучий ствол среди невысоких стволов, обвитых лианами. Запах дыма еще не чувствуется. Он свистнул — на всякий случай еще раз, громче... И ответный свист! Он не мог броситься прямо туда, перед ним была настоящая живая изгородь в два человеческих роста, проход нашелся далеко в стороне, за ним еще препятствие из ужасно декоративных ботанических редкостей, но они уже перекликались. Обитатели эоценовых джунглей выпрыгивали, выскальзывали, выбегали, с криком вспархивали вокруг да около, навстречу им — те, которых спугнули питомцы Асланяна. Вот и они сами...
Профессора торжественно ведут к бивуаку. Здесь происходило пиршество. Возле достаточно большого костра аккуратно сложено топливо, подстелены большие листья для комфорта, чуть в стороне на таких же листьях растерзанная тушка птицы... размером с индейку. У костра обгрызенные кости.
— Это... это ваша добыча?
— Да, Гурген Сарбазович! Это она! Про кого вы говорили, Диатрима. То-есть наверно. Мы так думаем, что это ее птенец.

Птица тукан, которую обсуждали накануне - слева, справа цветущее дерево эритрина

— Они, Гурген Сарбазович, глупые-глупые. Как бараны прямо.
Валентин не мог сказать «как куры», он пожалуй живых-то кур и не видел.
— Вы что... вы их выслеживали?...
Какой смысл ужасаться задним числом? Вот же сидят юные дикари, живые и сытые.
— Мы их очень сначала боялись, как вы нам сказали. Прятались, — это рассказывает старший.
— Только увидим, услышим, заляжем, ждем, отползаем. А потом привыкли. Они совершенно не обращают внимания. Они не каждый раз встречались, но там, где вы нам показывали, хлебное дерево, аннону, орехи, там они прямо пасутся. Один раз даже две. Ни на что не смотрят! Землю роют, с веток клюют. Их никто не боится! Гиппусы, про которых вы говорили что они их едят — чуть не под ногами шныряют. Их так просто в траве и не увидишь, гиппусов, они юркие, пугливые. А тут рядом бегают. Наверно, думают, что этих птиц все боятся. Или за ними фруктовые корки вылизывают... Мы хотели себе поймать гиппуса, но не получается. Они месте ходят, хоть один заметит.

Тем временем Карик жарит для учителя кусочек «кошмара эоценовых джунглей».
— И вы увидели эту птицу и пошли за ней?
— Не, зачем? Мы пришли за хлебом. Она там крутилась, потом ушла. Мы стали сбивать эти буханки копьями. Сбили пять штук, выбрали самую красивую, ушли подальше, чтобы другим не мешать. Развели костер, пока спекли, пока поели, стало темнеть. Мы побоялись заблудиться. Пошли дальше, нашли хорошую поляну с большим деревом. Думали, залезем на дерево, переночуем...
— Я вам говорил, на деревьях могут быть змеи.
— Мы помним! Мы залезли и все дерево облазили. Очень здорово! Мы подумали, хорошо бы там гнездо устроить, жить и смотреть сверху. Сверху лес такой красивый, много цветов, снизу не видно, и птицы летают. Потом мы спустились, опять сделали костер. Мы всегда с собой растопку носим, сухие ветки из плавника. Чай сварили...

— Потом стало совсем темно, и как-то страшно: мы сидим как слепые, а нас все видят. Залезли опять на дерево. На ветках неудобно и страшно, что заснешь и свалишься. Мы слезли, веток в костер подложили и стали петь громко, чтобы все испугались, потом стали прыгать и махать копьями!
— Что же вы пели?
— Всякое громкое: по военной дороге, тачанку, Каховку... потом заснули. — Это Карик.
— Мы с дерева увидели очень красивое дерево, все в цветах. Нам показалось, вам будет интересно. Пошли туда, это отсюда недалеко, мы вам покажем. Правда, здорово! Ну, решили еще рыбу поймать. И пошли...
— Мы думали, может вы пришли, но мы думали, прямо скоро назад...
— Мы не дошли. Увидели эту самую птицу. Стали на нее смотреть издали, куда она пойдет, а она не уходит, крутится на месте, что-то роет или клюет. Мы подползли...
— Мы тихонько, правда!
— А потом мы только сидели и смотрели. Она все крутилась на куче листьев, такая была большая куча, завядшие листья, цветы, ветки. То отгребает, то подгребает. И все оглядывается...

— А потом вдруг!
— Да, вдруг куча зашевелилась, в самой середине, и вылезает, представляете, вылезает... птиц. Мы поняли, что он птенец, но уж больно здоровый...
— Это он? — профессор показывает кусок жаркого, которым его угостили.
— Нет, этот потом. Мы сидели и не шевелились: вдруг большая птица захочет его защищать. А она ничего, только вокруг бегает и как-то тарахтит. А этот... сначала ноги у него подкосились, потом встал, головой крутит, такой еще липкий. Полосатый. Начинает сползать с кучи. Упал сначала, а потом встал и пошел.
— А тут еще один!
— И мы сидели и ждали. Правда боялись, что зашуршим, и она на нас кинется. Все ноги затекли, и спина, кто-то прямо по спине ползает, ужас!
— А они все вылезают. Десять, наверно. И уже вечер, а мы боимся пошевелиться. А потом смотрим — они как-то все разбрелись. Птица эта большая где-то в кустах, малые то ли к ней, то ли кто куда. Решили уже вылезать...
— Мы хотели быстренько сюда вернуться, еще раз ночевать у костра.
— А там еще один вдруг вылезает!
— И вы его... а не боялись, что мамаша набросится?
— Мы как-то чувствовали, что они все ушли. Мы его поймали вот этим...
Юный охотник показывает учителю длинную бамбуковую палку с петлей на конце — своего рода удочку.
— И вернулись сюда, тут кто-то похозяйничал. Остаток булки, все корки обгрызли, растащили...
— Я вам говорил, чтобы вы все объедки обязательно закапывали!
— Мы все зарыли, полбулки на ветку подвесили, они все достали!
— Австралийские сорные куры, — бормочет ученый. Он как-то совершенно вдруг ослабел. Оттого, что никто не погиб, не пропал, мальчишки такие молодцы... Вдруг, это случается с ним иногда, он осознает полную невозможность происходящего. Словно чеховский папаша после службы навестил семью на даче в Лосиноостровске, и дети рассказывают ему, как они... что они там делали. Играли в крокет. И ничего не было: ни войны, ни тюрьмы, ни сиротства мальчишек в Казахстане. Ни работы физиков, ни тетради... Свою экспедицию на Марс я не вспоминал ни разу, словно меня усыпили гипнозом. Если бы люди, все люди, вдруг поняли, что есть Марс, есть вот эта невообразимо глубокая древность, они бы не только воевать, они бы ссориться друг с другом не стали.
— Какие куры? — спрашивает Карик.

— Сорные куры, — говорит Гурген Сарбазович. — Австралийские сорные куры. Или казуар...
Мальчишки оглядываются на ходу. Все трое сейчас пробираются по каменистой опушке леса, здесь растительность немножко приутихла. Цветущие кусты не доходят до плеча.
— Я не орнитолог, тем более, увы, не палеоорнитолог. Что-то мы такое проходили... У нелетающих птиц вообще, кажется, странная семейная жизнь. У страусов, например, в Африке. В Новой Зеландии и в Австралии водятся, если я правильно помню, эму и казуары, очень злые и опасные. У них гнездо создает самец. Потом он уговаривает самку или нескольких самок снести туда яйца. Потом он их сам насиживает... нет, кажется иногда страусихи тоже, по очереди. Цыплята вылупляются совершенно приспособленными. Это называется «выводковые птицы», они сразу встают на ноги, и следом за папашей — обычно воспитатель тоже самец. Я помню, казуар их долго водит и воспитывает, по полгода, если не меньше. Тут к нему не подходи — убьет. Вы здорово рисковали, он мог быть недалеко.
Ученый вздыхает.

— Вы все время рисковали. Забирались на дерево — мало ли кто на нем живет. Ядовитые насекомые, лягушки, ящерицы тоже могут быть зубастые и ядовитые. Прятались под деревом, лагерь устроили — никогда опытный путешественник так не сделает. Вы же читали «Затерянный мир»? Я хотел вам принести, но там столько чепухи... Да, ты же, Валентин, читал и Карену рассказывал? Помнишь, они там устроились под огромным деревом, а на них сверху и напали люди-обезьяны...
— Ух ты!

— Обезьяны тут пока не человекообразные, мелкие, а игуана, или ее пра-пра-бабушка, могла спрыгнуть. От дождя дерево не спасет, но рухнуть от ветра может.
— Мы больше не будем под деревьями...
— Да, так вот, говорят, в той же Новой Зеландии есть птицы, они летающие, но гнезда у них на земле. И строит гнездо опять-таки самец. Нагребает огромную кучу листьев и оставляет их преть, гнить. От гниения выделяется тепло. А он не уходит, он все время подгребает новый мусор, а старый ворошит, чтобы все прело равномерно. Температуру меряет клювом. Настоящий инкубатор! Ждет довольно долго, пока получится ровная температура, и тогда начинает бегать и приглашать самок, чтобы снесли яичко. Они, кстати, эти птицы, немного похожи на индюков. Он старается, уговаривает, чтобы нанесли побольше яичек; а потом самки уходят гулять сами по себе, а он следит за инкубатором. Если температура повышается, он сбрасывает несколько слоев, понижается — укутывает новыми слоями. Не насиживает, но хлопочет — ни сна, ни отдыха. И сторожит, конечно...
Профессор разводит руками.
— А когда они там, в этой куче, вылупляются, иногда довольно глубоко, он им не помогает вылезти, и вообще поворачивается и уходит! Они-то через час уже бегают, через день летают. Вообще, похоже, у них тут не так много естественных врагов, хотя вот удавы... или крокодилы... Словом, ясно, что вырастают они крупными, сильными и вполне самостоятельными. Но без семейного воспитания не получишь полезных навыков, одни инстинкты...
Ботаник осекается. Он говорит с детьми, не получившими семейного воспитания. Как он мог так бестактно...
Они решили не возвращаться «домой». Двое суток впереди, можно совершить такую экскурсию... Ребята две ночи не спали; ничего, в самую жару устроим сиесту...
….....

Какие дни они провели вместе, какие ночи! Каких насмотрелись чудес!
Шли куда глаза глядят, куда манили цветущие рощи и журчащие ручьи, а в темные заросли с поваленными стволами не шли. При этом глаза то и дело обращались немного вверх и немного к северу, так что тихий вечер застал их на очередном перевале, на второй ступени амфитеатра над заливом. Отсюда море еще виднелось на горизонте, а впереди снова стеной стоял лес... еще не горный субтропический лес, но облик деревьев менялся, попадались причудливые хвойные. По пути то и дело, даже из безжизненного каменного склона, из под ног выскальзывали ящерицы или млекопитающая мелочь, взлетали птицы. За перевалом лежало озеро, питающее водопад, они его исследовали раньше. К озеру и шли, но спускаться к нему не стали. Устроились ждать ночи, любоваться коротким закатом. Костер не стали разводить, долго сидели молча, легкий ветер освежал и приносил теплые волны ароматов из долины. Ужинали остатками жареной «курицы» и печеной «булки», плода хлебного дерева.
Карик свернулся комочком, приткнулся к старшему брату, спит. Умаялся.

— Давно тебя хотел спросить, Валентин, — говорит профессор, — если бы я не загнал вас сюда, где ты сам хотел скрываться? Был у тебя какой-то план?
— Хотел в Казахстан пробраться. Вместе с Кареном. На поездах.
— Искать родных?
Мальчик кивает.
— Твой старший брат, у которого ты жил — ты ведь понимаешь, что его арестовали?
— Наверно, арестовали. Говорят, кого-то выпускают.
Это мысль, думает профессор.
— Как его звали?
— Ожарбай Жантасович Жантасов. Я знаю, он меня в квартиру записывал и в школу.
Я помню дом. Вдруг апа там живет? Узнавал бы у соседей, или в милиции. Нашел бы. Они бы Карена тоже приняли.

Долгое молчание. Мальчик свернулся рядом с младшим братом. Тоже заснул?
Ботаник откидывается на спину. Под головой у него сложенные брюки и полуботинки. Пиджак он подстелил ребятам.
— Вам, наверно, трудно столько о нас заботиться, Гурген Сарбазович? — спрашивает Валентин совсем не сонным голосом. — У вас наверно много работы?
— Я читаю лекции о растениях в разных местах, — весело отвечает профессор. Не полный рабочий день. Приходится, правда, ездить через всю Москву, но в трамвае можно готовиться к лекции. Раньше, пока мы с вами не встретились, я тоже сюда забирался, как только мог. И столько же тут бродил. С вами теперь гораздо интереснее.
(К лекциям надо готовиться куда серьезнее, но пока хватает прежних знаний).
— У вас есть семья? — неуверенно спрашивает мальчик после недолгого молчания.
Ученый тоже отвечает не сразу.
— У меня есть жена, — отвечает он тихо. — Детей нет. Это она прислала Карику сандалии. Но она не знает, где вы. Я ей пока не говорю...
— А кто-нибудь знает?
Молчание немного дольше...
— Знают два человека, те, кто строил этот аппарат. Но они умеют хранить секреты. Можно сказать, это их вторая профессия, первая — физики-изобретатели.
Ночь. Какие звезды...

Надо чаще встречаться.
Почти невозможно выкроить время для легких бесед с Дауге и Юрковским. И для прогулок в Александровском саду погода не очень подходит. Не так давно на улице Горького возродили шикарный «Коктейль-холл», богатые физики-изобретатели уже как-то приглашали его — чудесно поболтали о фильмах и выставках. Ясно же, там бывают сотрудники посольств, наши дипломаты, золотая молодежь, генеральские дети, под каждым столом подслушка, магнитофон, бармены не ниже старшего лейтенанта. А вот долгие беседы под холодным дождем на углу тоже могут кого-то обеспокоить. Но очень надо поговорить.
Встречаются у памятника Пушкина, «у Пампуши», недавно переставленного, болтают, заходят по старой привычке на бульвар, сидят на лавочке (не помню, можно там было где-нибудь купить пирожки с мясом?). Идут по «Пешков-стрит», останавливаются посмотреть витрины... Асланян рассказывает друзьям, какая замечательная жизнь в эоцене, если к ней немного подготовиться. Если есть спички. Какой был у них пикник, поход к водопаду — водопад физикам печально памятен... А вспоминать приятно. Вот где мы побывали-то!

Каким образом узнать о судьбе репрессированного казаха-партийца? Можно ли хотя бы в принципе отыскать в бескрайних степях чабана Жантаса из племени Аргун? Есть ли какие-то документы, списки сирот, отправленных в Москву из Алма-аты году в... может быть мальчик знает год, вспомнит, он учился...
— Он старше, чем считается, - говорит ученый. — Лет 16, не меньше. Не то что зрелость, ответственность — с такой-то историей понятно; у него и костяк не мальчишеский. Тощий, конечно, но крепкий, плечи широкие. Словом, мне так кажется. Его бы в ассистенты. Он уже у меня учебник ботаники просил, я ему отнес школьный, подбираю посерьезней. Словом, в детдоме ему делать нечего.
— Надо подумать, кто у нас занимался возвращением репре... ну, кто сидел...
— И вот еще что... у меня есть жена.
— Ну да?
— Да ну?
— Я не шучу. Ее зовут Зоя, она энтомолог на биостанции. Если со мной что-то случится, знайте, что она моя жена. Пока мы отложили свадьбу, мне обещают комнату в преподавательской квартире в Тимирязевке. Или мы думаем снять жилье в Метрогородке. Словом, это не главное. О моих путешествиях она не знает, о мальчишках — догадывается...
— Так когда поздравлять?

— Когда вас пропивать будем?
Не хотят понять, как это серьезно.
— Как только будет можно, мы усыновим Карена.
.....
— Зоенька, радость моя... ты знаешь, что по-гречески «Зоя» значит «Жизнь»?
— Знаю...
— А как вы будете... как ты будешь ласково коверкать мое иностранное имя?
Женщина встает на цыпочки, кладет руки ему на плечи и шепчет на ухо: «Милый»... или... или «Гуленька»... — и, отпрыгнув, краснеет. Застеснявшись, прячет вспыхнувшее лицо у него на груди.
— Веду себя, как десятикласница... стыдно ста... взрослой бабе краснеть и прыгать, как коза...
— Я сам никогда ни за кем не ухаживал. Будем вести себя, как два дурака. Ты свободна в воскресенье? Мне хочется познакомить тебя с двумя моими друзьями. Они молодые, но старых у меня что-то не осталось. Иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал.
— Они ботаники?
— Они физики. Замечательные ребята.
Что делать, думает Зоя Викторовна. Вдруг я им не понравлюсь? Это так важно, понравиться друзьям мужа. Ой. Я уже думаю о нем, как о муже. Платье. Платье у меня шикарное, но я же его надевала один раз два года назад. Будет, как будто чужое выпросила надеть. Парикмахерская, сделать прическу? Я же и маникюр никогда не делала. Нет-нет, ничего не надо. Я же без пяти минут зоотехник, коровница...
— А где мой букет? Или будет официально, во время представления?
— Нет-нет, тогда особо. Сейчас — пожалуйста: клиантус! Это...

Клиантус (лат. Clianthus) — род семейства бобовых. Клиантус пунцовый (Clianthus puniceus) — эндемик Новой Зеландии. В диком виде произрастает лишь на острове Мотурему в заливе Каипара.
Цветет поздней весной. Цветки напоминают клюв попугая или клешню лобстера. Стебли плетистые, вьющиеся длиной более 1 м, иногда до 3 м.

В некоторых кругах признан красивейшим цветком среди всех Мотыльковых.
Соглашается расти в садах, но только в тропиках. Горячие поклонники пытаются приручить, одомашнить, поселить в домашних условиях, но он капризнее даже орхидей. Разве что в оранжереях..
Пожалуй, дальнейшие ботанические лекции стоит отложить в конец второй части книги, как это сделано в первой части.
Другой разговор. МГУ, Биологопочвенный факультет, здание на Моховой.
Кафедра высших растений.

— Коллеги, я только что встретил в коридоре Асланяна. Он что, у нас работает?
— Читает внештатно, два раза в неделю. Что-то такое... систематику моховидных, кажется, и еще что-то.
— Он ведь, кажется...
— Да. Реабилитирован. Еще, кажется, преподает в Тимирязевке.
— Несерьезно, батенька. Он ведь, кажется, доктор?
— Черт... может, и не кандидат. Не слышал.
— Ну и что? Исследователь флоры Марса учит агрономов?
— Насчет Марса лучше не надо. Это как-то... не закрыто, но не афишируется...
— Да, сложно. Помню, он считался отличным систематиком...
— Человек он точно отличный.
— У нас ведь, похоже, ожидается расширение штатов? В связи с планами переезда на Воробьевы горы. Хорошо было бы...
— Кстати, академик-то наш, маститый-то наш, Об отставке заговаривает...
— Да что вы?
— Говорят...
— С чего бы это? Всего 75...
— Жалуется, что генетиков не добили. Будут мстить.
— «Вдруг у разбойника лютого совесть господь пробудил»?
— Дождешься от него...
— Да бросьте, это он так, на жалость бьет.
— Кокетничает. Поймать момент и подсунуть заявление, а?
— Декану заранее капнуть про Асланяна...
.....

— Слышь, Ёж...
Дауге оборачивается. Ёж — это он: Иоганн, Йоханн, Ёхан, Ёж. Владимир Юрковский, соответственно, не Вовка, не Вован, он Юрик, Юрок.
— У меня такое странное предчувствие, где-то под коленкой...
— Да?
— Что наш Профессор задумал представить нас своей избраннице в ближайшие дни.
— Похудел он...
— Да уж. Вот ты где бы знакомил друзей с невестой, или с новобрачной тем более? Если своего дома нет? В ресторане, да?
— Наверно. Не думал как-то.
— А есть у него для этого, э-э... возможность? Средства, бумажные такие?
— Ты предлагаешь стратегию упреждающего маневра?
— Точно. И немедленно.
— Да, но как мы его известим? Звонить ему в общежитие, где у них там? Проезд Соломенной сторожки?
— Телеграмму пошлем.

Вечером дежурный по этажу (или вахтер) вручает вернувшемуся домой Асланяну телеграмму:
связи возможным отъездом предлагаем встречу национале пятницу субботу воскресенье выбор ваш 8 вечера супругой д ю
С вахты Гурген Сарбазович звонит Дауге, договаривается о встрече у метро. Завтра у него лекция в 12, оттуда он поедет на биостанцию. Зоя сообщит близким сотрудникам, что она невеста, и никто не удивится, что он приезжает так часто, а потом — в свою лабораторию, к ребятам, полдня и еще двое суток...
Надо все-таки уточнить исторический контекст. Что там с КБ Королева, где подвизаются мои персонажи, Юрковский и Дауге, дед и отец героев «Страны багровых туч» и других великих произведений.

Королёв был арестован 4 июня 1938 г по обвинению во вредительстве, после ареста руководителя и других работников Реактивного института.

Может, все-таки начать немножко раньше? Родился в городе Житомире в 1906 году, в хорошей образованной семье, рос среди взрослых – красивый, резвый, любопытный мальчик. В 1911г его взяли посмотреть полет Уточкина... ну и все, без авиации жить уже не мог. Кружки, курсы, общества любителей воздухоплавания, с 29 года – летчик-планерист и конструктор планеров.
Начитался Циолковского и задумался о ракетоплане. Первые советские жидкостно-баллистические ракеты. 1933.
Дальше – «сумасшедшая карьера», первый полет ракетоплана – хорош и к звездам летать, и в роли высотного истребителя-перехватчика. 28 февраля 1938.
Был включён в список подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда по расстрельной категории. Список был завизирован Сталиным и комп. Осуждён по ст. 58-7, 11 на 10 лет.
Попал на Колыму, на золотой прииск Мальдяк на «общие работы».
За него боролись летчики Михаил Громов и Валентина Гризодубова. Дело передали на новое рассмотрение. Королёва 23 декабря 1939 года направили в Москву на пересмотр дела, он по дороге заболел и опоздал в Магадане на последний пароход «Индигирка». Это его спасло. Пароход затонул вместе с экипажем в Японском море во время шторма.

Был судим вторично, получил 8 лет и направлен в московскую спецтюрьму НКВД ЦКБ-29, где под руководством заключённого Туполева создавал бомбардировщики, но не оставлял идеи ракетных двигателей. В 42 переведен в Казань, в другую шарашку.
В июле 1944 года Королёв досрочно освобожден по личному указанию Сталина.
8 сентября 1945 года Королёв летал в Берлин, в советской оккупационной зоне (в Тюрингии) участвовал в изучении трофейной ракетной техники. В 1946 году там был создан новый советско-германский ракетный институт «Нордхаузен», главным инженером которого стал Королёв.
Для изучения и воспроизведения ракет ФАУ-2 на подмосковном артиллерийском заводе N 88 в конце 1945 года было организованно Специальное конструкторское бюро по ракетной технике (СКБ РТ). Руководителем изготовления копии ФАУ-2 назначили Королёва. Завод № 88 организован на части площадей завода № 8, который был эвакуирован на Урал, в подмосковных Подлипках, ныне в черте города Королёв.

— А я так боялась, что вы... что ты от нас сбежишь.
— Куда сбегу? От кого?
— Марфа Зиновьевна и все... они прямо меня тебе сватали. Так заметно было, они мне чуть не подмигивали. Ужас до чего бестактно.
— Почему же? Я заметил. Значит, думаю, они считают, что я достоин такой прекрасной невесты.
— Они тебе все про меня рассказали, как я живу....
— Рассказали, что живешь с мамой, сестрой, ее мужем и детьми.
— Мама это моя мама. Мы сводные сестры. У Тони отец был врач, военный врач, он с мамой сестры здесь поселился, а когда Тонина мама умерла, он потом женился на моей маме. Мама с Тоней были очень хорошо. Тоня замуж вышла, мама ей помогала с детьми. В войну Тониного папу призвали, и он где-то заболел и умер, где-то далеко, даже за границей. Мама очень хорошая портниха, она зарабатывала, и Тоне шила, и мне, и детям. Я тоже, она говорит, у нее научилась. У мамы родители живы, у них комната на Арбате, но с ними живет дядя с детьми. Я у них жила, пока училась в ВУЗе. Мы у них бываем, Тоня тоже, они добрые, и мама говорит, если бы мы с Тоней ссорились, она бы меня забрала на Арбат, мы бы менялись...

Профессор смеется. Семейный вопрос в то время решался просто: муж перебирается «на жилплощадь» жены, раз своей нет — в комнату, где живут ее мать, сестра и двое детей школьного возраста (в общую квартиру с общей кухней, но зато с ванной комнатой!).
Ни у кого вопросов не возникнет. Купят полуторную кровать вместо узкой девичьей, передвинут шкаф, поставят ширму... все люди так живут.
Но у этих двух людей другие представления о любви.
Так и будут они по дороге с биостанции держаться за руки, говорить, говорить...
Если бы он смел! Какой медовый месяц они провели бы – «там»...

Они мечтают о будущей жизни.

— Ты подаришь мне на день рожденья самый красивый ботанический атлас, — говорит ученый, — а я тебе самый красивый определитель насекомых. Мы будем сидеть вечером после работы... ведь мы будем много работать, правда? — будем сидеть за столом, под лампой с розовым абажуром, и смотреть свои книги. И я буду говорить тебе: душенька, ты только глянь, какой удивительный цветок...
— А я буду говорить: посмотри, миленький, какая прекрасная бабочка...
— Прямо как старосветские помещики! Как Манилов с госпожой Маниловой! А потом мы будем выяснять, подходят ли они друг другу.
— Можем пойти в книжный магазин, заказать эти книги, только не завтра, а...
(После помолвки, хотел сказать ботаник, и прикусил губу. Не надо ему в книжный).

Асланян не спрашивал у Зои адрес. Живет она где-то недалеко, на Ивантеевке, в Богородском — где-то здесь. Увы, старый холостяк и не подумал о такси, потому что такси существуют где-то в чуждом мире, более чуждом, чем «доисторическое». Он ждет ее на трамвайной остановке. Конец октября. Третья Золотая осень. Сухо и прохладно, листья почти все облетели, «легкие и свежи, лежат, как ковер». Из-за угла в переулке появляется ладная фигурка в сером пальто и берете, в туфлях на каблуке. Рядом с ней спешит, подпрыгивая, девочка в пестрой юбке и бежевой куртке, что-то быстро говорит на ходу. Увидев, кто ждет на остановке, Зоя останавливается, девочка убегает вприпрыжку, Зоя машет ей вслед и подходит, улыбаясь, к своему кавалеру.
— Племянница, — говорит она.

Та самая Марьюшка-Марусенька-Машутка, думает Гурген Сарбазович.

Помолвка, или знакомство, или обручение – словом, все было чудесно. Все друг друга немножко стеснялись. Владимир Юрковский (тоже когда-то блистал в школьной самодеятельности) так играл роль светского кавалера, чуть нагловатого, чуть пошловатого, что все почувствовали себя немножко на сцене, но игра почти сразу растворилась в такой сердечности, в таком искреннем интересе, что пародия перешла в азартное дружеское подкалывание. Юрковский приглашал Зою на танго и вальс, наливал ей Твиши и коньяк. Невеста, в синем шелковом в горошек платье, стройненькая, чуть полненькая, с тяжелым узлом волос, была очень мила. Усаживая даму за стол после танца, инженер почти грозно потребовал у ботаника ответа, как это ему удалось очаровать такую красавицу? Асланян смутился по-настоящему, но Зоя ответила немножко томно: «он рассказывал мне про самые красивые цветы семейства бобо-овых...», и улыбнулась, и на левой щеке у нее появилась ямочка. И сразу стала совсем своей...
Удивительно, рядом с дамами, которые танцевали и сидели за столиками, лесная гостья не казалась какой-то провинциальной, довоенной, допотопной. Некоторые дамы на нее украдкой поглядывали. Ученый этого не заметил; зато правильно понял Юрковский.

— Учитель, — произнес он почти строго, — вы, надеюсь, знаете, что на нашей прекрасной даме — туалет от великого парижского модельера Диора?
— Кто же не знает старика Диора, — небрежно ответил Асланян.
Правда, по дороге домой — Юрковский, не спрашивая, усадил их в такси и что-то сунул водителю, — профессор все-таки спросил Зою, что такое особенное с ее платьем?
— Бабушка мне его сшила на защиту, она у нас главная швея, ее соседка тоже шьет, у нее заказчицы актрисы, и жены всяких... они за границей бывают, у соседки всегда последние модные журналы, хоть немецкие, но все-таки... это новая мода, новый «стиль Диора», он его придумал после войны. Такой... женственный. Широкая юбка и...
Ну разумеется, речь идет о знаменитой «мадам Шадриной-Кошке», про нее и в «Детях Арбата» есть, и в нашей книге «Маркса-Энгельса 8».

Насчет «возможного отъезда» в телеграмме инженеры как в воду глядели. Командировка-то предполагалась, только неизвестно когда и без них. Обсуждали теоретически разные места для будущего большого ракетного полигона, и мелькало название «Байконур». Но, говорят, в хорошей лжи должна быть часть правды; а их выдумка оказалась правдой. В понедельник им сказали, что надо бы съездить с геологами и географами в местечко Байконур, где-то около Караганды...

Настоящий полигон с таким названием построили юго-западней, ближе к Аралу и Сыр-Дарье, по Средне-Азиатской жел.-дор., но пока они едут через Акмолу в Караганду, там по узкоколейке в Джезказган, в район каких-то рудников. В такое-то время года – у нас в романе сейчас поздняя осень, может уже начало декабря, в солнечном Казахстане солнца конечно хватает (300 дней в году, что надо для испытаний), но уж ветер! Ничего, не на курорт едут. Удачно я выбрала юному герою приемную семью – род Аргун! Выбирала, потому что фамилия звучит по-русски, вообще есть такая фамилия: Аргуновы, отец и сын, художники, крепостные графа Шереметьева. Младший – автор знаменитого портрета беременной Параши Жемчуговой, вообще портретист замечательный. Интересно, откуда у них такая фамилия. Есть вариант татарского происхождения. Многие ордынские роды называются так же, как казахские.

Караганда, как и Акмолинск, расположены посреди родовых земель рода Аргын. В Караганде его и забрала с поезда казашка. Пришла продавать каймак, увидела ничейного ребенка и забрала. Оригинальный случай произошел, видимо, здесь же. Уточню. Если же не здесь, то такой случай был не один.
Словом, где же искать следы воспитателей Валентина, как не в окрестностях Караганды, с помощью геологов, у которых общение с местными всегда хорошо налажено! Среди рабочих на рудниках!

Расставаясь прошлый раз, договорились, что ребята, если соберутся в поход, будут оставлять ему записку в жестяной коробке среди камней у входа на тропу. Туда ни один прилив не достанет. Записки не было, но ребят он почти сразу увидел неподалеку, на берегу, они его ждали. Набрали после отлива всякой мелочи, рыбок, крабов, креветок, мидий, мелких кальмарчиков. Наломали веток и надрали коры с принесенного морем дерева. Разожгли костер и варили нечто вроде «марсельской ухи» — всё вместе, по-французски «буйабес». Гурген Сарбазович принес им городское лакомство: две французских булки (кое-кто до сих пор ностальгирует. Исчезли как класс даже раньше калачей — не поддавались, требовали ручного труда. Ну и что выпендриваться, подумаешь, «до революции были сайки от Филиппова»... сайки исчезли примерно тогда же, в 60-х. Очень вкусные были).
Еще наставник принес книгу Тимирязева «Жизнь растений» и небольшой топорик. Дерево лежит уже два дня, сколько дров пропадает, того гляди высокой волной унесет.

Трудились до звезд... Наверх не пошли. Придумали развлечение: бродят по мокрому песку, по самому краю, с горящими факелами. И поют...
Поют то, что слышали по радио. «Вьется в тесной печурке огонь...», «Утро красит...»... «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер...»
Гурген Сарбазович поет оперные арии. Радио передавало оперу каждую неделю. О скалы грозные дробятся с ревом волны.
Валька спел казахскую колыбельную — что-то про жеребенка, про молодой месяц, ручеек, ягненка.
Карик убегает далеко вперед. Размахивает факелом, забегает в воду — отражение размазывается по волнам... полный экстаз... вдруг...

Старшие бросаются на его отчаянный крик. Он швыряет в воду факел и сразу оказывается на руках у наставника.
— Там кто-то был! — кричит Валька. — Здоровенный! Башка и лапы! Ты его пуганул своим факелом!
Профессор передает ему младшего мальчика с рук на руки, подбирает факел, идет к воде. Там только обгоревшая ветка, быстро исчезающие следы чьих-то больших лап и узенькие следы мальчика...
Карик легко успокоился. Рассказывает, что вдруг из воды, прямо в отражение огня, всплыла гладкая морда, и стала вылезать, и даже показалась лапа. Он закричал, бросил в нее факелом и побежал. И все. Больше ему не страшно.
— Ты храбрый мальчик, — говорит ботаник.
Они возвращаются к костру, зажигают его снова. Рядом, где они прикопали останки креветок, рыбьи косточки и раковинки устриц, слышится тихая возня, иногда тонкий писк. Сидят, разговаривают тихо. Иногда мимо кто-то пролетает быстро и бесшумно... Нет, огонь в ночи — не очень хорошая выдумка...
— Я думал, море на таком мелководье безопасно, — говорит Асланян. — Акула не подберется... Но я слишком мало знаю. Кто водился в эоценовом море? Может быть, морские черепахи? Кроме того, в темноте можно наступить на ядовитую медузу, на морского ежа... Больше так веселиться не стоит.
Младший спит. Взрослые долго еще тихо разговаривают.

Чтобы насмешить и успокоить мальчишек, Асланян рассказал историю про французские булки, военного времени. Художник один рассказывал во Владимирке.
Во время войны в Москве было очень голодно. Художники какие-то карточки получали, зарабатывали кто как мог. Учебные пособия какие-то делали. Один художник получил заказик: раскрашивать муляжи французских булок из папье-маше, для витрин. Раскрасил очень талантливо, сам наверно слюнки глотал. Положил в мешок и повез в артель к заказчику.
Мешок был старый, в автобусе теснота, мешок начал расползаться, а там — аппетитные булки, явно свеженькие... Спекулянт! Вот кто крадет наш хлеб!
Художника за глотку, хорошо что тесно, не размахнешься. Убили бы. А он слова сказать не может, только руками показывает, кулаками: мол, вы их друг о друга постучите...
Наверно, пару муляжей раздавили, увидели, что это такое, успокоились.

Что за чудовище выскочило из воды на огонек, профессор объяснить, конечно, не мог. Потому что исследование древних китообразных еще не начиналось в то время, по простой причине – главные находки были сделаны к концу века. Были найдены «млекопитающие крокодилы», кстати в тех местах примерно, где скрываются наши герои.
Наиболее примечательным из древних китов является *Амбулоцет*, известный из эоцена Пакистана. Внешне это млекопитающее походило на трёхметрового крокодила.

Амбулоцет был полуводным животным: его задние лапы лучше приспособлены для плавания, нежели для ходьбы по суше. Вероятно, он плавал, изгибая тело в вертикальной плоскости, как современные выдры, тюлени и киты. Предполагают, что лапы у него были с перепонками.
Или вот:
Кутхицетус — вид вымерших пресноводных плотоядных китообразных из семейства *ремингтоноцетиды* (ну и словечко), эндемичных для береговой линии океана Тетис в эпоху эоцена. Является переходной формой к современным китообразным.
Кутхицетус имел китообразное тело, четыре рабочих действующих конечности, длинный хвост и узкую гидродинамическую голову.

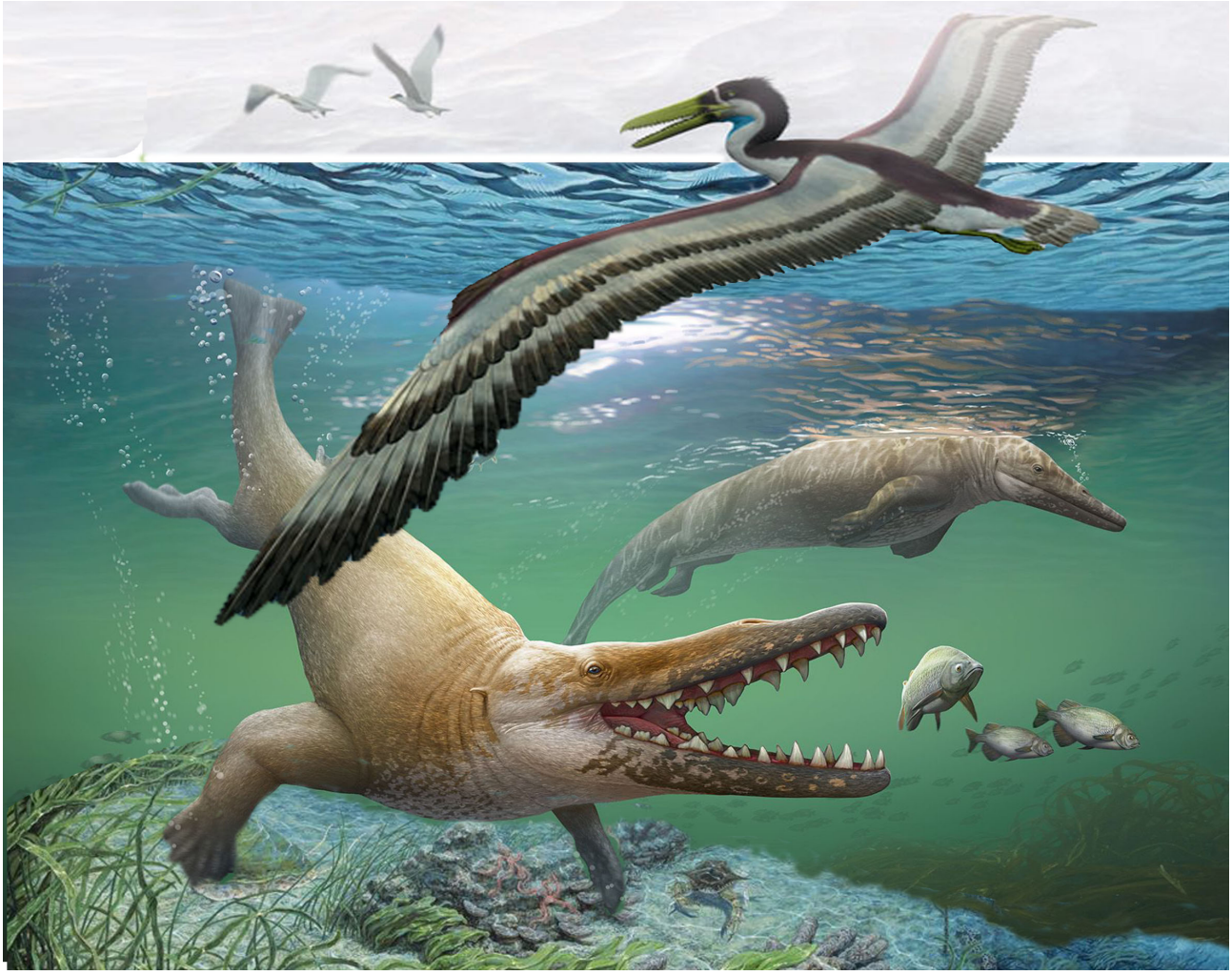
Дельфины развивались параллельно.

Мог ли Гурген Сарбазович рассказать юным слушателям о Гондване, океане Тетис и Лавразии? Теория тектонических сдвигов и дрейфа материков с трудом пробивала себе дорогу в достаточно косной, извините меня, среде геологов. Они все-таки рудокопы по замыслу, пешепроходцы. Их рюкзаки к Земле пригибают. Особенно тяжко откровение Вегенера принималось в совсоюзе. Не любили там менять взгляды. Что еще за географические новости. Но вот где поэтический образ меняющей очертания Земли приняли бы с радостью – все там же, во «Владимирской Академии».

Тетис существовал около миллиарда лет (от 850 до 5 миллионов лет назад), разделяя древние континенты Гондвану и Лавразию, а также их производные. Поскольку за это время наблюдался дрейф континентов, Тетис постоянно менял свою конфигурацию.
— Вы видели глобус, у вас был в школе? А наш теперешний глобус выглядел бы вот так...
Профессор, как смог, нарисовал на песке две карты.
— А мы здесь где? — спросил Карик.
— Насколько я представляю, мы в самом центре Лавразии — Евразии.
Юное сознание пластично. Любопытство неуемно. Материки плавают, как по воде, по огненной магме? Не совсем так... Профессор не настолько помнит подробности увлекательной концепции. Внутри Земли, как в океане, существуют раскаленные течения, расплавленный камень перемещается, тянет и толкает огромные толщи, континенты, раздвигает их, сталкивает, разламывает, по краям извергаются вулканы, на дне океанов растут горы — выше, чем самые высокие земные...

О чем беседуют старик и подросток? Ни за что не догадаетесь. О капитане Немо. Валентин, немецкий мальчик из Казахстана, спел на берегу «ночной таверны огонек...», и теперь рассказывает, как он любил слушать эту передачу. Только редко получалось. Гурген Сарбазович недоумевает, как можно радоваться «копытам звонким по пыльной мостовой», почтовому дилижансу, если не читал даже Стивенсона? Оказывается, читал. И не один раз. А про Тартарена не знает. И даже про Мюнхаузена! Библиотеку при детдоме он любил... Почему же не попросил принести книги? Читал бы Карику...
Да, но такие книжки лучше всего читать вечером, перед сном, у лампы с абажуром...
В тропиках (и не только) ночью свет лучше не зажигать — налетят насекомые и сожрут. А днем некогда, надо обеспечивать жизненные потребности. Это не так просто, а главное, не так быстро. Но зато будет о чем поболтать за едой и перед сном.

Возможно, ученые заранее, до всяких находок, доказали, что киты произошли от копытных и больше всего похожи на бегемотов. Просто их предки любили рыбу... И определили не по копытам, а по ушам... но это неважно. Профессор не сомневается, что на Карика напал морской крокодил.



— Знаешь, Валя, — говорит профессор, — скоро можно будет устроить так, чтобы вы вернулись. Есть план. Вы как будто в самом деле уехали в Казахстан, там нашлись, и вы вернетесь формально в детский дом — только чтобы получить справки; не надо там даже показываться. Хотя там совсем по-другому, я видел нового директора. Мои друзья думают, как устроить вашу жизнь, чтобы вы могли учиться. И я всегда буду с вами.
— Я не хочу возвращаться, — быстро отвечает Валентин, — я хочу жить здесь всегда.
— Ничуть не удивляюсь. Странно было бы наоборот.
— Но вы не хотите остаться здесь насовсем?
— Если бы мне пришлось выбирать... нет, я бы не мог. Видишь ли, друг, то,что я здесь вижу, что узнаю — это для людей. Для общего человеческого знания. Я не могу сейчас написать книгу, рассказать, какая была Земля 50 миллионов лет назад. Но когда-нибудь смогу, я уверен. Потом, остаться здесь, это значит украсть величайшее изобретение. Если я не вернусь, останусь здесь и умру, будет потеряна гениальная мысль. И вдохновенный труд. Если бы, Валя, ты знал, что такое настоящий, творческий, дружный труд!
— Почему нельзя рассказать всем про машину, чтобы вы могли, и другие ученые тоже, бывать здесь, все изучать, путешествовать, жить сколько-то времени, и возвращаться, и писать книги? И даже фотографировать — вот было бы здорово!
— Нельзя. Потому что на земле живут не только ученые. А главное — время очень странная вещь, о которой никто ничего не знает...

Три основных вопроса висят в воздухе, и закруглить их не получается. Три проблемы профессора Асланяна:
Как-то надо наладить семейную жизнь, а то странно: Зоя Викторовна — замужняя дама, или как?
Надо решить с ребятами. Они готовы навеки поселиться в теплом цветущем эоцене, выманивать их убеждением и обманом совсем не хочется, но люди должны жить среди людей.
Эти два вопроса связаны друг с другом, решение у них одно. Сначала Карик и Валька. Зоя невольная, но горячая соучастница в этой фантастической истории. Ей тоже покоя нет, тем более она не представляет, где дети, в каких условиях сейчас живут? Подозревает, что у каких-то друзей ученого. Верных, надежных друзей... возможно, друзей по заточению... миф о «лагерном братстве», как и фронтовом, уже закрепился.
Если бы она знала, как все обстоит на самом деле, с ума сошла бы от тревоги. Каждую секунду воображала бы нападение крокодилов или птеродактилей.

После встречи на биостанции Гурген Сарбазович провожает избранницу домой. Она уже приглашала его зайти, он побывал в семье, познакомился с матерью и сестрой — приятные работящие, культурные женщины, выпил с ними чаю, послушал радио. Мужа сестры не было дома, дети гуляли, хотя уже стемнело. Его приняли, как хорошего друга сестры по службе, приветливо, но и только: новый знакомый, приличный человек, пусть ходит. Хотя Зоя рассказала им о «помолвке» и ему сказала, что им сказала.
Без слов понятно, что немолодой основательный жених постарается сначала организовать условия для будущей жизни, взять какую-то дополнительную работу, чтобы можно было снять комнату. Ну и приоденется... ничего, ему посоветуют, как можно прилично и недорого.
Зоя тем временем приготовит приданое. Смешное слово, старомодное, а как начать жизнь вдвоем без одеяла и подушек, чайника, чашек, полотенец, а может и керогаза? Раньше весны не управиться. И свадьба весной — к счастью.
Ни о чем таком обрученные не говорят между собой и даже врозь не думают. Они тоже мысленно отложили решение до весны. Зоя, прости ей, Господи, уже не представляет торжество без участия Дауге и Юрковского (конечно, и всех своих сотрудников, на которых блистательные друзья мужа произведут должное впечатление). Себя она видит в том своем роскошном платье — не шить же новое, ведь не девочка, — и с букетом белых роз...
Асланян думает о мальчишках.Вытаскивать их в Московскую зиму, то морозную, то гнилую, в смутное время новых процессов, в ожидание новых посадок... того гляди начнут хватать всех, кто уже сидел.
Что «сбудется с ними, родными, с моими зверями лесными?»

Можно отвлечься, думать не про самое неотложное, но самое существенное. Как быть с машиной времени? И главное, что это такое, как это надо понимать, как это МОЖЕТ БЫТЬ? Как можно оказаться в ПРОШЛОМ, как-то жить там, как-то действовать – и перенестись в БУДУЩЕЕ, т.е. в сейчас – а что такое СЕЙЧАС?
Прошлого нет! Его можно исследовать, вспоминать даже очень ярко, рассказывать, описывать в литературе, восстанавливать — есть люди всей душой погрузившиеся в прошлое, историки, археологи, палеонтологи — но нельзя же пребывать в нем физически!...

Разумеется, нет! Однако ж — вот...
Почему он один, пожилой очень средний человек, оказался единственным, кому служит это невероятное, немыслимое открытие, превосходящее, кажется, по значению все прошлые открытия и изобретения, включая распад атома. Атомную бомбу.

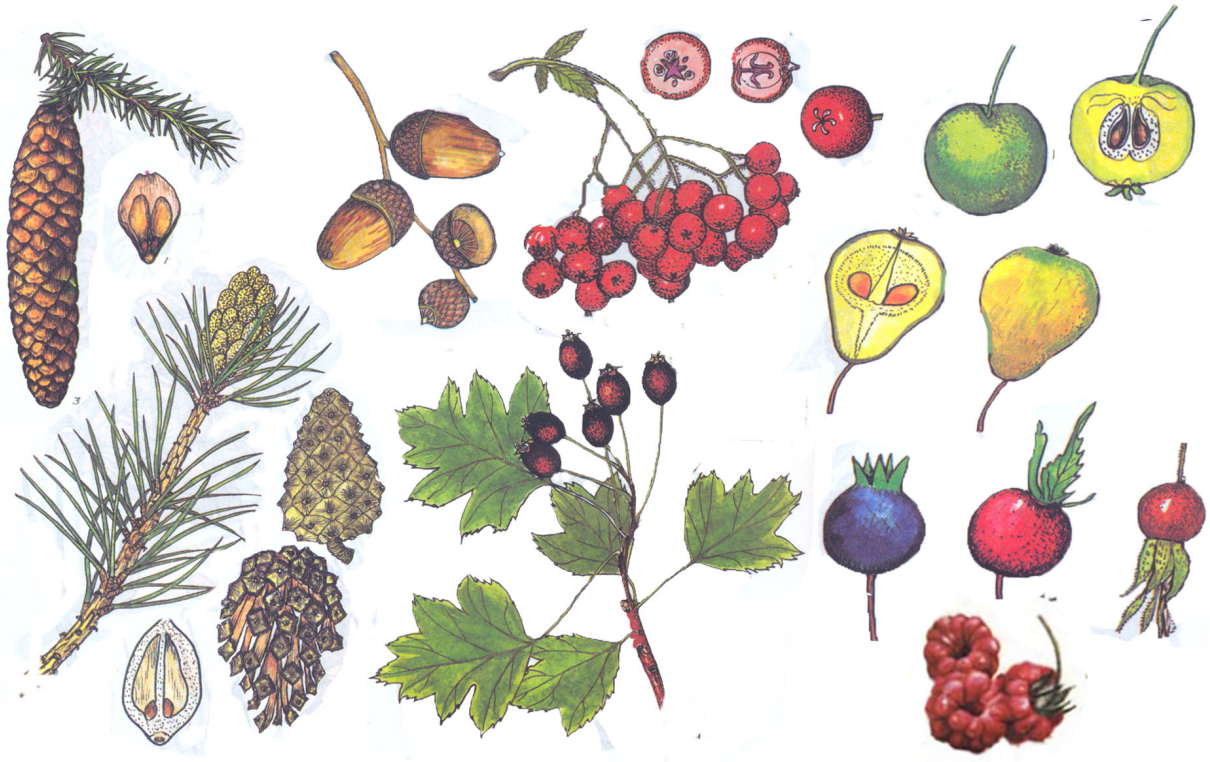
Шепчут про какую-то еще сильней. Страшней.

В том-то и дело. Что, если *это* — еще страшней? Опасней? Вдруг его прогулки с двумя беспризорниками медленно, но верно выворачивают Вселенную наизнанку?
Может быть. Но хорошо, что об открытии знают всего несколько человек, да и те знать про него не хотят. Можно же было исследовать фантастическую конструкцию, научиться управлять ею, нацеливать на разные временные интервалы, а может и пространственные. Аппарат был задуман как космический...

Нет, лучше уж так. Современному человечеству с такой свободой не справиться.

Как сильно он стал уставать. Конечно, это осень. Конец октября, последние тёплые — чуть тёплые дни. Впереди темные дождливые дни, ранние сумерки, сырость, мокрые улицы, холод в трамвае... у кого под перчаткою хватит тепла... перчатки кажется расползлись, есть еще такая полезная вещь, как галоши, надо бы раздобыть. А какой сегодня день был, жаль, что кончается.

Сегодня как договорились, было последнее занятие со школьниками и детдомовцами на биостанции. Тема была — «плоды и семена». Чуть-чуть теории, две старых таблицы.



И часа три — по кустам, по бурелому, под елками. Собирали желуди и орехи (один орех себе, один в общий мешок). Собирали рябину, боярышник, шиповник. Шишки собирали. Паслись, конечно, в буферной зоне, не в заповеднике — там ничего собирать нельзя. Бродили вдоль путей, по одной и другой стороне, по Лосиноостровской. Набрели на какую-то заброшенную дачу или усадьбу, в разросшемся одичавшем саду лазили по корявым, искривленным веткам старых, уже лежащих на земле яблонь, собирали твердые мелкие плоды. Крошечные грушки собирали из травы. Чтобы зимой птичкам не погибнуть с голоду. И мелким зверушкам тоже. Профессор может вести просветительские беседы с одним-двумя подопечными, остальных еще пойди поищи. Этим они с Зоей и еще одним сотрудником в основном и заняты. Чуть отвернулись, кто-то залез в обвалившийся дом и вопит: Ух ты! Что тут есть!.. И сразу — собачий лай.

Взрослые бегут с разных сторон, впереди сопровождавший школьников учитель.
Ребята нашли чуть приоткрытую, перекошенную и заросшую дверь, то ли в кухню, то ли в чулан, подергали за ручку, ручка оторвалась, взялись руками, дверь закряхтела, и тут из кустов выскочила большая желтая собака. Учитель застал ребят, размахивающих прутьями перед мордой разозленной собаки. Прутья отобрал, собаке строго сказал: а ну, на место!
Кладоискателей построили, и всю экспедицию с добычей увели на биостанцию. Легенды о кладе в подземелье складывались прямо на ходу. Кто-то уже пересказывает «Тома Сойера».

Специалисты возражают против кормления птиц. Можно только чуть-чуть подкармливать в тяжелое время, глубокий снег, обледенение и другие бедствия. А так пусть работают, червякашек выковыривают из-под коры. Это Зоя объясняет Асланяну и учителю Иванову по пути. Щедрые дары, собранные молодцами-школьниками, будут по мере надобности раскладывать и развешивать где-нибудь подальше от людей: нечего приучать к помойкам!
— А они все равно приучились, — жалуется энтомолог, — у нас кладовая, кухня, овес и сено. И навоз, конечно. Все летают: воробьи, синицы, сойки. Я вам как-нибудь нашего Фильку покажу. Филин гнездится неподалеку, ловит этих прикормленных. Мы и дупло с гнездом в прошлом году видели, они там пищали. Еще у нас свой ворон есть, но он подальше. Гордый...
Подступает скорый осенний вечер, кончается веселый яркий день. Гурген Сарбазович провожает Зою домой, от биостанции. Говорят о птицах и детях. Вот он девушку проводит, поедет на трамвае к Тимирязевке, выспится, соберет что приготовил для мальчишек и утром на Белокаменную. На два дня. Обратно, в общежитие, на лекцию. «Не поеду в общежитие, — решает он внезапно. — Пойду в лабораторию, в кабинете и переночую. Включу обогреватель... что снести ребятам, найдется, крупа есть и крючки. Пораньше и отправлюсь».

Выходят на Лосиноостровскую, Зоя вдруг сворачивает не к дому, а к книжной лавочке.

— Вы не против зайти на минутку, Гурген Сарбазович? Мне только книжку какую-нибудь взять для Маруси, она у нас болеет, простудилась, лежит скучает...
Маруся, смешная девочка в пестрой юбке, сшитой из двух разных сарафанов, в мальчишеской вельветовой куртке, в которой рукодельница Зоя перешила пуговицы и петли на женскую сторону. Бегала по лужам в старых полуботинках... Какое счастье заболеть слегка, взрослые на работе, братец в школе, лежать под одеялом с книжкой... Надо ей что-нибудь выбрать стоящее. Не хотел больше сюда, но...

В слабоосвещенном зале им навстречу встает незнакомый человек, пожилой, явно простой. Сидел на стуле нога на ногу, листал старый журнал. Кажется, «Ниву»; смотрел объявления.
— Хозяин уехал, дня через два будет, говорил. Может, через три. Я вот посижу еще, потом дверь запру. Я дворник здешний, сторож, если надо.
— Очень жаль, — Зоя правда расстроена. — Я хотела купить книжку для девочки, для больной.
— Так вы берите, если что найдете, барышня. Деньги хозяину отдадите, после. Я же вас знаю, такая вы читательница.
Гурген Сарбазович видит на столе незаконченную работу букиниста – половину обтрепанной книги, раскрытой на знакомой картинке. Вот что он купил бы школьнице, будь книга целой... Все тот же «Затерянный мир»... «Тайна — очарование...»
Зоя отходит к полке с детскими книгами, перебирает корешки. Откладывает Андерсена, «Русские сказки», еще пару книг.
— О, вот что я возьму! «Приключения юнги», у меня была такая! Оторваться невозможно! Деньги я все-таки лучше вам оставлю, рубль... рубль пятьдесят. А то когда еще выберусь!

Прощаются, выходят в совсем уже темный вечер. Что-то тревожит Асланяна, он отмахивается от лишних мыслей. Провожает Зою, они целуются на пороге. Переулок с освещенными окнами, темными деревьями, второй, насыпь, переход через пути...

— Отец, закурить не найдется? — простуженно хрипит кто-то за плечом, бездомный, наверно.
— Не курю, — отвечает Асланян, не оборачиваясь. Потом вдруг останавливается и вежливо добавляет: извините.
— Да я и сам не курю, — слышит он знакомый голос. Немножко необычный, может чуть иностранный, выговор.
— Простите, что задерживаю, — говорит удивительный букинист. — Я сейчас исчезну, и не хотелось бы... Позволите проводить вас минут пять? Вы же меня сразу разгадали?
Они тихо идут в сторону путей.

— Доводилось вам, Гурген Сарбазович, прочесть советский детектив для пионеров? «Кортик», например. Главный злодей, враг, тайно проникший белогвардеец. Это я.
Профессор кивает. — Я сразу подумал, что вы кавалерист. Вы такой собранный.
— Гусар. Окончил Николаевское кавалерийское училище! В нем Лермонтов учился! Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Корнет в 1899, генерал в 1915! В войну, да еще Мировую, это быстро, тем более на Западном фронте. После революции, второй, сразу вступил в Красную Армию. Надо же было немцев бить. А после их большевицкого мира — в заговор. Служил в штабе красного Западного фронта, одновременно в штабе Национального Центра в Петрограде. В самом вражьем гнезде, под носом у ЧК, такая могучая организация! Связи с Деникиным, Колчаком...
Князья, депутаты Думы, боевые офицеры, французская разведка, деньги от банкиров и промышленников! А уж какая конспирация! Вот уж мы интриганы были, гордились!
И всех взяли на явочной квартире в Петрограде в июне 19, в сентябре уже расстреляли.

— А вы?..
— У меня тогда первый раз сработало... как у князя Гвидона, помните? «душа-де просит, так и тянет, и уносит...» Так она меня просила уносить ноги, что я и не пошел на явку. Пошел я тогда на Дон, к Деникину. Ну и дальше «Загудело Гуляй-поле от конского пляса», один красный еврей написал, очень здорово.
— Багрицкий...
— Знаю, очень талантливый. «Казакует пред бойцами командир Котовский». Я и у него повоевал, там все со всеми рубились не разбирая. Какой был командир! Хорошо, что его убили в 25, а то бы чекисты все равно расстреляли.
— А вы к Врангелю?..
— Я в Польшу. В Румынии был, во Францию добрался. Не хотелось жить на пособие, пошел в Иностранный Легион. Большинство — подонки хуже махновцев, командуй ими. И всегда слушался: как душа скажет — все, пора, — исчезаю. В Испании тоже...
— О...
— Да, и там... на нашей стороне, на большевицкой. Не один я, еще были: пойдем, заслужим у Родины прощение, вернемся в Россию... там снега... Я опять ушел, пока не натворил такого, что в ад не примут. А снега хотелось, так что я в Польшу. Все ждали войны с немцами; тянуло поближе к театру, знаете — думал, если что, в лес уйду, партизанить. Но нас, нескольких бывших белых, в армию взяли. А Польшу без драки поделили. Не успели немцев толком встретить, «наши» пришли. Хорошо, думаем, ладно, все-таки пригодимся. Что там наверху нарешали — воевать все равно будем, с немцами, конечно. Пошли к русским...
— Катынь...
— Она самая. Везут нас, ведут нас, списки составляют, кормят неплохо.
— А душа тянет? Просит?..
— Еще как. Голосит, обеими руками упирается: вернись! Не ходи! А как вернешься? Охрана. Убежать всегда, конечно, можно, как граф Монте-Кристо, решиться главное. Тут я знакомого встретил, соседа, не узнал бы, с детства не видел, а он меня узнал. Вывел в тамбур — мы в эшелоне ехали — и говорит, что всю жизнь меня ненавидел, как я потом гусаром приезжал, а он младший телеграфист. Всю войну в тылу на связи просидел, а я с фронта к родным весь в крестах. Может девушку его часом... отбою же не было, мы — герои. В Революцию он отсиделся, и вскоре его в ЧК завербовали, телеграфистов они ценили — все про всех знают! Карьеру он там сделал... Нас сопровождал, ответственное задание. Первый и сказал, что везет на расстрел. Похвастался, как ему повезло с этой командировкой: сына-подростка с собой взял, в Смоленск отвезет в их училище устраивать. Сына позвал, показывает: смотри, сын, его отец был у нас в Смоленске «Предводитель дворянства»! Папиросу предлагает. Я и не выдержал. Мальчишка ушел... не знаю, убил я его или оглушил, оружие забрал, ключи, документ, крикнул в вагон: кто как может! — дверь сорвал и не глядя, в темноту...
— Как же вы здесь... может быть, лучше не спрашивать?
— Тогда бы мне лучше к вам не подходить. Вы больше рискуете: недоносительство.
Как войну объявили, я из Литвы сюда подался, через Белоруссию. Что творилось! Отступление, окружение, бежали тоже... собирал в отряды, выводил из котлов, а больше драпали за армией. До Москвы добежали и в лесу наткнулись на ополченцев — брошенные, безоружные, зима начинается, голодные, в деревне их за мародеров принимают. Мы как-то соединились, немножко порядок навели... пограбили пару колхозов. Восстановили боеспособность. А один доходил уже, бедняга. Он-то и был местный букинист, все мне рассказал, про магазин, про поселок, о книгах много интересного. О домах, о соседях – все. Про себя, про свою жизнь. Он одинокий был. Одна страсть – книги. И документы отдал. Я его и похоронил, и место помню. Повоевал еще, представьте, в кавалерии! После войны сюда заполз, так и живу другим человеком. Мне это место еще почему дорого... а впрочем, ладно. Мы ведь на вашей остановке? Вот и ваш трамвай. Простите за болтовню, не поминайте лихом!

Гурген Сарбазович Асланян размышляет о Природе Времени. Непривычное занятие. Для натуралиста природа – то, что растет, щебечет, кусает, что можно есть и что прорастет сквозь тебя, когда ты умрешь. Пространство и время... что-то вроде способов существования материи? Кто-то, кажется, писал, что время – продукт нашего сознания, т.е. его порок: мы не можем охватить все сразу, а мыслим как говорим, слово за слово, и наше познание тянется, как тропа, исчезая где-то там...
Нелегко думать о времени. Время не тропа, но вода. Течение времени. «Рано ли, поздно ли, мы все равно добежим в океан...». Оно непрерывно, но и прерывисто... Значит...
Думать вообще нелегко. Особенно в трамвае после трудного дня и какого-то нереального разговора. Почему он поехал на трамвае, он же собирался переночевать в лаборатории? Ладно, раз уж так получилось, ляжет спать, утром посмотрит некоторые лекции. На той неделе будет что-то вроде зачета. Просмотрит конспекты. Некоторые тетрадки попадутся два-три раза... умники иногда меняют обложку, или на третий раз ставят куда-то заметную кляксу. Смешные. Что с них взять, предмет почти факультативный. Что он там наговорил без подготовки об эволюции цветковых.
Цветущий третичный... время цветов... прошедшее время...

Кажется, он заснул. Ему снился цветущий затерянный мир, и он не знал, в каком мире он живет, а какой ему снится. Не в трамвае же?..
А все начиналось с этой книги, книги его детства. Не его одного позвала она скитаться в поисках невозможного, хотя все точно знали, что нет на далекой Амазонке места, где живут динозавры. Теперь их приходится искать по частям в пустыне Гоби... И зачем людям нужны динозавры? Зачем нужно прошлое?
Наверно, он не совсем проснулся, а когда очнулся, то понял, что роман Конан Дойла — про путешествие во времени.

Автор не хотел отвлекать читателя на вымышленную технику, основанную на вымышленных физических принципах. Герои просто сели на пароход и поехали по Амазонке — против течения. Потом на каноэ... Они уже в каком-то запретном мире! Опасность со всех сторон, гудит барабанами: Убьем... убьем... убьем...
Горе тому, кто пытается обратить время вспять!
И вот мудрый вожатый — навигатор во времени — указывает, как выйти из главного русла времени. Сквозь сплошную стену, которая вдруг оказывается не сплошной, сквозь нее в одном месте можно протиснуться, просочиться, протащить узкое каноэ через неподатливый тростник... И никаких больше барабанов!
...О чем это я?

«Тот, кто не заметил бы, что вместо густого кустарника здесь растет тростник, никогда бы не догадался о существовании этой речки и открывающегося за ней *волшебного* царства.

Да, это было поистине *волшебное* царство! Такое великолепие может нарисовать только *самая пылкая фантазия*. Густые ветви сплетались у нас над головой, образуя естественный зеленый свод, а сквозь этот живой туннель струилась прозрачно-зеленая река. Прекрасная сама по себе, она казалась еще чудеснее от тех причудливых бликов, которые роняли на нее смягченные зеленью яркие лучи солнца. Чистая, как хрусталь, недвижная, как зеркало, зеленеющая у берегов, как айсберг, водная гладь сверкала сквозь резную арку листвы, подергиваясь рябью под ударами наших весел. Это был путь, достойный страны чудес, в которую он вел. Теперь *индейцы никак не давали о себе знать*, зато животные стали попадаться чаще, и их доверчивость свидетельствовала о том, что они еще не встречались с охотником.

Пушистые бархатисто-черные обезьянки с ослепительно-белыми зубами и лукавыми глазками провожали нас пронзительной трескотней. Иногда с тяжелым всплеском срывался с берега в воду кайман. Раз как-то грузный тапир выглянул из кустов и, постояв минуту, побрел в чащу... Птиц здесь было множество, особенно болотных. На каждом стволе, нависшем над водой, стайками сидели ибисы, цапли, аисты — голубые, ярко-красные, белые, а кристально чистая вода так и кишела рыбами всех цветов радуги. Мы плыли по этому золотисто-зеленому туннелю три дня. Глядя вдаль, трудно было отличить, где кончается зеленая вода и где начинается зеленый свод над ней. Ничто не нарушало глубокого покоя этой реки, *следов человека здесь не было*».

Как запомнились дивные строки! Как помогали в самые тяжелые времена! Как уводили в Страну Чудес, какие картины вызывал в воображении!
Поистине, такая картина не может существовать в реальном, даже тропическом, лесу. Она может только пригрезиться...

Как хорошо, что он все-таки поехал в общежитие. Надо все-таки отдохнуть, выспаться по человечески. Гурген Сарбазович представляет коридор общежития, свою комнату, предвкушая, как он придет и ляжет. И не встанет до восьми утра. Какая тяжелая все-таки погода, как тяжело идти от трамвая... Он будет спать и видеть во сне дивные чащи, дивных птиц...

Да у меня жар, — вдруг соображает ученый.

Ничего страшного. Дома лежит пачка аспирина. Дом... временное жилье для штатных сотрудников. Комната на двоих, но сейчас он один. А то попросил бы соседа поставить чайник. В кухне вечно толкутся... ничего, сам...
Страшная мысль поражает внезапно: что, если у него болезнь оттуда, из третичного периода? Неизвестная науке бацилла, у людей нет к ней иммунитета, и от него, как от спички на складе с горючим, заполыхает Москва, потом страна, потом весь мир...

Нет, нельзя в общагу. Нельзя. Надо спрятаться и где-то умереть. А что, если он успел уже передать... конечно. Ехал в трамвае. В академии встречался со студентами, читал в небольшом зале. Водил школьников по лесу. С кем-то на биостанции здоровался за руку... Зоя! Прощался на крыльце...

А мальчишки? Если они тоже больны?
Надо куда-то скрыться. Здесь, на остановке, если он потеряет сознание, кто-то вызовет скорую, отвезут в больницу, и все, санитары, врачи, больные...
Надо пересилить себя и встать. Идти в парк. Огромный парк, там забиться в самую густую чащу... скорее туда... уйти подальше. Ничего страшного, я скоро потеряю сознание. Успеть только зарыться в листья. Мертвое тело останется источником микробов, но все же хоть шанс. Только нет сил.
Спокойно. Дауге и Юрковский провели в этом мире многие месяцы, вернулись измученные, отощавшие, обгоревшие, но здоровые, как... как дикари. Как те дикари, которых Бейтс невольно, неосознанно заражал туберкулезом. А чем болел он сам, и чем болел Дарвин, наука тогда не могла распознать. Назвали «Тропическая лихорадка», но другая, не малярия. Малярия в нашем мире произвела уже естественный отбор. Арийцы...
О чем я? Могли ли эоценовые бактерии, безобидно вселившиеся в нашу плоть и кровь, эволюционировать внутри нас и произвести новый вид, новые виды, смертельные для Homo Sapiens? И я сейчас как пробирка с бациллами из лаборатории преступного химика из рассказа Уэллса несу людям гибель верней, чем сто атомных бомб... какое сегодня число? Последний день... последний день... 28 октября или уже 29? Полночь уже настала?

«Проезд Соломенной сторожки» — название остановки трамвая №27.
Когда-то я проезжала ее два-три раза в неделю, правда не на трамвае, а на чем не помню, туда и обратно, по дороге в Полиграф (он расположен на задах Тимирязевки) и из него. Название кто-то использовал для романа. Сохранилась, в 50-е точно была, старейшая в Москве трамвайная станция. Тогда там был еще дачный поселок сотрудников Академии. Сама Сторожка построена в конце XIX века на краю имения Петровское-Разумовское для сторожа и сезонных рабочих. Вроде по проекту Бенуа. В ней родился и вырос Константин Мельников, архитектор.

Асланян с трудом встает, покачнувшись, прислоняется к колонне.
— Гурген Сарбазович! Что с вами? Вы больны?
Эта женщина — вахтер их общежития. Значит, ждала трамвая.
— Не подходите, пожалуйста... — бормочет он.
Дальше он не помнит. Подошел еще сотрудник института, вместе с женщиной поднял его, помог дойти до общежития и отвести в здание. Потом говорили, что он держался на ногах, говорил «спасибо, спасибо, не надо, я сам...». Соседи по коридору помогли раздеть и уложить, нашли аспирин, напоили чаем и вызвали врача. «Пневмония», сказал врач, вколол пенициллин и ушел.
Проснулся он неизвестно когда, в сумерки, слабый до невозможности шевельнутся, вспомнил, что был болен... что думал о чем-то ярком и прекрасном, но почему-то невыносимо тяжелом. И что, возможно, прямо сейчас за дощатой стенкой человечество, недоумевая, умирает от неведомой грозной болезни...
Сейчас эта мысль показалась ему нелепой. Как и навязчивый образ какого-то всадника с очень блестящей шашкой.
Потом он словно еще раз проснулся и вспомнил свои мысли о бацилле третичного периода, и его сразу бросило в жар. Или в холод. Всадник – это горячечный бред, но эволюцию простейших никто не отменял. Большевики пытались, но не смогли.
Менделизм-Морганизм отменили, а бактерий не смогли, не одолели...

Осторожный стук в дверь — он не отвечает — дверь открывается, включается свет, входит Владимир Юрковский с большим пакетом. Достает и выкладывает на тумбочку апельсины, бутылку, какие-то пакеты и ветку с поразительно красивыми цветами. Ботаник не смотрит на эту роскошь, он смотрит на лицо друга.
— Вы... Володя... вы здоровы?
— Спасибо, это я бы должен вас спросить, но вы точно еще не совсем здоровы, — бодро отвечает инженер. — Друзья прислали, чтобы вы поправлялись скорей. А это... — он приподнимает бутылку, — доктор прописал. Армянский!
— А... Дауге?
— Он завтра придет. Мы по очереди.
Неужели ничего не произошло, он не погубил никого? А что Галина Васильевна, вахтерша? Спросить?...
— Я помню женщину на остановке... кажется, она меня подобрала. Хотел поблагодарить...
— Только что с ней беседовал, очень за вас беспокоится. Обрадуется. Зайдет проведать, когда захотите.
— Сколько же я лежу?.. а ребята?
— Лежать изволите четвертые сутки, мальчишек я навестил. Они вам цветы присылают. И Зою... э...Викторовну повидал. Это от нее...
«Это от нее» — наверно, домашние пирожки.

Вдруг он что-то вспоминает. Что-то хотел спросить.
— Какое сегодня число?
— Число сегодня второе ноября, число обыкновенное, а вот вчера было число знаменательное. «Первого ноября Соединенные Штаты Америки взорвали первый в мире термоядерный заряд на атолле Эниветок»
— Что?!
— «Трехэтажный дом, наполненный жидким дейтерием», как пишут в газетах, «выполненный в виде специальной конструкции», с атомной бомбой на чердаке. Реакция ядерного синтеза тяжелых элементов из более легких. Два атома дейтерия = атому гелия + ЭНЕРГИЯ !!! в количестве невообразимом. Вы, Гурген Сарбазович, проснулись в другом мире. А могли и не проснуться: некоторые теоретики... видите ли, бомбу-то взорвали в стратосфере, все-таки подальше от людей и других животных, так вот пугали, что взрыв вызовет цепную реакцию водорода в стратосфере. Пока пронесло, слава... вы, Гурген Сарбазович, если не ошибаюсь, извините, человек старой формации, может вы еще крещеный, не надумаете ли заказать благодарственный молебен? В Москве Армянская церковь, говорят, есть...
— И целый Армянский переулок. Впору всем святым молиться, да не знаю, как.

Да, и о том, чтобы страшное его подозрение оказалось сонным кошмаром. Надо поговорить со своими, надо думать, как закрыть эксперимент, пока еще не поздно. Но как начать разговор? Некоторые темы любят открытое пространство. Обширное такое, до горизонта...
Кто станет следить за пожилым ботаником, лектором на факультативных курсах для будущих агрономов? (Если забыть, что он участвовал в двух, по меньшей мере, проектах, о которых приказано забыть). Они одни, но кто в детстве не пробовал приставлять к стенке стакан... Как-то же надо объяснить свое беспокойство.
— У меня, наверно, был сильный жар, — говорит ученый. Он приподнялся на локте, чтобы выпить из чашки — стакан достался Юрковскому — и снова откидывается на плоскую жесткую подушку.
— Мне снился тропический лес. Он был прекрасен. Я всегда мечтал пройти по следам Уоллеса и Бейтса. Но во сне это было мучительно. Я еле передвигался. И вдруг понял, что болен, что заразился какой-то неведомой болезнью. Даже во сне вспомнил про Уоллеса, как он заболел и еле выжил. Но меня мучила больше всего мысль, что я могу принести на родину неизвестную смертельную эпидемию...

— Главное в нашем деле — вовремя проснуться! — провозглашает гость. — Пожалуй, можно еще по глоточку? За Пробуждение! И апельсинчик...
— Спасибо, долечку...
— А тут буженина, нарезанная...
— Спасибо, спасибо... и представьте, тогда же, во сне, успел подумать: Уоллес подцепил в чужих краях страшную бациллу — а сам не мог занести туда что-нб свое, наше, европейское? Своим туземным носильщикам?
— Ну, это и наяву понятно. Все проходили: колонизаторы занесли в Америку оспу, а потом и покорять было некого.
— А потом палочку Коха... и не только людям: можно занести просто с одеждой моль какую-нибудь... плесневый гриб — и начнут они свирепствовать в новом климате. Не считая печально известных крыс в Новой Зеландии...

— Гурген Сарбазович, не мучайте вы себя. Поправляйтесь, главное, снов не смотрите. Я тут вам книжечки принес, почитайте. Мы на западную фантастику подписаны, хе-хе... глядишь, и проболтаются о чем полезном, а мы у них того... только не напрягайтесь.
— Спасибо, за все спасибо, Юрик. Привет Иоганну, и не трудитесь меня навещать — вам работать надо. Вот поправлюсь, будем гулять. Скоро снег выпадет...
— И выпадал, и таял уже.
— И очень прошу... попросите Зою не приезжать сюда. Я не хочу. Вы ведь с ней говорите по телефону? Скажите, что я скоро буду совсем здоров и приду на биостанцию.

(Нарочно не придумаешь! Если бы он сначала сам прочел...
О знал бы он, что так бывает,
.....
Что строки с кровью убивают...)
Никаких анахронизмов! «Научно-фантастический рассказ Рэя Брэдбери впервые опубликован 28 июня 1952 года в журнале Collier’s».
Другая книжка, изданная в 52 году. Немного позже у нас на Новом Арбате в Книжном Мире завели киоск с книгами на иностранных языках, и все кинулись на англоязычные детективы и фантастику. Мы вот тоже соблазнились на обложку...

«Альфред Элтон Ван Вогт для американской фантастики личность знаковая — шутка ли, один из столпов «Золотого века фантастики»! А вот в России его фигура как-то теряется за могучими спинами Хайнлайна, Саймака, Азимова. И это притом, что у семьи Ван Вогта русские корни...» Совершенно верно, не Хайнлайн.
Книжки были дороговаты, 5-6 руб, но их можно было сразу же продать в бук. Мы и продали. А тут на днях приходим в библиотеку, а она там валяется... Может та самая?

THE TIMED CLOCK

"Marriage," Terry Maynard will say when he's feeling expansive, "is a sacred institution. I ought to know. I've been married twice, once back in 1905, and again in 1967. That kind of time interval gives a man perspective for a fair judgment."

And having said that, he looks blandly over at his wife Joan. She sighed on this particular evening, lit a cigarette, leaned back, and murmured, "Terry, you mad daredevil, you. Again?"

She sipped at her cocktail, looked with guileless blue eyes at the visitors, and said, "Terry is going to tell you the story of our romance. If you've heard it before, you'll find sandwiches and things in the dining room."

Two men and a woman got up and walked out. Terry called after them: "People laughed at the atomic bomb—till it dropped on them. One of these days, somebody is going to find I'm not just romancing. That what I say happened did happen and that it could happen to them. When I think of the deadly potentialities, the atomic bomb will look like a sputtering candle."

One of the men in the group that had remained said in a puzzled tone, "I don't get that. What can your being married in 1905 as well as now have to do with the A-bomb —entirely aside from the annoyance your charming wife may feel at not being able to sink those long fingernails of hers into the fair skin of her ancient rival?"

Первый рассказ в книге называется «Часы Времени». «Люди смеялись над атомной бомбой, пока она не свалилась им на головы. И кто-нибудь однажды поймет, что я вовсе не фантазирую и то, что произошло со мной, может случиться с каждым из них. Страшно даже подумать, но здесь открываются такие возможности, что взрыв атомной бомбы по сравнению с ними просто колеблющийся огонек свечи».

С героем произошла петля времени (он сам ее создал), страшно невразумительная, как они все. Для оригинальности, герой не убил своего дедушку, а сам стал себе дедушкой.
«Попробуйте представить себе силы, — уже серьезно сказал Мэйнард, – которые действуют в процессе путешествия во времени. Я не ученый, но могу отчетливо представить себе картину нашего материального мира, который движется сквозь время, подчиняясь незыблемому закону энергии. По сравнению с этой силой взрыв атомной бомбы не более чем слабый колеблющийся огонек свечи в бесконечной тьме. Предположим, что в определенный момент развития пространства – времени не рождается ребенок, который должен был появиться на свет. Так как ребенок, о котором мы говорим, должен был стать моим отцом, то возникает вопрос: если он не родился, продолжали бы мы с ним существовать или нет? А если нет, то скажется ли наше неожиданное исчезновение на развитии Вселенной?»

«Незыблемый закон энергии» — это видимо «Закон Сохранения Энергии», последнее достояние классической физики, не затронутое и не отмененное релятивизмом и разными прочими кварками; его по-прежнему проходят в школе, он обязателен не только для ботаников.

Даже для филологов. Такое экстравагантное развлечение, как путешествие в прошлое, должно бы сопровождаться огромными энергетическими конвульсиями, несравнимо превосходящими жалкую атомную бомбу 50-х, и даже термоядерную бомбу, о которой говорилось выше. Так что путешествие во времени невозможно.

Посетитель не принес больному книгу, в которой герои перемещаются между многими вероятностными мирами, иногда просто в рассеянности. Скажем, человек должен бы попасть под машину, но притормозил, чтобы достать носовой платок и высморкаться – и в этот квант времени Вселенная, хоп-ля, раз-два-яйца, серый автомобиль проносится мимо, а рядом, с прослойкой всего-то в квант пространства, вопли, стоны, мат, полиция... затем эти Вселенные расходятся все дальше, и когда-то правнук этого человека... ну и т. д.

Да, но прошлое тут ни при чем.
Зато интересно, что Вселенная раз-два-яетца каждый раз, когда Бог, по слова Эйнштейна, бросает монетку, чтобы посмотреть, куда полетит электрон, вправо или влево?.. Электронов во вселенной немерено, но и монеток Богу не занимать, а времени — времени просто не существует, это фикция нашего разума, потому что мы можем думать только последовательно. Пошагово. Поэтому древние измеряли пространство в единицах времени: дневной переход, путь в тысячу ли начинается с одного шага, от нас на трамвае час пути...
А время наоборот. В каких-то случайных отрезках кривых: большая единица — завершенный путь некой планеты вокруг малозначительной звезды, величина непостоянная, трудно измеряемая, причем в шестидесятеричной системе. Главная космическая единица, световой год, расстояние, которое пройдет фотон, пока планетка наша, кряхтя, доплетется в условную исходную точку неправильного эллипса (неправдычка, витка спирали, солнце-то тоже движется).

Если вы думаете, что у профессора повышается температура, то неправильно думаете. Профессор поправляется, и он пригласил зайти к себе на минутку добрую вахтершу и соседа, чтобы угостить их принесенным коньяком и закусками. Вахтерша выпила, скушала кусочек буженинки, не отказалась взять пару апельсинов для внуков, и ушла работать дальше. Сосед оказался молодым преподавателем математики, подписчиком журналов «Наука и жизнь» и «Знание – сила». И поклонником Беляева.
А еще они говорят о том, что происходит в стране. Осмелели! Вслух шепчут о еврейских погромах, которые кажутся неизбежными...
Боятся новых дел о «врагах народа», репрессий.

Бояться надо. А болтать – нет.

Хорошо, про параллельные вселенные сосед-математик больного ботаника не просветил. Гурген Сарбазович, несмотря на температуру и коньяк, сразу понял бы, что родился и живет в альтернативной Вселенной, в которой два астронавта-неудачника в далеком прошлом нечаянно предотвратили высадку на планету высоко технологичной и еще более высокоморальной цивилизации. Та законсервировала бы эоценовую биосферу (как наиболее близкую к Эдему), приручила бы хищных копытных, урезонила кровососов *(по азбуке читая комариной, комар исполнился бы высокою доктриной – Заболоцкий),* и Земля стала бы ботсадом/санаторием галактики Млечный путь... Потому что нигде во Вселенной живая жизнь не проявила такой, можно сказать, разнузданной изобретательности в экспериментах. Особенно по части флоры. И разумеется, появление агрессивных, безобразных, вонючих, сексуально озабоченных гоминид предотвратили бы в самом начале. Пусть резвятся изящные лемуры.

В третичном периоде они еще не были такие изящные. Больше походили на крыс.

Значит, договорились: путешествия в прошлое невозможны.
Карик и Валька сидят на стволе рухнувшего дерева. Огромное было дерево, корни его когда-то подмыл ручей, он и сейчас пробегает под ним, как под мостом, впадая в другой ручей – а тот уже бежит к водопаду с вечным своим бормотанием: рано ли, поздно ли, поздно ли, рано ли...
По ту сторону ручья высится озаренный луной непроходимый лес. Он и сам весь светится: каждое дерево, каждый куст усеяны светляками, яркими, как звезды. Светятся грибы, гнилушки, болотные огоньки, иногда мелькнет пара горящих точек – крошечный лемур...
— Карик, — спрашивает Валентин, - ты хотел бы жить в семье?
— Только с тобой, — торопливо отвечает младший.

Они обсуждали последнее очень важное событие. Они возились на морском берегу — это было дня три назад — собирали живность на еду, кидали камни на меткость, упражнялись в метании бамбуковых палок, боролись, купались, ели и спали. Поджидали своего наставника. Он что-то запаздывал. Когда, все в том же месте, так же внезапно, возник аппарат с человеком внутри, они бросились к нему, вопя от радости. Но тут же остановились, старший схватил младшего за руку, чтобы тут же дать деру, потому что на песок неуверенно сошел, оглядываясь, незнакомый молодой брюнет. Он их увидел, замахал рукой и закричал: — Стойте! Я от профессора! От Гургена Сарбазовича! От Асланяна!
Пришелец явно собирался именно в тропики. На нем были майка, трусы и спортивные туфли. Он был строен и хорош собой. Как только они сошлись, он сразу спросил:
— Вы сами как его называете? Как к нему обращаетесь?
— По имени-отчеству, — ответил старший, — а между собой — «учитель».
— А мы вот с Ежом, с Иоганном то есть, как начитались восточной мистики, называем его «Гуру». Это тоже учитель, по индийски, и очень почетно. Гуру – это еще руководитель всей жизни вообще.

Глаза у гостя были черные, очень умные и любопытные. Такие же, как у Карена.
— Меня зовут Владимир, — представился он, пожимая руку тому и другому. — Мы с Иоганном когда-то построили этот... предмет. Там еще другие люди были, конечно. Все это страшная государственная военная тайна, так что я не знаю, что вам успел рассказать Гуру. Да, а меня зовите Володя.
— Это вы нечаянно попали сюда и потом два года не могли вернуться?
— А, ну вот видите, значит он вам все рассказал. Я тоже кое-что расскажу. Главное, ваш учитель жив-здоров, то есть он только заболел, просудился. Еще бы, из такой-то бани в московскую осень... мы с Иоганном и решили, что надо вас предупредить.
Пришелец обвел глазами морской горизонт и заросшие кустарником скалы.
— Как мы с ним тогда тут не подохли, до сих пор не пойму...

Фантастически интересные походы и разговоры происходили у них с Юрковским! Они забирались в дебри, куда профессор остерегался их заводить (сами-то они порой забирались). Они тоже ему кое-что показали, место в мангровой чаще, где крокодил схватился с кабаном. Здесь двое их предшественников побывали, пока еще боялись далеко уходить от аппарата. Здесь первый раз рискнули съесть инопланетную рыбу — они-то ведь были уверены, что находятся где-то в мегапарсеках от родины. Потом они осмелели, ушли в горы, заблудились и два года возвращались. (И встретили братьев по разуму — про это он мальчишкам не рассказал). Жизнь их, выживание, происходило так: они находили нечто, похожее на еду, то же хлебное дерево, и пробовали по очереди. После чего один страдал от, э-э... а другой от нестерпимого голода. Когда первый приходил в себя, они зачисляли плод (или тварь) в разряд съедобных, дальше уже именно их искали. Если бы у них были спички! Если бы рыбу или птицу можно было испечь, изжарить!
— Страшнее всего было ночью, — говорит физик. — А ночи почти половина суток. Мы почти все время так в лесу и блуждали, часто и дня не видели. Днем все эти стоны, вопли!

Рыки... ну хоть как сейчас — то ли лягушка ревет, то ли голодный тигр. А трещит какой-то насекомый, то ли над ухом, то ли за сто метров. И кто тебя пытается съесть, не видно...

Тело нового друга, как выяснилось на пляже, носит бесформенные следы встреч не с теплокровными саблезубыми, а с колючими лианами и ядовитыми членистоногими. Много позже они с Дауге набрели на дерево с необычайно душистой смолой, догадались ею натереться, а дальше ходили, как два индийских принца, и всякая нечисть уступала им дорогу... Такое дерево профессор показал детям в первый же их поход. Он отыскал его неподалеку от лагеря по аромату — это и был сандал...
— Что мы не решались, так это пробовать грибы. Во-первых, мы думали, что это инопланетные грибы, а во-вторых, мы бы на своей земле тоже незнакомых грибов есть не стали. Да еще тропических. Да еще без огня! У нас, в средней полосе, летом от голода не умрешь. Даже говорят мухоморы, если отварить, съедобные; а сыроежки и лисички даже сырые, говорят — не знаю, не пробовал...

Ребята до сих пор на растущие во множестве грибы не обращали внимания. Их детство проходило в местах, где грибы не рассматривались как пища. Казахи даже в лесных местах не ели грибов даже во время голодомора; как впрочем и рыбу, где она была. Профессор тоже не стал рисковать, хотя многие грибы были похожи на современные, со шляпками, иногда огромными. Как антабусный гриб, который любят в Эстонии, а у нас не признают.
Но... как-то это встреча разрушила тайну и очарование мира, принадлежавшего им и учителю. Прекрасный гость сказал на прощанье несколько слов о возможности возвращения. Но возможность стала казаться необходимостью...

Есть о чем поговорить. Много рассказал детям гость из иного мира. Да, иного: *этот* мир пока еще принадлежит им и наставнику. А в том, оказывается, тоже жизнь. Очень интересная... Владимир болтал, шутил, читал стихи — и рассказывал о себе. Как он воевал, как был ранен, как входил в Восточную Пруссию, как попал в тюрьму, как умирал от истощения в колонии, как вдруг стали по лагерям собирать инженеров, физиков, математиков... слово «шарашка» они слышали впервые. Заодно рассказывал о Дауге. Познакомились они в шарашке, но все друг другу рассказали, и биографии у них были параллельные.
— Вы воевали, у вас орден, и вас арестовали?
— Да, а что? Нашего гения, великого Королева, арестовали еще до войны. Пытали, приговорили к расстрелу, но хорошо спохватились, отправили на каторгу, а уж оттуда его вызволили. Для него и шарагу специальную собрали. А то нам и отвечать было бы нечем.
— Кому?
— Штатникам! Вот, ребята, были на свете два гения по ракетной части — у нас Сергей Королёв, у фашистов Вернер Браун. Вернера Брауна фрицы на руках носили, молились на него, заводы для него строили, рабочих пленных свозили со всей Европы: только сделай непобедимое неотразимое оружие, чтобы все сразу сдались. Он и сделал, ракету Фау-2, но только сдались не все. А у нас Королев на Колыме золотишко моет...
— А потом?
— Потом наши с американцами наперегонки ловили Вернера Брауна! Не для того, чтобы судить и повесить, а чтобы заставить дальше работать.
— И заставили?
— Американцы его первые нашли. И заставлять наверно не пришлось, предложили лабораторию, ассистентов, деньги, дом.
— И он согласился?
— Надо думать... живет и работает, что-нибудь новое изобретает. Нам на радость.
— А вы бы согласились работать на врага?
— На американцев, если бы к ним тогда попал, согласился бы. Мы же были союзники. А на немцев — точно нет.

— Даже если бы пытали?
— Под пыткой много не наработаешь...
— А как же? А как же Королев?
Юрковский задумался.
— Тут дело другое... Мог он обидеться на свою страну? Пошли вы все, изобретайте сами, я лучше умру. Вполне мог. Но, понимаете, очень уж страшно — голод и холод. А потом, работа... работа, это, парни, такое, что ничего не надо. Многое в жизни стерпишь, когда можно работать и учиться. Для того мы и на свет появляемся... А у вас тут здорово! Если бы я такое в детстве хоть во сне увидел, я бы не в инженеры, я б в ботаники пошел, пусть меня научат. И мечтал бы по всей земле насадить такой сад...

Мальчики стараются не уходить далеко, они не знают, когда учитель сможет их навестить; на всякий случай оставляют ему записки и в палатке, и в сундучке на берегу. «Мы пошли за орехами», или «Пойдем на болотное озеро». Туда они особенно любят ходить. Кажется, местная тварь их узнает и не прячется. Старый знакомый клюворыл считает их, наверно, тоже безобидными птицами. Он встречался особенно часто, и они даже спорили — один он тут или несколько. Потом увидели двух вместе, даже различия какие-то нашли, о них тоже спорили. Решили, что это жених и невеста, или муж и жена. Потом как-то увидели одного с цепочкой серых лохматых долговязых птенцов! Но компания поспешила спрятаться.

Вот и сейчас взрослый прогуливается, заходит в воду, что-то там себе промышляет.
Старший, Валентин, все время думает, если только не объясняет младшему, что означают рассказы Юрковского. Означают они, примерно, что страдали — все. И многим было много хуже, чем в детском доме (и многим детям тоже). И только их волшебник выхватил из беды и спрятал... спрятал в мире, которого вообще-то нет.

Работать и учиться. Там, у казахов, в той семье, все работали. Дети тоже. Они ходили ломать сухие камыши на топливо — зимой, часто в метель. Это было нужно, чтобы в юрте был огонь. Огонь... тепло, еда... кизяк собирали тоже. Носили подойники. Один раз отец дал ему отнести раненого ягненка — только вспомнил, захлестнуло нежностью... Мать работала все время, это было хорошо и правильно.
А учиться он так по-настоящему и не начал. Чему научишься в толпе разных ребят отовсюду, кто язык еле знает, кто знать ничего не хочет, кто это уже давно учил, кто дважды два никак не усвоит. Когда-то Вальку очень выделял учитель математики, но потом их куда-то увезли...
Вот бы такую школу, где учат только математику и ботанику.

А у них там сейчас зима.
Холод, сырость, сквозняки. Огромная комната, куча парней. Свое грязное, липкое тело внутри заношенного белья, полуботинки не по размеру, дырявые носки. Узкая койка с продавленной сеткой, плоский матрас, пропитанный чужим потом. Запах несвежей еды и уборной. И непрерывно — разговоры, вскрики, ссоры, гогот, похабщина... Бежать скорей на берег, на песок, в море. Но Карик чем-то увлекся.

— Смотри...
В крошечной, с тарелку, заводи между стеблями травы сражаются чудовища: водяной жук и личинка стрекозы.
— Валь, — спрашивает он на обратном пути, — ракеты очень нужны? Чтобы убивать немцев? Как «Катюша»?
— Да, чтобы убивать. Но помнишь, учитель говорил, сначала их придумали, нафантазировали, чтобы летать на другие планеты. И даже на Земле летать быстрей, чем на самолете, от нас в Африку, в Америку. Только тогда нужна очень большая ракета, а заряд может донести и маленькая.
— От нас в Америку?
— Или к нам из Америки.
— А у них есть такие ракеты?
— Есть. Володя же говорил, что они этого Брауна к себе похитили.
— А у нас есть?
— Конечно есть. У нас был Циолковский, он еще раньше их придумал. А теперь Королев взял и сделал. У него Володя Юрковский работает, и его друг, они сделают ракету лучше, чем у Американцев.
— А можно атомную бомбу прицепить на ракету?
— Можно, и они могут, и мы можем. И у них есть атомная бомба, и у нас есть. Ракета — она может быть и для войны, и для пользы. А бомба только чтобы убивать.
— А ты хотел бы тоже делать ракеты?
— Наверно, хотел бы. Для этого очень много знать надо, учиться много. Вот бы, пока мы будем учиться, русские помирились с американцами, и делали бы ракеты, чтобы летать на Марс! Помнишь, учитель рассказывал, как он летал на Марс?..

— Пойдем, может учитель уже пришел?

….....

— Как это понимать?
— Понимать можно как пожелаешь, но если вдруг даже ни с того ни с сего поймешь правильно, как ты сам поймешь, что понял правильно?
— С чего начать, с какого конца начать думать, и то непонятно.
— Концов не так много, можно по пальцам сосчитать: три пространственных измерения, допустим шесть, если в обратную сторону, и время. Всего семь.
— А не... ну да, у времени обратного хода нет.
— Первый шаг человека есть шаг к смерти.
— А до этого он полз.

Юрковский и Дауге собираются на работу. Зарядку делали, койки заправляли еще при лампочке. Одеться, выпить кофе в столовой — и за работу, продолжать прерванное головоломное вдохновенное занятие. Сейчас у них психологическое упражнение: знающие люди советуют, доработавшись накануне до помутнения в мозгу, нужно сделать волевое усилие и отвлечься на совершенно иную задачу, постороннюю. И утро начать с нее, а отдохнувшее дело жизни тем временем проснется, потянется — и выдаст оригинальное решение. Отвлекающий ребус — как раз и есть вопрос: как это может быть?

Юрковский, только что собственной кожей убежденный в реальности невозможного, впал в фатализм. Дауге потрясен заново, хотя и на нем целы струпья эоценовой крапивы. Потому и начал, и продолжает бессмысленный разговор.

— Представь себе, — дразнит его Юрковский, — что никакого перемещения во времени не было. Наш аппарат рассчитал точку в пространстве, где находилась Земля 50 млн лет назад, и скакнул в эту точку. И попал. А потом перенесся в точку, куда Земля долетела за те два года, что мы с тобой... наслаждались видом родной планеты. Как лошадь в свое стойло.
— Но пока он летит, планета переместится по орбите...
— Никакого «пока»! Ты же видел, он перемещается мгновенно! А трехмерное пространство в четырехмерном мире ведет себя как двумерное, как плоскость, его можно сложить в гармошку, или в четверо, как блин, или свернуть в трубку и проткнуть...
— Вилкой, Риман-самоучка...

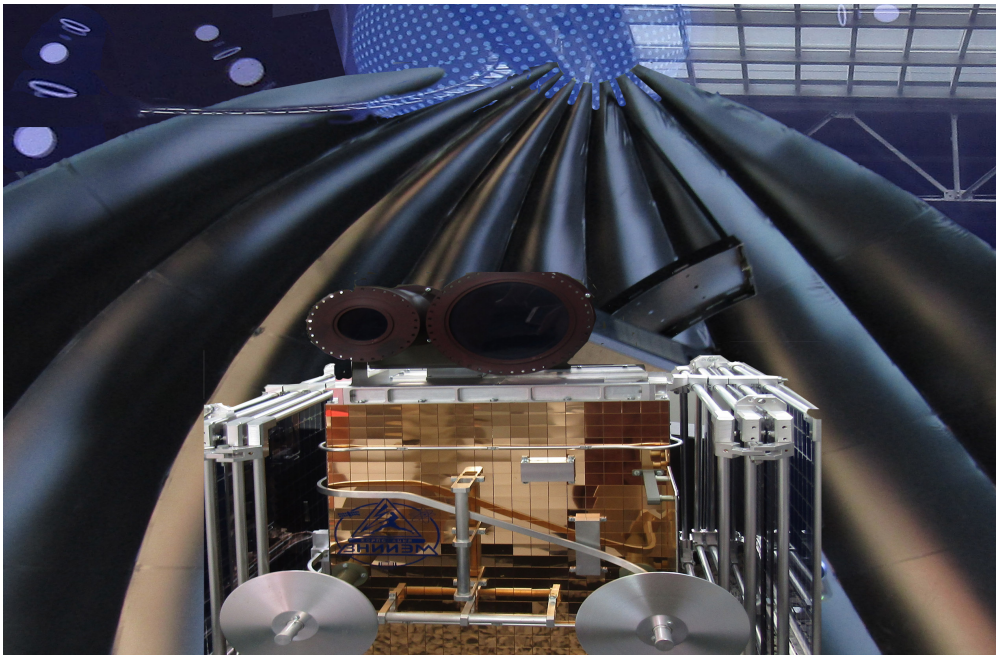
В столовой за обедом обычно сосредоточенно молчат, или говорят о работе. На этот раз Юрковский вдруг заявляет:
— Перемещение в направлении стрелы времени не требует энергии, потому что...
— Извини, а это что? — Дауге указывает вилкой на его тарелку. — Каждый твой шаг к смерти требует подкрепления!
Вечерняя прогулка, пробежка, душ, вечерний ритуал переключения. Обычно для этого служит западная фантастика, но сегодня есть дело поинтереснее.
— Вселенная...
— Ан Вселенная — место глухое...
— Ан врешь, звезда с звездою говорит. И кончай цитировать. Вселенная расширяется, это мы можем принять?
— Или краснеет за Эйнштейна с Фридманом.
— Но расширяется только пустое пространство, а материя, галактики, не растягиваются. В смысле ведут себя не как рожицы на воздушном шарике, а как пылинка на мыльном пузыре.
— А если бы расширялось пространство вообще, отдалялась бы Земля от Солнца, Москва от Ленинграда, потолок от пола...
— Атом от атома в молекулах организма, электронная орбита от ядра, и не только в нашем хрусталике, но и в линейке и других измерительных приборах, и мы бы этого не заметили.
— Или не замечаем.

— А вообще как насчет детского вопроса: Было ли начало и будет ли конец мира?
— Обыденное сознание подсказывает, что да. Но марксисты говорят, что тогда Бог есть.
— Да Бог с ним, пусть будет. Главное тут что: третье начало термодинамики.
— Это что, цикл Карно? Нельзя наливать в пустое и выливать из порожнего?
— Нет-нет, это первый закон. Законов термодинамики три, а четвертому не быть.
— Дирак ввел бы вместо четвертого закона минус третий, потом минус второй и минус первый.
— Это была бы термодинамика параллельной Вселенной, в которой относительно нашей время движется от конца к началу.
— Конец — тепловая смерть, вещество превращается в однородную тепло-холодный кисель с максимальной Энтропией...
— Значит, в параллельной Вселенной Энтропия отрицательная, в киселе возникают завихрения, раскаляются, превращаются в Галактики, планетные системы...
— Люди и животные возникают из праха и тлена беззубыми старикашками и стремительно молодеют, впадают в детство...
— Обе Вселенные в каких-то точках соприкасаются, и в одной точке возникает разрыв...
— Трудами великого ученого и двух физиков-непрофессионалов.
— Ага. У нас в лаборатории одна сковородка принадлежит нашей Вселенной, а другая ихней. Интересно которая...

— Верхняя, на которой точки. Но тогда мы должны были попасть в симметричный момент тамошней Земли, тамошнего Советского союза, тамошней лаборатории с теми же людьми и начать стремительно все забывать. Дожидаться шарашки, войны...
— Нет, там были бы другие МЫ... Или синхронизация неполная, 50 млн лет в пределах ошибки, и мы все равно должны были там молодеть. Не помнишь симптомов?
— Когда выбрались, еле вспомнил родной язык.
— Вот-вот. Дальше неинтересно.
— А интересно, Река Времен, из которой нельзя вылезти, раз уж залез, она непрерывная или дискретная? То есть, время и пространство квантованы — скажем, как горох, или сплошные, как липкое тесто? Понимаешь, с четвертой координатой условно шаровидная Вселенная вытягивается в толстую колбасу, и две альтернативные вселенные лежат, как две колбасы на полке. А если Вселенная сплошь дискретная, она во времени похожа на... на длинный моток ниток, понимаешь? И две Вселенных могут пересекаться, проходить одна в другую, как пальцы двух рук, не взаимодействуя. Как гребенка в волосы... И течь в противоположные стороны.
— От гребенки в волосах образуется электричество, вот тебе и энергия! А еще, насколько я помню из литературы, шерсть наматывают на растопыренные руки инвалида, и моток получается замкнутый! И два непрерывных мотка взаимно пересекаются в гиперпространстве, и где-то в такой путанице еще и искрит, и как не возникнуть где-то пробою?
— И сколько времени пробой не затянется?

— Черт... У Ван Вогта часы были поставлены на таймер. Может, мы чего-то у Лорда не дочитали?
— Может, Лорд сам чего-то не досчитал?

Инженеры встают с коек, на которых успели расположиться, и смотрят друг на друга в ужасе.
— Да ладно, мы сами эту бредятину нафантазировали, — говорит Юрковский.
— Можно было сочинять совсем другую бредятину, но мы так и так пришли бы к тому же: это не игрушки, нельзя играть с непонятным, и нам страшно.
— Птичка ходит весело́ по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий... Я теперь не засну.
— Заснешь, попробуй подумать о чем-нибудь простеньком. Про интеграл, с которым не справился перед звонком.



Написанное через 25-30 лет
Косное вещество -
Глубокое энергетическое недоразумение
Короткие замыкания
Маленькое черное сито
В которое стекают
Сустки пространства
И мгновенно сгорают
Образуя черные дырки
В промежутках
Между ритмическими вспышками
На этом самом месте
Там глубокий вакуум
Вещества
Там правда ничего нет
Туда утекает Вселенная
И так постепенно
Она выворачивается наизнанку *К.У.*

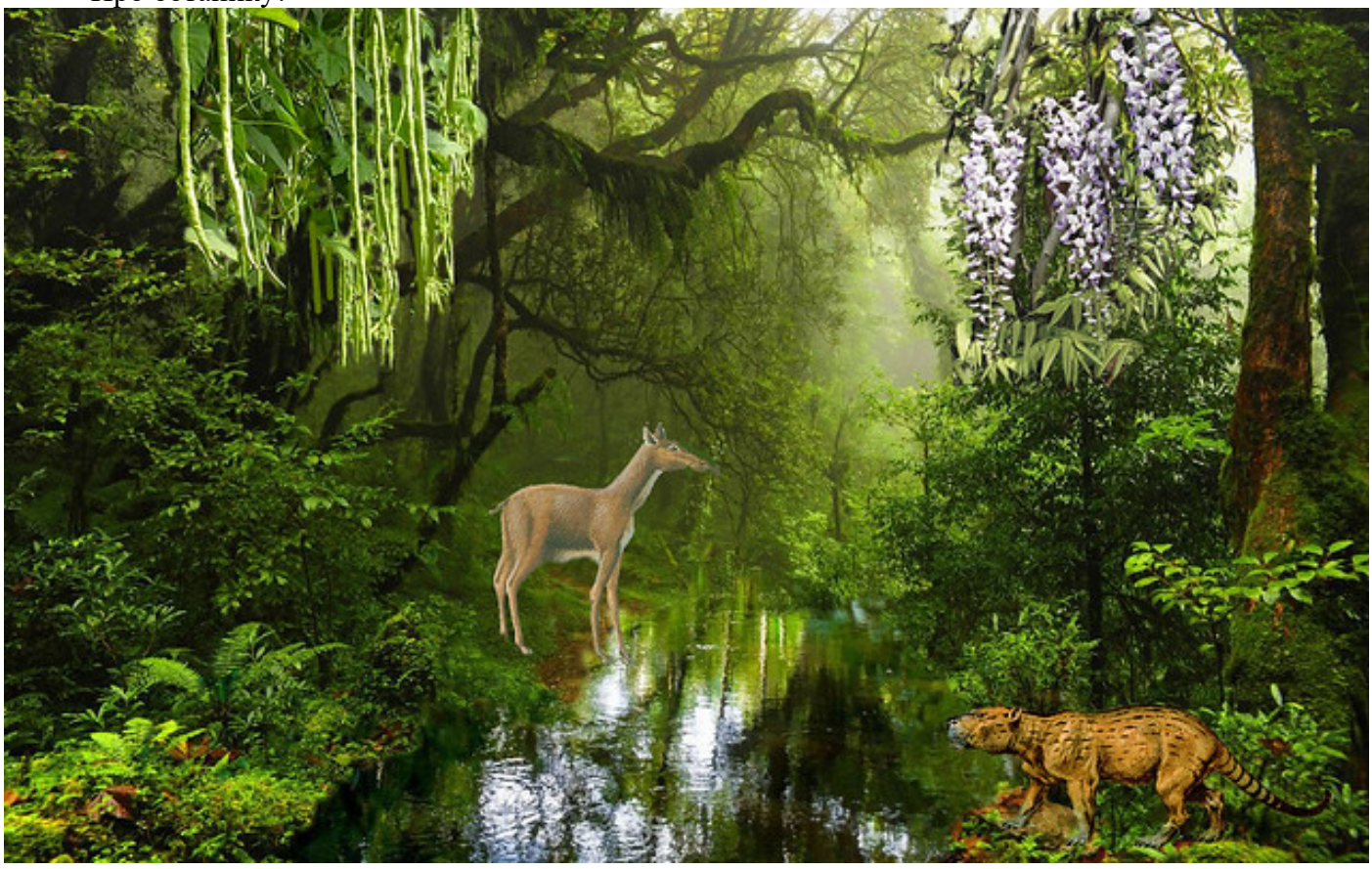
Интеграл отлично взялся сразу после завтрака, а у подъезда остановился новый блестящий автобус, из него вышел нарядный, сияющий Королев и пригласил мозговой центр в Жуковский, на испытания новой модели «Летающей крепости», реактивного самолета, грозной ревущей машины. Рабочий день отменили, перенесли на выходной.

Испытания завершились воздушным парадом, чудесами воздушной акробатики. В небе порхали легкомоторные самолеты и планеры. Королёв, сам когда-то планерист-виртуоз, глотал слюнки. Рискнуть ему бы не позволили, да и сам бы он не рискнул без тренировки, но уже мечтает потренироваться, если бы вдруг время откуда-то взялось.

….....

— Учитель! Учитель!
— Гурген Сарбазович!
Мальчишки чуть не кубарем скатываются по тропе.
— Здорово, ребята!
— Здравствуйте! Вы поправились?
— Здесь у вас обязательно поправлюсь. У нас полных три дня, и можно еще прихватить. Решайте, куда пойдем — придумали направления для исследования? Или сами забирались в опасные места — признавайтесь?
— Все равно, куда скажете!
— Сначала домой? За снаряжением? У нас утро или вечер? Да... примерно полдень. Чем подкрепиться — гостинцы у меня с собой. Значит, наверх?
Втроем они поднимаются по тропе. В палатке не задерживаются; наливают фляги из родника, и — вперед и выше. Показали наставнику замечательную вещь, подарок Юрковского: пилу-ножовку из победита. Можно спилить рощу бамбука и построить настоящую хижину. Только зачем?

На краю обрыва постояли, посмотрели на горизонт... — Будет буря — мы поспорим, и помужествуем с ней, — пропел ученый. Эту песню ребята никогда не слышали; на досуге он их научит. Пока они восхищаются своим недавним гостем. Ботаник кивает. Он может многое рассказать о замечательных ребятах Иоганне и Владимире, о том, как здорово было работать вместе. И кто знает, может быть поработаем еще. Возможно, работы в лаборатории возобновятся, комиссия из ракетного центра уже побывала в заброшенных складах — помните, парни? — поэтому физику удалось потихоньку смотаться в эоцен. Так что ждите! Будем гостить — вы у нас, мы у вас!
Ребята молчат. Новость надо пережить...
— А у вас зима?
— У нас начало декабря. Холодно и довольно скучно. Вот когда вернешься домой с работы, лампу включишь, нальешь горячего чаю, сядешь к столу, откроешь книгу...
— Про ботанику?



— Это ты точно угадал. Иногда устанешь, намерзнешься в трамвае — эх, уткнуться бы в «Три мушкетера»... Ну нет, завтра лекция!
— Три мушкетера — это кто?
— Эх, мальчики вы мои... сколько у вас еще впереди!
— А мы зато кого видели!..
И ребята, перебивая друг друга, рассказывают о странных животных, птицах, ящерицах, бабочках, жуках... Ботаник воображает диорамы в будущем Музее Эволюции, который непременно, непременно когда-нибудь откроют в Москве. Зоомузей давно маловат, экспонаты облезли, полиняли...
— Вот что меня беспокоит, друзья мои, — говорит наконец профессор, — и давно уже беспокоит. Если со мной что-нибудь случится ТАМ, вас не оставят. А если вдруг — все ведь бывает, правда? У меня вдруг инфаркт. Все, и вы, и замечательный аппарат навсегда исчезают в глубочайшей древности. НАВСЕГДА...
— И я решил: вы должны научиться управлять аппаратом. Сначала ты, Валентин...
Мальчики как-то судорожно прижимаются один к другому, в глазах у Карена страх.
— Да, это не то что дать порулить в машине. Никто не знает, как она действует и почему.
— Мы видели, вы поднимаете руку к этой крышке...
— Да. На внутренней поверхности «этой крышки», верхней части аппарата, расположены, э-э, как назвать... чувствительные узлы. Небольшие пятнышки. Можно бы назвать их кнопки, но это совсем не кнопки. Это... как бы нервные окончания. Внутри очень сложная система связей, не отдельными проводками, как в радиоприемнике, а словно цепочки из отрезков проводков, которые размыкаются и смыкаются в другие цепочки. Я прикасаюсь пальцами к пяти точкам одновременно и замыкаю несколько цепей. Какие, сколько — представления не имею. И машина совершает единственное действие, которое мы сумели вызвать — наверняка она может еще многое, но мы знаем только это. Она переносит нас сюда — и обратно. Только и всего. Дай-ка лапу: мне кажется, у тебя подходит по размеру...

Ученый прикладывает правую ладонь старшего к своей левой. Хорошая лапа у парня: гладкая, но жесткая, рабочая. Пальцы длинные... Валька неосознанно пытается отнять руку.
— Не сейчас. Я тебе только покажу точки. Вы не пробовали залезть внутрь?
Мальчишки яростно мотают головами.
— Не удивительно, что страшно. Я сам иногда подумаю, с какими силами, с какими сверхприродными законами мы связались — потом удивляюсь, что не умер на месте от страха... Ведь этого не может быть. Но вот смотрите...
Асланян выпускает руку мальчика, обнимает его за плечи и принуждает поставить ногу на висящую низко над песком тарелку. Вот они уже оба стоят внутри. Младший, испуганный, вскакивает туда же и вцепляется в брата.
— Мы не будем этого делать сейчас, — профессор успокаивает детей. — Сейчас пойдем на экскурсию, когда вернемся, подумаем. Самое главное, сразу же вернемся.
— Лучше прямо сейчас проверим, — хрипло говорит Валентин.
В самом деле, что за прогулка, если впереди неизвестно что. Или — ничто. Нырять в водопад, так сразу.
— Хорошо. Мы вместе. Если окажемся на Луне, то все трое...
Шутка профессору не удалась.
— Вот так. Нужно коснуться пяти точек одновременно. Они очень удобно расположены. Смотри: эта для указательного пальца...
Валентин довольно высокий подросток, но Асланян высокий мужчина, он достает потолка, не вытягивая руку, а мальчику нужно даже привстать на цыпочки. Задержав дыхание, он приспосабливает растопыренные пальцы к малозаметным точкам на вогнутой, черной, как будто слегка зернистой поверхности. Карик сзади уткнул лицо в спину старшему брату, между лопаток, сильно стискивает ему ребра и тоже не дышит. Учитель поддерживает правую руку, напряженно глядя вверх. Ладонь немножко, кажется, дрожит...

Кажется, каждый палец нашел свое место, и между подушечками и точками наверху возникает странное чувство, притяжение какое-то...
— Вперед, — говорит профессор.
Коснулся он нужных точек, или нажал, или?...
Здесь я позволю себе заимствование из романа ГПиМРМ. Очень хочется. Там Квиррелл демонстрирует что-то такое... Только не помню, как это расшифровывается!

«... Звуки минули сознание и канули в небытие...
лишь под ногами остался маленький островок, а вокруг теперь простирался в бесконечность океан пронзительно ярких, немигающих звёзд. Не было Земли, Луны и Солнца. Млечный Путь водоворотом звёздного света окутал их и, когда зрение Гарри привыкло к темноте, разгорелся ещё ярче.
— Мы... в космосе?..
Звёзды перестали быть малюсенькими алмазами на громадном бархатном небосводе, какими они виделись с Земли. Здесь над головой не было неба, только точки ясного, совершенного света в совершенной темноте, бесконечное и пустое ничто с бесчисленными крошечными дырочками, из которых сиял блеск чуждых невообразимых вселенных.
В космосе звёзды выглядели ужасно, ужасно, ужасно далёкими... было легко забыть и про опору под ногами, и про собственное тело — стать лишь осознающей себя точкой в пространстве, которая то ли зависла на месте, то ли несётся сквозь космос. Когда расстояния не поддаются счёту, понять невозможно.
Мгновения растянулись в вечность.
Наконец звёзды исчезли».

— Вот здесь он...
Там, где они оказались, был немыслимый холод – не межзвездный, просто холод пустого склада в декабрьской Москве. В двух шагах от них стояли двое. Один был Володя Юрковский — он замер с открытым ртом, указывая на них пальцем - другой постарше, коренастый, с широким открытым лицом, высоким лбом и яркими добрыми глазами.

— Добрый день, Гурген Сарбазович, — говорит он. — А это новые сотрудники? Старший, я полагаю, Валентин – а это Карен?
И протягивает руку.
— А я Сергей Павлович Королев.
Пока ошеломленные ребята здороваются, Юрковский, схватив брошенное на какой-то ящик пальто Асланяна, окутывает им обоих сразу.
— Сергей Павлович, — взволнованно произносит ботаник, — как я раньше не понял, что эта штука может перенести нас на Луну, на другие планеты...
— Это замечательно! Обсудим это через неделю, как договаривались. Может быть ученики захотят снова сопровождать вас? Мы приготовим для них теплые комбинезоны и... например, валенки. А теперь – всего доброго, и до встречи!

...Ребята выпрыгивают из волшебной тарелки, успевшие заледенеть босые ноги погружаются в горячий песок. Скорей, скорей к воде! Обратный бросок учитель осуществлял сам — у мальчишек зуб на зуб не попадал, от холода дыхание перехватило, где уж было нацеливаться на смутные точки...
Они стояли в теплой воде по грудь, ленивый прибой подталкивал к берегу, приподнимал, омывал плечи.
— Вы каждый раз это видите, Гурген Сарбазович? — спрашивает Валька.
— Каждый раз — что?
— Когда перелетаете оттуда к нам, и обратно — видите... звезды?...
— Но... мы переносимся так быстро, что ничего не можем увидеть. Доля секунды. Там — и сразу здесь.
— Когда вы нас сюда забросили, чтобы спрятать, — кивает мальчик, — так и было. Мы ничего не успели подумать, не то что испугаться. А сейчас я видел... звезды. Не так, как ночью. Они были... как будто... и ужасно далеко, и прямо рядом.
— Оба раза? И туда, и сюда, обратно?
— Да... кажется. Обратно я уже думал, увижу их или нет. И видел.
— Долго ты их видел?
— Ну... я успел подумать, что вижу. Кажется, я успел вздохнуть. Потому что, когда нажимал на кнопки, я не дышал... не помню.
— Карен, — окликает наставник младшего мальчишку – тот уже успел вываляться в горячем песке и носится по берегу...
.....
Одновременно (50 млн лет, плюс-минус) в другом месте происходит другой разговор.
— Старшего я бы сразу взял на работу, — говорит великий конструктор— Хоть кусачки за мной носить, неважно. Он инженером родился и никуда не денется. Младший, наверно, скорее поэт, но и он сможет работать. Дело за бумажками; разберемся.
— Товарищ начальник, — спрашивает Юрковский, — а что бы вам самому на пару дней, на горячий песочек, в океанскую волну? В эоцен?
— А... идея, между прочим. Создаем засекреченный отдел внутри самого засекреченного отдела. Название — ЭОЦЕН: Экспериментальный Особый Центр Е..е...е... Ежегодных... Единичных... придумайте сами, мне не говорите: тайна от всех, начиная с меня. Секретность нулевая, перед прочтением сжечь. Печать с динозавром.
— В эоцене не было динозавров!
— У НИХ не было, а у нас будут. В нашем советском эоцене будет все!
— А... ассигнование?
— Нулевое.
.....
— Карик, ты видел что-нибудь, когда мы были не здесь и не там?
— Я зажмурился...

Чтобы придать своим фантазиям некую весомость, плотность, убедительность, я поместила место действия в реальную среду, в свое нынешнее окружение. Пытаюсь вообразить и восстановить эту среду в начале 50-х. Само по себе интересно.
Без спросу подключила сюжет и вымышленных героев к исторической, героической и трагической фигуре легендарного конструктора Сергея Королева.
Лиха беда начало. Королев уже сам, можно сказать, пригласил еще одного человека-легенду, летчика-испытателя Анохина. Просто познакомил с ним на летном поле своих инженеров, Иоганна Дауге и Владимира Юрковского.
Когда-то и где-то я уже хвасталась, что с семьей Сергея Николаевича судьба нас свела году, кажется, в 49. Мы, дети, вполне осознавали величие легендарного «одноглазого летчика».

Легенду стоит рассказывать и пересказывать.

Итак, 1910 год, семья бухгалтера, 7 классов средней школы, с мая 1928 рабочий-путеремонтник. чернорабочий. Окончил автомобильные курсы, работал водителем автобуса. В школу ВВС не прошёл медкомиссию. В 1929 году начал летать на планере, в 1930 окончил Московскую планерную школу. Занимается там же подготовкой планеристов.
В 1931 году окончил Высшую лётно-планерную школу в Коктебеле. С ноября 1931 — командир отряда в ВЛПШ.

Куда бы ни пришел молодой Сергей Анохин, он становился первым!
1 сентября 33 в Коктебеле впервые на планере обогнул гору Карадаг. Через две недели установил всесоюзный рекорд продолжительности полёта на одноместном планере — 15 часов 47 минут! Потом он парил больше суток, словно стриж, который спит налету!

В дальнейшем главной работой Анохина станет испытание новых летательных средств «на период полураспада», проще — на убой. На сотрясение, на штопор, на устойчивость и управляемость, на срыв и сваливание. Потом еще и на полет по параболе с невесомостью, в ожидании космических полетов.
В 1934 года выполнил эксперимент с преднамеренным разрушением планера в воздухе. Так об этом вспоминали:
«При скорости 220 километров в час стал нарастать гул. Гул становился громче и тон его выше, как у подтягиваемой струны. Сначала слетела и пронеслась над головой крышка кабины со всеми пилотажными приборами. Едва он подумал, что надо выходить из пикирования, как планер со страшным треском разрушился на множество частей. Анохина выбросило. Сосчитав до десяти, он дернул кольцо парашюта.
Выяснилось, что после отделения крышки кабины произошло скручивание правого крыла. От резкого торможения испытателя выбросило из кабины, разорвав привязные ремни. Крыло, оторвавшись, ударило по рулям; хвостовая балка и рули тут же разрушились».
А чего они ожидали? Надо было развалить, и развалили. Но получилась сенсация. На Западе писали: «Игра со смертью», «необычайное испытание»... «За любую цену покупаем кинопленку, фиксирующую этот неслыханный эксперимент». Какая кинопленка, вы что. Регистрирующей аппаратуры почти не было.

Со своим тёзкой Королёвым Сергей Анохин познакомился во время занятий планеризмом, и они стали друзьями на всю жизнь.
В 1935 турецкий лидер Ататюрк запросил себе классного лётчика. Сергея Анохина отправили в Анкару, до 1940-го года он учил лётному и парашютному делу в Турецком авиационном обществе. Позже к нему прибыла его молодая жена Маргарита Раценская, мировая рекордсменка по планеризму. Их общей ученицей в Коктебеле была, оказывается, приемная дочь Ататюрка Сабиха Гёкчен. В Турции жизнь подбрасывала Анохину сюрпризы: на авиационном празднике у одной из турецких парашютисток не раскрылся советский парашют, и она разбилась. Анохин тут же поднялся в воздух и прыгнул с тем же парашютом.
«А что было делать? В противном случае разорвали бы: либо турки, либо Сталин…»
С ноября 41-го Анохин — «Мастер парашютного спорта СССР». Назначен командиром группы планеристов, затем — командиром испытательного отряда ВДВ Калининского фронта.
Включая полеты за линию фронта — около 200 боевых вылетов.

Планеризм — это не воздушный балет! Анохин отработал методику бомбардировки с пикирующего планера малоразмерных целей (т. е. налетел, укусил и смылся). На десантном планере летал в тыл, к партизанам. Обычно планеры в этом случае уничтожались, взлетать с лесной полянки невозможно же? А если у партизан тяжелораненые?
Анохин погрузил раненых и велел летчику взлетать, прицепив планер тросом в 10 метров — кошкин хвост! Планер выдернули, как из ямы, а перед взлетом Анохин выбросил свой парашют.
Были еще и «испытания в период войны» «летающего танка Т-60 с бипланной коробкой крыльев». «Аварийная посадка английского истребителя «Фейри» с разрушенным элероном» или «бомбардировщика СБ с нарушенным... чем только не нарушенным», спасение загоревшегося опытного перехватчика, снабженного турбокомпрессором…
За этот смертельный трюк Сергей Анохин получил орден Боевого Красного Знамени.
В Летно-испытательном институте Анохин принимал участие в испытаниях истребителей, всевозможных Як-ов, заодно в испытаниях перегрузки на себе. Когда его спрашивали, не страшно ли, он отвечал простодушно, что страха не знает.

17 мая 45-го, через неделю после Победы, испытания истребителя Як-3 едва не стали для него последними. «Для проверки прочности фюзеляжа требовалось выполнить ряд фигур высшего пилотажа на предельных режимах». При выполнении одной из фигур с повышенной перегрузкой крыло истребителя отвалилось... беспорядочное падение машины... непрекращающееся вращение... лётчика швыряло по кабине, ударяя о её борта и рычаги. Но Сергей Анохин сумел сбросить фонарь кабины, выбраться из самолёта и покинуть самолет с парашютом. Он выжил, но потерял левый глаз».
Казалось, всё? Конец испытательской жизни? Так вот нет: как восхищенно говорили летчики, с одним глазом Сергей Николаевич летал так, как другие не могли летать и с четырьмя.
Долгими тренировками он разработал у себя «глубинное зрение» - термин, как бы это сказать, офтальмологический или антропологический, но звучит как-то тоже углубленно. Может, такое у себя йоги вырабатывают.
Однако и у него однажды душа ушла в пятки... На аэродроме испытывали новый истребитель, и вдруг приехал Сталин. Мастерство летчиков он одобрил.
Сергей Николаевич вылез из самолета, а к нему подбежал генерал и сорвал погоны (как при аресте). Сталину что-то не понравилось?? Нет, Сталин приказал произвести подполковника Анохина в полковники.
Самолет он всегда чувствовал как свое тело. Если приходилось испытывать самолет какой-то корявой конструкции, значит, с организмом что-то не так, надо найти причину.
Летом 49 г. Анохин выполнял первый вылет и испытания истребителя Су-17. Незадолго до этого он попал в аварию на предыдущем опытном истребителе – Су-15.
На высоте 7 тыс. метров развилась такая тряска, что летчик был вынужден покидать самолет.

Система катапультирования не сработала. Фонарь заклинило. Из-за сильной вибрации в любой момент могла-таки сработать катапульта. Анохину удалось вылезти через узкую щель в фонаре. Выбросившись, он не успел еще раскрыть парашют, как услышал грохот взрыва самолета — где-то совсем рядом. Это было пятое по счету аварийное покидание...
А во время испытаний самолета Лавочкина «Анаконда» машина вдруг совершенно перестала слушаться рулей. Летчик попытался «выпрыгнуть», но снова фонарь заклинило... Только уже внизу фонарь все же слетел, и самолет удалось покинуть.
Надо заметить, Анохин был мастером парашютного спорта и выполнил более 400 прыжков, среди них немало испытательных.

Примерно летом 49 мы с сестрами и видели живого одноглазого Сергея Николаевича. Видели редко, но запомнили высокого худого человека, молчаливого, казалось угрюмого. Зато Маргарита Раценская просто цвела весельем и улыбками во все свое круглое симпатичное лицо. У них было двое детей — сын Сергей 37 года, мой почти ровесник, и дочь Наташа, чуть помладше Тани. У Сережи были проблемы со школой, и ему на лето пригласили воспитательницу, педагога-невролога, нашу бабушку Валентину Витальевну.
Родители работали в Жуковском, в ЛИИ (Летно-испытательном институте). На лето они снимали дачу в поселке Кратово (прекрасное было место), и для бабушки с семьей, т.е. с мамой и с нами тремя, сняли мансарду неподалеку.
В Кратово жили, как мы узнали позже, старые большевики, которых поделили в 20-е примерно через одного: кому на Запад, кому в другую сторону. В Кратово участки были огромные, дома двухъэтажные, с балконами и террасами, хозяева сдавали дачи богатым москвичам. На всех участках росли могучие сосны, воздух был свежий, чистый...
И над этими замечательными усадьбами то и дело с чудовищным ревом проносились «Летающие крепости». О них тоже надо бы...

Как раз в это время совершался в нашей стране эпический сюжет: создание тяжелого реактивного бомбардировщика, Ту-4.
Итак. Чтобы воевать с Японией, Штаты создали тяжелый бомбардировщик В-29 (Боинг 29). Во время вылетов несколько подбитых самолётов приземлились на советской территории. Для Сталина это стало настоящим подарком. Он приказал сделать точную копию В-29, болт к болту, за два года.

B-29 был техническим чудом, его двигатели — вершиной технологий 40-х гг. Скопировать это казалось невозможным... Но — задачу взвалили на плечи Андрея Туполева.
Нужно было сделать дубликаты более 100 000 деталей из материалов и по технологиям, у нас неизвестным. И клонирование самолёта завершилось успешно! Группа конструкторов и дизайнеров Туполева скопировала даже цветовую схему интерьера и ремонтную заплату General H.H. Arnold Special (это была шутка).
3 августа 1947 г. на праздновании Дня авиации на аэродроме в Тушино должны были впервые показать истребители Су-9 и Су-11 (копии немецких турбореактивных истребителей «Мессершмитт Ме 262»). И вдруг над головами на высоте всего 200 метров пролетели три больших бомбардировщика. Характерная обтекаемая форма, четыре ревущих двигателя, уникальный нос из плексигласа да это же те самые забытые B-29, потерянные три года назад! За ними прошёл ещё один советский Ту-4, пассажирская версия самолёта. Мир узнал, что у Советского союза есть совершенно новые B-29!
К сожалению, они не пригодились, поскольку очередная мировая война не разразилась. Только вот еще: первая советская атомная бомба РДС-1, сделанная по образцу американского «Толстяка» (Fat Man), была сброшена из отсека Ту-4.
Правда, штатники сбросили этих толстяков на вражескую территорию, а мы на свою.

А на Кратовских дачах все разговоры прекращались, пока грозная машина летела, казалось, прямо по вершинам сосен.
Это было прекрасно, мы видели и слышали, как хорошо мы защищены от любого агрессора. Только после нам, уже взрослым, снился одинаковый сон: небо, сплошь заслоненное сверкающей металлической конструкцией; она и не летит, висит и что-то внутри себя перестраивает, и так будет всегда. Когда-то на одной выставке была похожая картина, югославского художника.

Итак, мы живем в Кратово, Сережа приходит к нам, бабушка с ним занимается, потом нас с ним ведет гулять. Таня иногда навещала маленьку Наташу, «Натовеньку», играла с ней. В начале августа Сергей Николаевич подарил маме пригласительный билет на Воздушный праздник в Тушино, и мама взяла туда меня. Конечно, это было вдохновляюще, замечательно, даже страшно, высший пилотаж, фигуры в небе, парашютисты. Но по-натоящему я запомнила небольшую группу летчиков — они как-то нахмуренно смотрели и показывали друг другу программки. Среди участников числился летчик Иванов, а он накануне разбился.

Позже, в 1951–1952 гг. проводились испытания беспилотного крылатого снаряда КС-1 для поражения морских целей, его сбрасывал самолет-матка Ту-4. На время отработки на ней пристроили пилотскую кабину, и первый, самый рискованный этап проверяли летчики. Посадочная скорость до 480 км/ч, полтора звуковых барьера! За эту работу в 1953 г. Анохин с друзьями получил Сталинскую премию и тогда же стал Героем Советского Союза.
В 1958 г Анохина командировали в Китай, он три месяца работал летчиком-испытателем. Шестое его аварийное покидание самолета оказалось поистине фантастическим. На самолете-«летающей лаборатории» Ту-16ЛЛ испытывали систему питания последней ступени ракеты, предназначавшейся для полета к Венере! Из-за пожара командир приказал всем покинуть машину. Экспериментатор (из кормовой кабины) и второй пилот справа катапультировались удачно, а Анохин не смог, у него опять люк заклинил! Сергей Николаевич ввел машину в пологий вираж, через верхний люк правого летчика вылез на фюзеляж и съехал на заду, чудом не попав в заборники двигателей и не столкнувшись с крылом или стабилизатором, соскользнул вниз, раскрыл парашют и, спускаясь на парашюте, увидел неожиданно, что самолет-то не горит... В полете, на заходе солнца, при ярком освещении экспериментатор увидел на подвешенной золоченой гондоле яркие багрово-красные блики и доложил Анохину: «Командир, горит подвеска!» Анохин посмотрел и дал команду сбросить подвеску. Это не удалось (вечно у них что-то не срабатывает!)

Самолет упал в чащу леса в Егорьевском районе. Никакого пожара не было ни в воздухе, ни на земле, но в официальной версии о причинах потери самолета фигурировал пожар: иначе полетели бы многие головы. Но экспериментатор страшно сокрушался...
В этот, или в другой раз Анохин в результате очередного акробатического «покидания» приземлился в чаще леса. Самолет нашли, но без летчика. А была зима, тридцатиградусный мороз. Побегали, поаукали — нет его... Что делать, в летной куртке, в ботинках, долго ли он проживет... а пропавший герой приземлился возле лесничества, пошел в избу обогреться... а у лесника, по странному совпадению, оказался большой запас согревающего. Так они и грелись; когда все кончилось, Анохин спокойно вышел из леса...

В начале 1960-х после ряда катастроф понадобилось выяснить, почему это «при полете на больших углах атаки самолеты Ту-104 и Ту-16 сваливаются в штопор?». Как тут без Анохина, крупнейшего специалиста по штопору! «Он был совершенно безотказным. Он мог пойти на любое задание. Не бесшабашно, не безграмотно, но – на любое задание. Бесстрашный летчик, он был на редкость скромным человеком, и как раз из-за такой скромности личность Анохина оказалась приземленной...». *Н.С. Строев, бывший начальник ЛИИ.*
Увы, в 1964 Анохин был вынужден уйти из ЛИИ: комиссовали «по состоянию здоровья».
Ну и что? Он оказался в поле зрения их общего с Маргаритой Раценской друга по планерной юности, Сергея Павловича Королева. Главный Конструктор пригласил Анохина к себе и поручил ему дело исключительной для обоих важности – возглавить первый отряд космонавтов-исследователей. Выбор, если учесть возраст (54 года!), семь классов и единственный глаз, крайне смелый. Анохин, по убеждению Королева, идеально подходил для решения задач в пилотируемой космонавтике. Тогда только что приняли государственную программу освоения Луны, начали отбор и подготовку кандидатов в космонавты в ОКБ-1. Созданный летно-испытательный отдел возглавил Анохин. Он отвечал за проведение всех видов летных испытаний снаряжения, приборов и агрегатов космических аппаратов, за организацию отбора кандидатов в космонавты. Анохин как первый кандидат в члены будущего экипажа космического корабля был назначен командиром первого отряда космонавтов-испытателей. Он сам готовился к космическому полету! Он проводил немыслимые тренировки вместе с экипажем! 250 часов на тренажерах ЛИИ, 15 полетов на Ту-104 с имитацией невесомости, барокамера!
Пока был жив Королев, надежда полететь на корабле «Союз» была у Анохина реальной. Он ни в чем не уступал своим более молодым коллегам — ни в физических тренировках, ни в занятиях в Центре подготовки космонавтов. После смерти Королева в январе 1966 г. шансы эти свелись к нулю. Но полететь в космос Сергею Николаевичу не довелось. После смерти Королёва он был отчислен из отряда космонавтов.

До конца жизни он не только числился, но подлинно оставался их «Наставником». Космонавт Стрекалов говорил «Анохин был нам и товарищем, и отцом... Он ценил молодежь и дорожил общением с нею. Слушать его можно было бесконечно. Своим невероятным приключениям он старался всегда придать обыденный характер. Говорил о своих подвигах с юмором, приземленно, без каких-либо преувеличений или позы. Притом всегда это было поучительно для нас, будущих космонавтов. И мы слушали его, впитывая: главное – не теряться в любой сложной ситуации, не паниковать, сосредоточиться и принять единственно правильное решение… У Сергея Николаевича был колоссальный авторитет!
(Моральный авторитет. Он и задал в отряде высший стандарт чести).
Он прожил жизнь фантастического накала, в которой было и много обретений, и немало потерь. Он сам был весь перебит. Врач космонавтов профессор Леван Стажадзе рассказывал, что спросил однажды у Анохина, сидевшего за рулем своего автомобиля: «Сергей Николаевич, а как Вы считаете, может человек с одним глазом управлять самолетом?» «Ни в коем случае! – немедленно ответил летчик, добавив вполне серьезно: и автомобилем – тоже!»
Еще бы. Надо было только добавить: в нетрезвом виде. Однажды в то лето С.Н. посадил в машину своих детей и нашу Таню и повез купаться на Москва-реку (хотя в Кратово роскошный пруд). Доехал до пляжа и едет себе дальше в воду, уже выше осей въехал. Хорошо, там купались друзья-летчики, подбежали и через окно отняли руль, детей вынесли на руках. Может, сам Амед-хан Султан, дважды герой Сов.Союза, близкий друг Анохина, тоже легендарный летчик. Во время депортации татар из Крыма он рванул туда на истребителе и смог вывезти хотя бы свою семью.
Люди такого склада, не знающие страха, в самом деле пьют, и с этим ничего не поделаешь. Они не пытаются забыть моменты смертельного риска; они заглушают адреналиновый голод. Им скучно...

Последний раз Сергей Николаевич Анохин поднялся в небо в 1983-м году Коктебеле на мотодельтаплане. А мечтал полететь на Венеру! Или хотя бы облететь Луну, как Карадаг!

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.
Поздно, утром чуть свет перечту и пойму...
Б.Пастернак

Мы не забыли про «звезды», которые, может быть, померещились трудному подростку Валентину в момент «перемещения во времени». Кавычки — потому что, как уверяет профессор, «момента, мига, мгновения, миллисекунды» и вообще любой измеримой протяженности там нет!

С разгадкой придется подождать. Не могут по макушку загруженные технари, одержимые идеей забросить в небо чего-то такого железного на второй космической скорости непременно раньше американцев (пока те закопались в проблему супер-ядерной бомбы), заниматься исследованием галлюцинаций малолетнего преступника. Даже ради надежды увидеть, как солнечный луч на ладони, тайну Пространства и подпространства, времени и Вечности! И поймать, быстро-быстро сжать кулак и поймать, удержать...

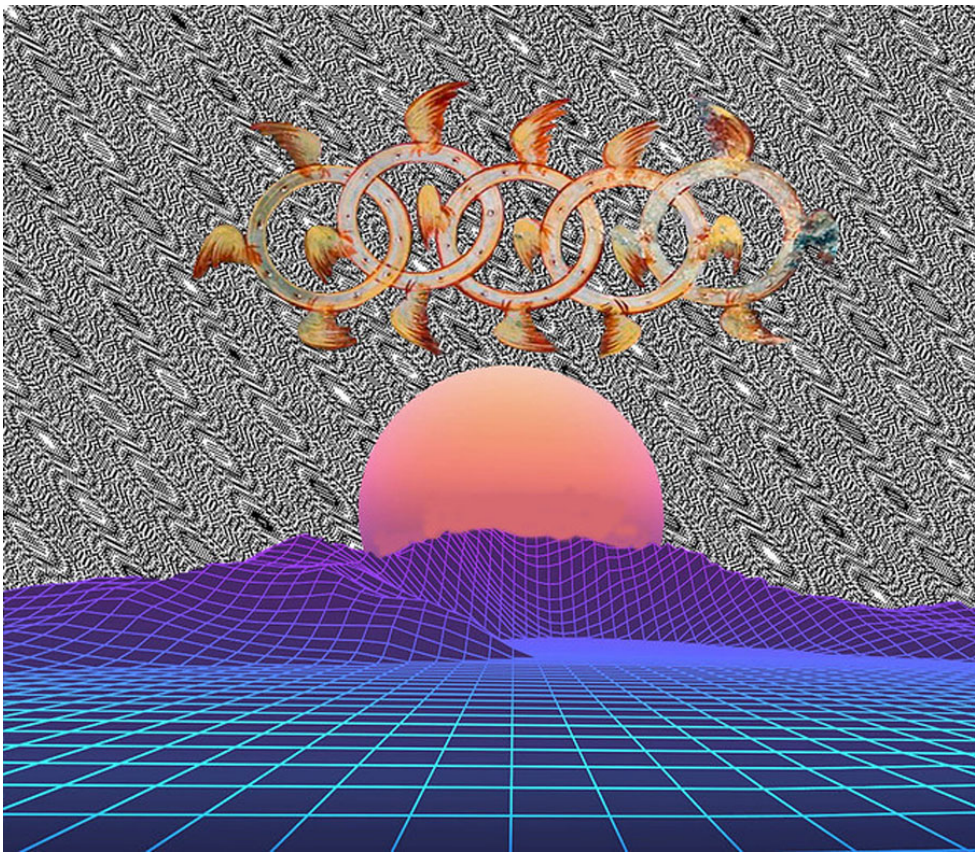
Подождет ОКБ-1, подождет Великая Держава. И мы подождем. А что нам остается? Надо поскорее устроить своих литературных героев в реальности начала 50-х. Ох, какая же это интересная реальность! Словно столетие взяли за два конца и ломают через колено. Оно трещит, гнется, да не ломится, и вдруг — хрусь, пополам!

В романе кончается 52 год.

В сущности, пятидесятые годы — это и в самом деле время перелома. Жак-Ив Кусто не только совершил плавание на Калипсо, но уже издал «В мире безмолвия». Гарун Тазиев уже спускался в кратер вулкана, Тур Хейердал смотался на Кон-Тики в Полинезию и доказал свою ложную теорию, Джералд Даррел издал «Перегруженный ковчег», и многие другие сделали столько других интересных вещей, что стало понятно: и стоило жить, и работать стоило. Даже те, кто работал за колючей проволокой. Они тоже прочтут книги великих одиночек, и тоже затоскуют о странных, ненужных и неважных идеях, загоняющих в толщу воды, в кратер, на плот в океане... И утешат себя: наши герои так же отважно погружаются в море тайги, которая опаснее океана, они ищут золото, медь, вольфрам и ванадий, но при этом вынашивают и проверяют глубинные мысли о строении Земли. Великие Державы любят показать результат весомо, грубо, зримо, и если простой геолог откроет закон, который горами движет, вся научно-техническая мощь Родины встанет за его спиной. А он снова уйдет на разведку в тайгу: там, с медведями и якутами, и дышится, и думается легче...

И тайга, медведи и якуты расскажут ему про Озеро Горных Духов, про Олгой-хорхоя, убивающего на расстояни, про бессмертную Белую шаманку, про гигантского крота.
Крот ползает под землей, а в обрывах речного берега иногда находят его огромные зубы.
Он откроет скелет допотопного чудовища, которое назовут его именем.
Он еще дома слышал про Шамбалу, но не интересуется: пусть ее ищут разведки Великих Держав. Зато он догадался, что где-то в пещере на гладком сколе порфира отразилось сто миллионов лет назад видение прошлого, и его можно увидеть, когда луч солнца упадет на стену под тем же углом, что тогда...
И люди скажут: о, какой великий фантаст!
Так что никто не стал гонять туда-обратно машину времени с подростком-сиротой, прикреплять к нему какие-то датчики-счетчики, записывать на диктофон его сбивчивые рассказы. А Иван Ефремов уже пишет свою великую смешную книгу о людях будущего, бунтующих против законов Вселенной.

И тем не менее... чем объяснить особый интерес КГБ к паранормальным явлениям в конце 60-х? Создавались закрытые лаборатории (как будто у них было что-то открытое); в одной из таких работал старший брат Володи Пятницкого, физик-экспериментатор и экстрасенс по совместительству. Знакомые художницы заряжали воду и лечили по телефону, под руководством некоего тренера... Где-то, тоже кажется на Яузе, это уже почти сейчас, пытались ловить торсионные поля, которыми американцы сбивали наши — кажется они назывались кегли...



Торсионные поля — не хочу смотреть, а то привяжутся — это что-то такое, что не улавливается и не фиксируется никакими методами, но что образуется вокруг больших вращающихся тел, звезд, галактик, типа того. Ученые узнали их в описании «Видения Иезекиила», в крылатых колесах, которые крутились сразу во все стороны...

Но, что бы ни увидел недоучка Валька Аргунов, ЭТО БЫЛО НЕ ТО!

Проводим же недоброй памяти XX век «незлым, тихим словом», и скажем: а все-таки!
Все-таки это было время гениальных одиночек! А наш — «Красивый, двадцатидвухлетний» — будет тем более, и он уже хорошо начал, поскольку стоит на плечах гигантов.
«Насчет бабочки чепуха, конечно, — биолог мысленно критикует рассказ Брэдбери. — Природа гибкая, упругая, законы ее статистические, у пищевых пирамид обширные основания. Написано, конечно, здорово. Хотя доказано, что путешествия во времени невозможны... а то, что с нами... это в пределах ошибки. Наши физики говорят... да, но сейчас новая физика, эйнштейновская и квантовая. Они, наверно, в них разбираются; вроде бы они противоречат одна другой, но во всем мире ищут, как их объединить, создать общую теорию всего. Но и в ней время будет необратимо. Откуда же им знать?..»
А Стивен Хокинг между прочим уже родился, и на горшок садился, да наверно и читать научился, в три-четыре года-то, раз он такой гений. О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух... И гений, парадоксов друг... но у него время тоже вспять не течет.

«Второй рассказ, про дедовские часы, еще лучше закручен. Отправиться в прошлое, чтобы стать собственным дедушкой. Воспитать собственного папу — это идея, а то еще какой попадется... так и будешь решать проблему отцов и детей. «Парадокс времени», так это называется. Может быть, в такое близкое прошлое попасть нельзя, потому что стрелу времени пришлось бы изогнуть слишком круто. А стрелы гнут с терпеньем и не...
Это я не выспался. Троешники эти зачет пересдавали, пришлось принимать, коллега заболел. Барахтались, лентяи. Я никого с экзамена и зачета не прогоняю. Все равно потом все забудут. Вот если бы можно было заскочить ненадолго в недавнее прошлое... нет, не младенца в люльке, чур меня; а внедриться в подпольный революционный кружок. В Тбилиси. Из отчисленных семинаристов. Наверно, можно было бы разузнать: Камо, Коба...
Ничего себе замысел! Я-то там буду не подросток, а такой, как сейчас, для них — дед... а что, прикинуться матерым кропоткинцем, бакунинцем...
И что? Принес бы с собой револьвер и пальнул в мальчишку? Даже зная, кем он станет? Нет, хорошо, что путешествия во времени невозможны...»
Гурген Сарбазович подходит к своей запертой лаборатории, достает хитроумный ключ — маленький, невзрачный, но он требует целой системы последовательных четко определенных действий — и замирает. Не то послышалось, не то мелькнуло на краю поля зрения, не то показалось, но он прячет ключ и идет за угол лаборатории. Но он почему-то идет дальше, в узкий проход между бетонных стен, в заброшенную часть складов, где когда-то стояла тяжелая техника, а потом ее вывезли. В воротах одного из ангаров-амбаров стоит человек, чем-то знакомый. Через секунду он узнает этого человека.

Дворник — как же его зовут? — или сторож... он заменял в магазине букиниста, а букинист оказался не... делает призывающий знак и исчезает в глухо черной, по контрасту со снегом, бетонной пещере. Ученый идет за ним. Вступает в темноту, чтобы хоть что-то видеть.
— Нюх у вас, товарищ профессор, — уважительно произносит конспиратор, — прямо партизанский нюх. Я-то вас услышал, когда часовой замок отпирал, спрятался, а как вы меня почуяли... Склады это наши, партизанские. Повоевали мы тут с командиром, да... как бы не натянули мы на вас беду, Гурген Сарбазович. Раньше надо было уходить командиру, он уже замечал, да вот...
— Простите, а ваше имя-отчество? — спрашивает вежливый ученый.
— Степан я, и ладно. Так и командир зовет. Я-то здесь по своим документам, законно, заявление написал на внеочередной отпуск. Только я уж не вернусь. Зашел кое-что спрятать; там уже спрятана одна вещь, надо бы забрать, да наука все заняла. Подождем.
Асланян не задает вопросов.
— Опасно все это вам. Знать про это опасно. Ну, раз уж вы зашли в магазинчик-то, теперь уж никто, случись что, не поверит, что вы ни при чем; так что уж все равно... так что вы, если спросят — все рассказывайте, что запомнили, командиру вы не повредите, им его не достать.

Вам-то так и так – недонесение... командир себя теперь винит. А я тут с мешком...

В самом деле, у ног сторожа-дворника Степана лежит что-то рыхлое, бесформенное.
— Вы-то уж себя не вините, любезный Степан, — весело отвечает ученый. — Я приятно провел время до ночного трамвая. Тот, кого мы оба уважаем, обладает настоящим литературным дарованием и хорошо знает историю. Науке известно много случаев, когда человек, проживший бесцветную, однообразную жизнь среди книг и скучных людей, придумывает себе яркую биографию, присваивает приключения и подвиги известных персонажей и сам полностью убежден, что был, скажем, главой белого движения, а потом победил немцев, но вынужден скрываться из-за своего прошлого. В остальном такие больные разумны, только иногда им нужно поведать кому-нибудь свои фантазии. Подумайте сами, если бы я заявился с такой историей в компетентные органы? Если вы тоже хотите мне что-нибудь рассказать — мой эксперимент подождет полчаса-час. Тут есть на что присесть?..

— Точно, тянет иногда про это поговорить, — соглашается Степан. — Тылы охраняли мы тут, без толку, с прежним Василь Платонычем, без оружия. А тут взрыв на станции, диверсанты взорвали эшелон... новобранцы, себя не помня, разбежались. По лесам, по дорогам, по деревням толпы бродят: кто тут ополченец, кто заблудился, кто дезертир, кто насчет пограбить... Тут командир и явился: набрал взвод из новобранцев с эшелона, оружие получил на пункте, где нам, ополченцам, должны были выдать, а его никогда не было... Платоныча призвал и меня с ним. И повел нас сюда, на склады, карта у него была. У него всегда было все... И накрыли мы банду диверсантов: немцы у них были главные, два, по русски говорили, и уголовники. И рация была. Ну, положили их... наверно, он всех и положил, новобранцы наши оружия боялись. Пулеметчика прикованного нашли тут, помните? Это командир... немца-радиста усадил и велел стучать, что скажет, и ответы слушал. Сказал, если там догадаются, то... ну уж не знаю что, куда еще. Так вот и узнавал, что фрицы собираются делать. Мы-то все думали, что у нас тут красноармеец офицер командует!
Тут еще продовольствие на складе хранилось. Мы ворота взорвали, муки унесли, консервов... оружие немецкое забрали. Остановили товарняк — приказ, дескать, погрузились и кругом Москвы поехали — немца встречать, сражаться. Новобранцев, кто хотел, сам довел до комендатуры, сказал, что говорить. Четверо с нами поехали. Сибиряки... он тогда и сказал уже, в чем дело. Вскорости умер Василь Платоныч, воспаление легких.
Так мы и воевали. Сперва на подступах к Москве, потом дальше двинули. Отряд наш менялся — только самые отчаянные оставались, они же и выживали чаще. Эх, как мы у Доватора воевали! С конем война настоящая... я-то из деревни, лошадь так и так знаю, а какой был кавалерист командир наш... эх!
Ладно, Гурген Сарбазович, я уж вам скажу. Командир не велел, да дело так повернуло... я сюда пришел спрятать кое что. Книгу пришел спрятать. Вы сказали тогда, что ему бы книгу написать; а он ее уже и написал. Она в магазине хранилась, а что теперь с магазином будет?

— Вот что, — решительно говорит ботаник, — дайте вашу книгу мне, я спрячу. Вы мне уже и так много доверили.
— Книга-то особая, — сторож произносит слово *«книга»* благоговейно, — с виду куча макулатуры. Он так ее и писал, на вырванных листочках, на старых письмах, на обертках, на счетах. Разными чернилами, карандашами, почерк менял, и все перепутал. Никто и не догадается, что тут все про одно.
— Тем более. Вся наша научная затея началась с того, что надо было прочесть целую тетрадь, написанную закорючками и на неизвестном языке. И прочли, и теперь ракету строят. Ваши... обрывки я обозначу в реестре документов проекта; там и так полно всякой научной чертовщины, никто и смотреть не станет, и я не буду, пока не скажете. Или пока... вы же знаете, друг, что может с человеком случиться, в нашем-то возрасте...
Степан колеблется — и вдруг протягивает мешок. — Командир разрешил бы...

Профессор Асланян со своими питомцами справляет в тропиках Новый год — новый, с иголочки, 1953. А что такого? В Австралии его тоже справляют в разгар летней жары, и в Бразилии, в самых ни на есть классических тропиках. Вернее, будут справлять через сутки. Трогательных детских воспоминаний про Новый год, тем более Рождество, нет ни у одного. Родители Асланяна были революционеры, у казахов совсем другие праздники, в детдоме у него и Карена проходили «новогодние торжественные линейки», к обеду что-то прибавляли. Во Владимирке ученый слышал сентиментальные воспоминания: дворник с ёлкой, морозная хвоя, орехи, яблоки, бумажные цепи, подарки, свечи, звезда... Слышал, как большевики запретили однажды ёлки, и звезду вешали на домашний фикус, и подарки под ним раскладывали. Идея ему понравилась. Он припас подарки — новые трусы и клетчатые рубашки, и склеил звезду из серебряной бумаги.

Новогодний полуночный ужин устроили в любимом месте, там, где разводили костер и пекли плоды хлебного дерева. После отлива на песке набрали крупных креветок, крабов и тех, рыб которых считали самыми вкусными. Немножко печенья и конфет профессор принес.
Когда стемнело, развели костер, натерлись сандалом от летучих упырей. Вообразили бы себя героями Рамаяны, если бы Гурген Сарбазович успел ознакомиться с этой ветвью мировой культуры; но кем-то в этом роде они себя чувствуют.
Хвойного дерева, деревца, поблизости они не находили, хотя бывают ведь и тропические хвойные? Это еще предстоит выяснить, пока же профессору вспоминается именно история с фикусом, родственный экземпляр тут же и растет, похожий на молодую смоковницу. Свое изделие он пристраивает между молодых ветвей, чтобы на него падал отблеск костра.
У огня хозяйничает Валька, он оказался отличным кулинаром. Карик бездельничает и пристает с вопросами.

— Почему звезда?
— Потому что звезды красивые... В древности люди почитали звезды, считали, что от звезд зависит их судьба. Любили смотреть на небо, мечтать. Даже мечтали полететь к звездам, были такие предания.
— Как же они хотели долететь?..
— Они же не знали того, что мы знаем; думали, что звезды — это такие красивые кристаллы на твердом куполе, не так уж далеко. И если приручить четырех могучих орлов, привязать к корзинке, а самому влезть в корзинку...
— Так там же безвоздушное пространство?
— Откуда им было знать? Они еще воздух считали просто пустотой; ветер, он сам по себе.
Карен смеется.
— Это сказки. Но к звездам они очень серьезно относились. Чёрт знает когда уже создавали карты звездного неба, созвездия различали, называли по своему; по звездам определяли время, по ним корабли в море находили дорогу. Верили, что у каждого человека есть своя звезда. Кому везло, говорили: он под счастливой звездой родился.
— А интересно: кого больше, звезд или людей?
— Звезд гораздо больше, на всех людей хватит, сколько их еще родится. Наверно, поэтому подарить человеку изображение звезды — все равно что пожелать счастья. Потом, наверно, их стали дарить цари, в награду, из подарков они стали орденами.
— У нашего директора был орден Красной звезды, — угрюмо замечает Валька. — Он его всегда носил, а не колодку.
Гурген Сарбазович вспоминает еще пару кавалеров разных орденов...
— Что поделаешь, — говорит он со вздохом, — храбрый человек может быть и злым, и жестоким, и глупым. Бывают командиры, которые своих людей не считают, только бы приказ поскорей выполнить.
— Звезды ведь не похожи на орден, — мечтательно произносит Карен. Он смотрит в темноту вокруг их костра, но видит, наверно, звездное небо.
— Совсем не похожи, — соглашается наставник. — Но «ручки, ножки, огуречик» тоже на человека не похожи, а все знают, что ты нарисовал. Звезда — это что-то, из чего выходят во все стороны одинаковые лучи. А фигурка с пятью или шестью концами — это изображение, символ звезды.
— А может быть больше лучей?
— Сколько угодно, только их будет трудно рисовать, и они получатся некрасивые. Попробуй нарисуй. А пятиконечная звезда рисуется одной линией, вы ведь рисовали? Шестиконечная получается из двух правильных треугольников. Это две самые известные, самые древние звезды. В них вкладывали какой-то очень важный смысл.
— Поэтому у нашей страны такая звезда?
— Не только у нашей, у Америки тоже. Еще раньше. У них на самолетах тоже пятиконечные звезды, только белые. А у нас красные.
— Почему у нас с ними одинаковые... знаки?
— Потому что эта звезда, дети мои, тайный знак свободы, освободительного движения. Революции.
— А у Американцев тоже была революция?
— Ого, еще какая...

Новогодняя трапеза совершается в молчании. Профессор смотрит на часы и дает мальчишкам по странной металлической палочке. Говорит: как махнет рукой — пусть сунут их концом в огонь. Поднимает руку, смотрит на часы, считает про себя... дает отмашку... считает: один... два... почти точно на счет «двенадцать!» бенгальские огни вспыхивают.
От неожиданности дети отпрыгивают с колючими звездами в руках, а в ветвях над ними слышны звуки паники и поспешного бегства. Огонь, запах еды, надежда на объедки привлекают множество насекомых, ящерок, доисторических крысок, лемуров...

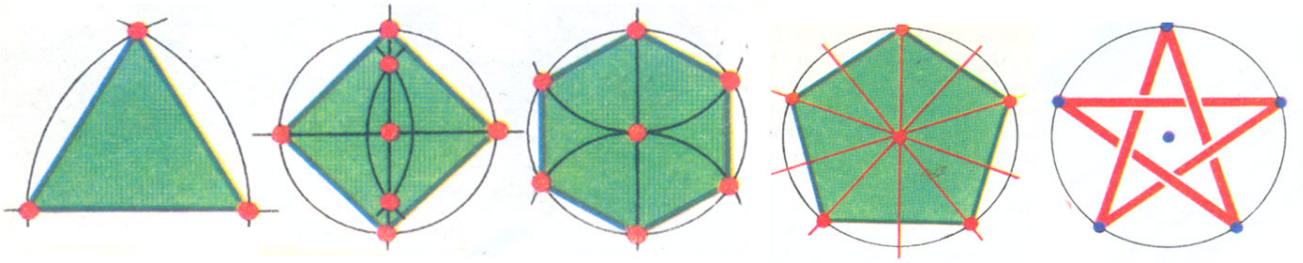
Теперь эта мелочь удирает во тьму. Слегка испуганные дети смеются, учитель дает им еще по одной палочке, и они отпраляются домой, встречать восход на пляже.
Нечего и говорить, что костер они культурно загасили, остатки еды завернули в листья и отнесли подальше — кому-нибудь праздничный завтрак, ничего не пропадет. Можно и зарыть, но ведь разроют...

При свете звезд и луны, таком ярком — «хоть иголки собирай», старый и малые отправляются к своему главному обиталищу, но на отдых устраиваются внизу, на пляже. Сидят и беседуют, дожидаются мгновенного тропического рассвета; когда солнце согревает песок, вытягиваются, чтобы немного подремать.
Профессор не рассказал детям Рамаяну, не рассказал вкратце и «Книгу Бытия». Ему трудно было бы объяснить, в каком родстве находятся фикус, кому-то послуживший Рождественской ёлкой, и то деревце с листьями, похожими на ладонь с растопыренными пальцами, на котором он пристроил свою серебряную звезду. Когда-нибудь расскажет обязательно (лекции будут в приложении).

Профессор просыпается. Старший мальчишка сидит рядом, обхватив колени руками, и смотрит, как младший скачет в отходящей волне прилива, собирает какую-то живность, рыбок, морских звезд, улиток, крабиков — и забрасывает подальше в воду. Любимое его занятие, после того, как они отберут себе на обед что получше. Пока им ничего не хочется, а прилив не последний. И они собирались пойти за орехами, за дотосами...
Карик возвращается, в каждой руке по морской звезде: принес показать, таких они еще не видели. Плюхается навзничь в теплый песок, раскинув руки...
— Тебя предупреждали смотреть, куда скачешь? — спрашивает придирчивый наставник.
В жиже из песка, водорослей и червяков могут оказаться осколки раковин, острее, чем битое стекло. Но ребята давно вжились в местные обстоятельства, знают, чего опасаться.
Гурген Сарбазович разглядывает любопытные, действительно новые экспонаты. У Карена чутье, в них есть какое-то своеобразие, но в чем? Сюда бы специалиста... Ученый оглядывается на отпечаток в песке тощего мальчишеского тела и указывает на него ребятам..
— Смотрите, видите? Человек, он как звезда, пятиконечный. Если отвлечься от деталей, мозга и прочего. Фигура с пятью концами или просто пятью углами — знак жизни, символ Живой материи вообще, потом знак высших животных, человек относится к ним; а потом, выше — человеческой мудрости.
— А про революцию в Америке расскажете?
— Она тоже будет, хотя и сбоку...

— Удобнее бы на бумаге, но обойдемся. — Ученый рисует на песке пальцем треугольник, квадрат, пятиугольник и шестиугольник. — Будем считать, что я нарисовал «правильные геометрические фигуры». В каждой фигуре углы и стороны одинаковые.

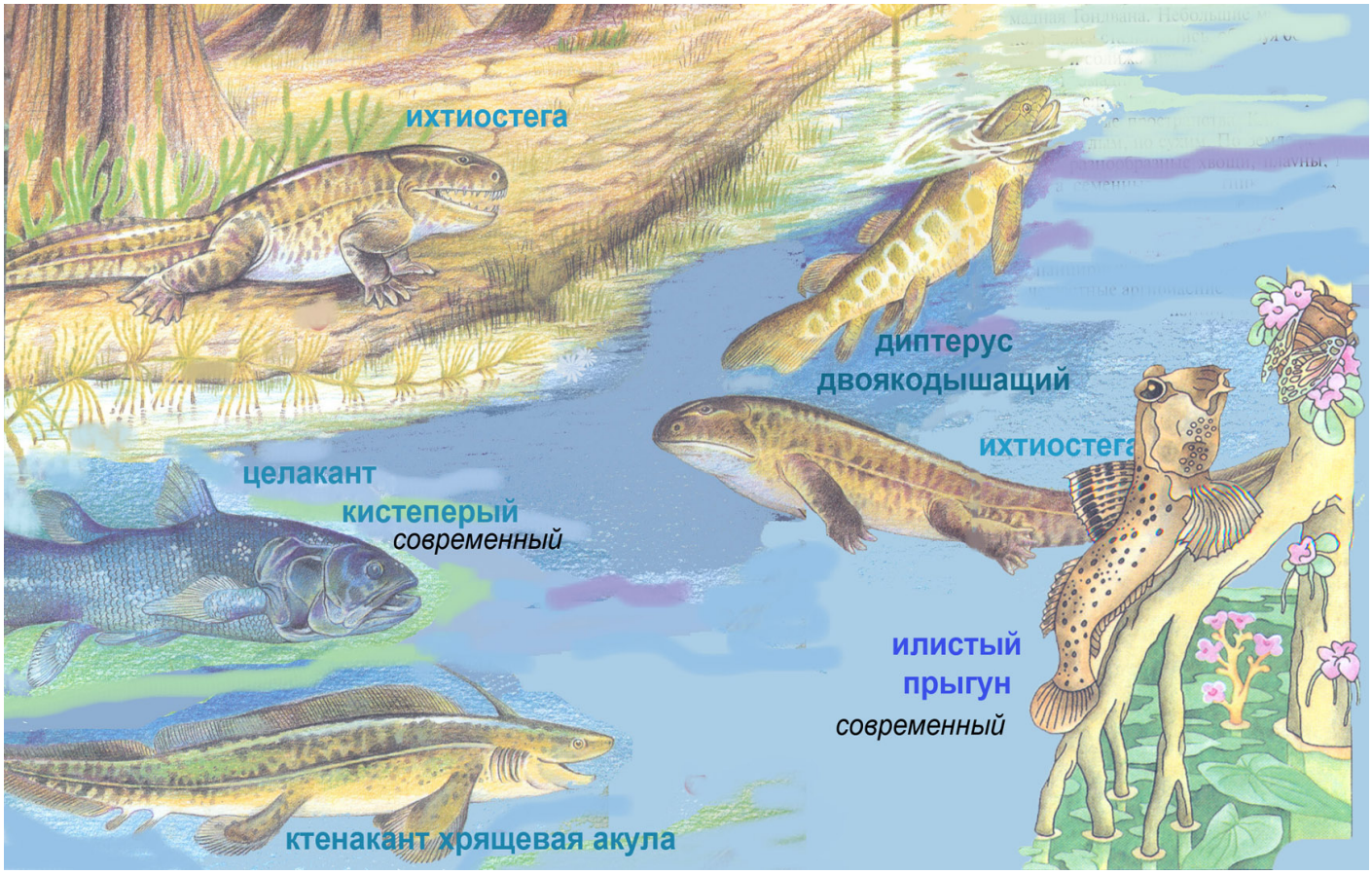
Если бы мы вырезали из бумаги такой треугольник, положили сверху, потом приподняли и положили вот этим углом в другой угол...
Профессор, как может, объясняет ученикам понятие симметрии. Показывает, что такое «симметрия третьего порядка», четвертого и пятого порядка, и шестого тоже.



— В материи неорганической, неживой, атомы и молекулы могут выстраиваться в ровные ряды, ряды складываться в одинаковые плоскости, плоскости — в объемы, кристаллы, кирпичики. Вот смотрите: можно застелить пол одинаковыми треугольниками. Одинаковыми квадратами. Шестиугольниками тоже. А пятиугольниками — нет. Можно построить дом, в котором все комнаты будут треугольные; квадратные — примерно такие они и есть; можно шестиугольные, так строят пчелы. А из пятиугольников не получится. Можно, конечно, построить отдельный пятиугольный однокомнатный дом...
— Давайте построим!
— Это идея. У него может быть даже свод из пятиугольников.
— Давайте пойдем, нарубим бамбука...
— Почему бы нет? Сейчас начнется зимняя сессия, у меня занятий немного. Потом будут студенческие каникулы, я смогу пробыть здесь хоть неделю!
— Ура!
— Принесу заодно учебник геометрии... — *(Зоя поймет, вздыхает Гурген Сарбазович).* — Значит, мы убедились: объекты с симметрией пятого порядка может создавать только жизнь из живой, органической материи — вроде морской звезды и нашего Карика...
Ребята понимают, что все это было отчасти шуткой, как обычно. Хотят дальше, про американскую революцию.

— Мы, ботаники, знаем, что у самых красивых растений пять лепестков. Дикая роза, шиповник, главный цветок у древних поэтов и художников. Она и нежная, и душистая, и лечебная, и медоносная — а еще и с колючками, с характером! Увы, человечество так любило розу, что совершенно ее испортило — вывело множество махровых сортов, без запаха, зато разноцветных и похожих на капусту. Но дикая тоже где-то в палисадних по деревням благоухает, пчелам на радость. У наших любимых бобовых тоже пять лепестков, только они складываются в лодочку с парусом. Но это все цветочки. А вот посмотрите: у всех людей на руках и ногах по пять пальцев. У обезьяны само собой, у кошки и собаки, но представьте, у лошади и коровы — тоже! У копытных в процессе эволюции «лишние» пальцы перестали развиваться, а в зародыше они у них были. Потому что у них главное было — быстро бегать, а не кружева плести. Мы с вами тут много видели гиппусов, лошадиных предков, похожи на маленьких лисичек — у них почти все пальцы на месте, особенно на передних лапках, но им уже столько не нужно. У птиц тоже было по пять пальцев на каждой конечности, как у их предков, динозавров...
— Как это — динозавров?
— Да очень просто, птицы произошли от динозавров, у них много общего. Вот только зубы они порастеряли.
— Ну да, мы же видим эту большую птицу, она точно как динозавр, и не летает!
— А некоторые динозавры летали, и очень здорово.
— Птеродактили!
— И другие. От других ящеров произошли крокодилы, и у них по пять пальцев.

У ящериц тоже. И у лягушек. У того предка китов, который хотел съесть Карена, тоже, я видел его след на песке. У современных, то-есть моих современных, китов и дельфинов в плавниках есть костяные ручки с пальчиками.
— А бывают люди, у которых шесть пальцев...
— Бывают и с двумя головами, это уродство, неправильное развитие. Нормально — пять, или меньше, если столько не нужно.
Дети задумываются. Это же правильно, значит так и нужно... а почему?
— А почему так получилось?
— Потому что, хотя кажется, что это странно, но все звери на Земле произошли от одной рыбы, которая выползла на сушу. Вы своими глазами видите каждый день, как это получается: после отлива на песке всегда застрянет несколько нерасторопных рыб. Некоторые погибнут, а другие переждут в лужице, в тени, в песок зароются. Некоторые освоили дыхание на суше, у них образовалось что-то вроде легких из плавательного пузыря. У кого-то плавники превращаются в ласты, на которых можно ползать. Будете потрошить рыбу, разглядите получше. В мангровых зарослях такие рыбы и по деревьям лазают.



Такие ползуны и прыгуны и переселились постепенно на сушу. Это были разные рыбы, из разных семейств и родов, и косточек в ластах у них могло быть тоже по-разному. Они оставляли потомство, потомство тоже развивалось, эволюционировало. Но все население лесов, степей, гор, пустынь и даже льдов произошло от одной оригинальной рыбьей семейки. Как все человечество произошло от пары обезьян.
Дети молчат и думают, это хорошо. Теперь они будут очень вдумчиво потрошить рыбу.
Профессор хотел еще рассказать про пятипалые листья, как на их новогоднем фикусе, или у московского клена... *лягушечья лапка смородины...* Но это уж так, для красоты, а может ребята клена и не видели, или не обратили внимания. Если разговор вернется к растениям, расскажет про войну Алой и Белой роз. Ведь война-то была обычная, семейная войнушка, их по Европе тогда были сотни — а эта запомнилась. Потому что красивое название.

.....

Зоя Викторовна стоически перенесла новогодний праздник. Украшала ёлку, помогала сестре печь, стряпать, доставала вышитую скатерть, салфетки, вазы и парадные тарелки. Детей отправили гулять до вечера; под елкой спрятали подарки; собираются гости, подруги сестры с детьми и мужьями. Все свои, видятся непрестанно, теперь пришли нарядные, с надушенными укладками. Зоя бегает на кухню и обратно, а гостьи украдкой вопросительно взглядывают на маму и сестру: так есть у ней жених или нет? Зоя раздевает вернувшихся детей, отряхивает снег с их одежды, сваливает в своем загончике; вместе с детьми зажигает свечи, разыгрывает подарки, водит хоровод, поет «ёлочку» — взрослые присоединяются. Детей,своих и соседских, наскоро угощают тортом и какао, отправляют спать в тот же закуток. Слушают по радио бой курантов, поднимают бокалы, кричат, чокаются, поздравляют друг друга... все как всегда.
Первого января она везет племянников и соседского сына в Сокольники. Катаются на всем, на чем только можно, и на карусели, и на коньках — Зоя отлично катается, научила племянников, Маруська вот уже что вытворяет. Горячий чай, булочки с кремом... жаль, что так быстро темнеет. Долго-долго едут на 13 трамвае, протаивают дырочки в морозных пальмах, смотрят, прильнув к стеклу, не горит ли у кого-нибудь в окне елочка...

Долгий вечер. Снова зажгли свечки на елочке, детей уложили, сидят, отдыхают. Муж сестры ушел к приятелю, женщины говорят о вчерашних гостях, немножко сплетничают, доброжелательно. Мама традиционно подшучивает: Егоров опять за Зойкой ухаживал...

Второго Зоя идет на работу, на биостанцию. У входа в лес, под знакомой липой, ее дожидается слегка замерзший Асланян. Они поздравляют друг друга, скромно целуются — как на людях. Ботаник осторожно достает из-за пазухи и протягивает невесте завернутую в целофан цветущую ветку, пышную кисть красно-золотистых цветков.
Зоя берет прозрачный фунтик, вдыхает странный, невообразимо сладкий, невозможный здесь, на морозе, аромат, и вдруг прячет лицо на груди профессора.
— Украл в оранжерее, — говорит он растерянно.

(Ох, не украл, Гурген Сарбазович, и не в оранжерее! Срезал в незапамятном прошлом, а еще недавно беспокоился, не занести бы чего оттуда — или туда)...
И вдруг прибавляет, неожиданно для себя: — Зоя, давайте распишемся прямо сегодня?...
(Что я делаю, нельзя, может быть я уже на крючке...)
Девушка вздрагивает, прижимается сильнее, не дышит — только бы не разрыдаться... поднимает голову, строго смотрит в глаза и спрашивает:
— Бобовое?
Профессор виновато кивает. Оба смеются. Он продолжает:
— Комнату я еще не искал, но я скоро буду работать на биофаке Университета, меня берут в штат, я хотел рассказать вам раньше... Это очень мило с их стороны, зачисляют в середине года, им нужно закончить цикл лекций для первокурсников — «Низшие растения». Мой предшественник за два семестра успел прочесть «одноклеточные» и ушел на пенсию (мог бы это сделать уже лет 30 назад), остались бесхозные «грибы». Ну какой же биолог не прочтет вводный начальный курс? Постараюсь сделать это наилучшим образом, чтобы и самому было интересно, и не разочаровать коллег. Возможно, с будущего учебного года предложат читать и дальше — водоросли, а там и лишайники...
— И ваши любимые Моховидные?
— О, Зоя! Мхи — Высшие Растения!
— Ой...
— Ничего, может потом найдется место и на кафедре Высших Растений...
Они смеются, он провожает ее до Биостанции, они держатся за холодные руки. Прощаются в распахнутых воротах.
— Давайте еще немножко подождем, Гурген Сарбазович... — говорит Зоя. И добавляет (ругая себя за робость): — Вы к нам придете сегодня вечером?
Асланян кивает.

Интересно, ботаник сознательно выбрал для новогоднего подарка восточный символ любви, неодолимой страсти, любовного томления?

В некоторых старых курсах в конце учебника прилагался раздел «Растения в поэзии, живописи, мифологии». Но так далеко авторы атласов и пособий не заглядывали. Мифология была одна — греческая, родная...
Ашока (Saraca asoca) — вид растений рода Сарака семейства Бобовые. Это красивое, небольшое, прямое вечнозеленое дерево, с темно-зелеными листьями, растущими плотными группами. Цветет с февраля по апрель. Цветы яркие, оранжево-желтые, в тяжелых, пышных гроздьях, краснеют при увядании.
Родиной ашоки считается Юго-Восточная Азия, разводят ее в Индии, Малайзии, Таиланде, Индонезии, Лаосе и Вьетнаме как декоративное растение. В дикой природе ашока все реже встречается в своей естественной среде.
(Не забывайте, что букет в руках у Зои — древнейший предок Saraca asoca!)

Дерево почитают за красивые красно-жёлтые соцветия и предполагаемые целительные и магические свойства. В переводе с санскрита название дерева означает «беспечальное и снимающее печаль», питьё воды, которой были омыты листья дерева, в Индии считается защитой от горя...
Священное дерево в традиционной индийского культуре, посвящённое богу любви Каме. Кама, индийский амур, оплетал гирляндами этих цветов лук и стрелы. При этом Ашока - символ чистой и невинной любви, страж девственности. Поди разберись...
Согласно Рамаяне, когда Сита и Рама находились в изгнании в лесу, асур Равана обманул Ситу, похитил и перенес на Ланку. Сита отказалась жить во дворце Раваны и осталась в саду под деревом ашока, тем самым спасла свою честь. Там ее потом разыскал Хануман. Рама, понятно, считал пребывание под под священным деревом достаточной гарантией верности и невинности своей жены, но индийские фарисеи, ханжи, потребовали доказательств. Сита, не колеблясь, вошла в огонь, и пламя бежало прочь от ее дыхания, пропитанного целомудрием. Видимо, свежий и влекущий запах цветов этого дерева навевает любовные мечты, но только о законном муже.
Гурген Сарбазович мог слышать эту историю в пересказе Даниила Андреева. Тот считал «Нежную Ситу» индийским воплощением anima mundi.

Буддисты считают Ашоку священным деревом, под которым родился Гаутама Будда, а позже под другим экземпляром этого же вида обрел просветление. Буддийские храмы стараются вырастить у себя это дерево.
Джайнисты верят, Махавира, основатель джайнизма, тоже обрел просетление под ветвями Ашоки, там и даровал почитателям основные принципы своей религии: никого не обижать, главное — не наступать на маленьких бедняжек, которые летают, ползают, бегают вокруг и пищат; поэтому джайнисты стараются ходить поменьше, а воду пьют через полотно.

Целых три религии! А еще был император Ашока, великий завоеватель, огнем и мечом насаждавший во всей Индии кроткую религию Будды. Кратчайший путь к кротчайшей жизни ведет через войну, простите плоский каламбур!

Вечером Гурген Сарбазович приходит в гости, в семью своей невесты. Дарит Зое духи. Выбрал по совету Юрковского — не самые роскошные, не самые чувственные, «изящные», так сказать. Мама считает, что он поступил в высшей степени тактично: среди друзей дома казался бы чудаком, и гости бы его стеснялись. А теперь — уютный скромный вечер, вчерашние пирожки разогрели, свечи на ёлке для детей зажгли, детям гость принес мандарины и настольную игру с кубиком и фишками. Поиграли немножко, с азартом, со смехом. Выпили грузинского вина, от вчерашнего пира осталась целая бутылка. Старшая, девочка Маша-Маруся, осталась со взрослыми, мальчик лег спать. Спели «ёлочку», потом - «землянку», и заговорили о войне... тогда все разговоры к ней сводились. Славный получился вечер. Славные люди собрались...

«За лесом деревьев не видно» — подумал Гурген Сарбазович, но не произнес вслух. Бывшие детдомовцы вряд ли хорошо знакомы с русским языком и его причудливыми оборотами. А что, собственно, означает исходная поговорка? Что за частными заботами не видишь свою главную проблему?
Справедливую мысль внушает профессору сплошная узорная шпалера из фантастически разнообразных листьев, сплошных и вырезных, глянцевых и пушистых, огромных и мелких, нежных и плотных, как картон. Гроздья цветов и плодов приятно отвлекают внимание от запоминания бесчисленных форм и оттенков зеленого. Загадочная жизнь позади занавеса дает о себе знать различными и очень странными звуками, не вызывающими представления о живых существах. Живыми кажутся, и то не с первого взгляда, огромные бабочки, медленно взмахивающие тяжелыми крыльями...
И всю эту первозданную роскошь видят только три наших современника! И один из них — ученый ботаник, в «свое время» не успевший повидать тропических джунглей, лишенный возможности сравнить даже общий взгляд на то же самое, но 50 млн лет назад. Ничего, африканские, индийские и бразильские леса еще так мало исследованы, что сравнение все равно не получилось бы...

Такой неправдоподобной роскоши в самом лесу не увидишь; на него надо смотреть со стороны, проплывая по реке, например, как наши отчаянные робинзоны. Ботаник решился, после долгих колебаний, повторить подвиг Дауге и Юрковского, с учетом их ошибок, с рациональными поправками... Как трудно было решиться... но отказаться он не смог. Вместе с мальчишками он поднялся на плоскогорье, посмотрел сверху на уютную бухту, где так славно и легко им жилось. Подготовился он основательно. Он раздобыл — не спрашивайте, как — складную байдарку, пронес ее по частям на территорию бывшего проекта, и теперь они в ней плывут, отталкиваясь бамбуковыми шестами, он на корме, Валентин на носу, Карик сидит в середине с веслом.
В оставленных мастерских — в полном порядке оставленных — он изготовил то, что показалось ему похожим на пресловутые романтические «мачете»: две узких полосы стали примерно по 70 см заточил на токарном станке, обмотал рукоятки кожаным шнуром; какие-то фанерные коробки, очень нескладные, от каких-то инструментов, приспособил вместо ножен. Предметы получились очень с виду опасные, но на пробу отлично рубили бамбук; срубленная под острым углом бамбучина тоже выглядела опасно, и предполагалось, что сможет работать копьем.
Много съестных припасов взять они не смогли, взяли жестяную банку сухарей и немного муки, рассчитывали на приобретенный навык охоты и рыбной ловли. Еда — что; страшно заблудиться... Компас профессор захватил, карандаши, прекрасную чертежную кальку на марле — была такая. Хоть какую-нибудь карту, хоть эскиз, сохранить на потом.
Какая карта, если ее нельзя привязать к настоящей, полной карте Земли, к ее градусной сетке, системе координат! Как бы определить хоть одну точку...
Параллель, худо-бедно, приблизительно он с ребятами определил, показал им школьный фокус, воткнул палочку примерно вертикально, померил несколько раз (примерно) тень, ну и угол с самой короткой тенью, как можно было догадаться, оказался примерно 30º. Тридцатая, словом, параллель. Меридиан много сложнее, и потом, где у нас Гринвич? Если бы предположить, что мы, например, на долготе Москвы, или Свердловска, или Иркутска — если мы вообще находимся в Восточном полушарии.
Решено: Нулевой меридиан у нас проходит через нашу Машину Времени, через две сковородки! Если бы мы зафиксировали время восхода солнца с точностью... с какой смогли, и смогли пройти равномерным шагом достаточное расстояние прямо и точно на Восток, вдоль береговой линии, она так и лежит почти вдоль параллели, уйти подальше и измерить опять-таки время восхода... целый градус мы вряд ли пройдем, дальше уже скалы и большой водопад.

Чушь. Вот если бы найти светящуюся пирамиду, которую видели первые испытатели... Гурген Сарбазович пытается отвлечься от непрерывно развертывающегося перед глазами все более роскошного зрелища. И одновременно разглядеть и запомнить каждую его деталь...

Невыносимо думать, что эта цветущая сложность существует миллионы лет, и никто ее не видит, не восхищается и не изумляется. Не пытается постичь законы, по которым живет и развивается это сообщество бесчисленных живых организмов. Дарвин вспоминал, что когда он впервые увидел с корабля тропическую чащу Бразилии, он чуть не упал в обморок. И до конца жизни не забыл могущественного и прекрасного впечатления. А ведь он видел только край леса, уже испорченный человеком, пригородные сады какого-то жалкого поселка. С тех пор люди на Земле еще много чего истребили, но и теперь влажные тропики — самая богатая, самая разнообразная, насыщенная жизнью до переизбытка зона Земли. И загадочная. В тропических лесах обитает две трети всех видов животных и растений планеты, многие из них — только здесь, и ученые думают, что миллионы видов животных и растений до сих пор не описаны...

Профессор вглядывается в цветущую стену слева; ему кажется, что протока, вверх по которой они осторожно продвигаются, отклонилась от желательного маршрута — на Северо-Восток. По его соображениям, по рассказу Дауге и Юрковского, восточнее должно находиться главное русло большой реки — они эту реку не пересекали; небольшие водопады рядом с местом их обитания — это, как ему кажется, частица обширного разветвленного устья. Впрочем, вымышленная река может обернуться болотом без конца и без края, на плоско каменном поддоне.
Вот, кажется, слева в сплошной завесе разрыв, наверно впадает ручей поменьше...

— Как хорошо, что ученые придумали Машину Времени, — рассудительно замечает вдруг сидящий перед ним Карик, — можно будет здесь все разглядеть, а потом полететь в еще раньше и увидеть динозавров.

— Знаю, знаю, тебе только и не хватает дино...

Вода в протоке вздувается горбом, подбрасывает байдарку, путники летят в воду и еле успевают заметить блестящий черный бок здоровенной туши. Кто-то огромный, гладкий, выскочил вместе с волной из-под лодки на правый берег, прорвал живую стену и скрылся за ее клочьями, громко топая и хлюпая...

Профессор ловит Карика, Валентин — байдарку. Течения в протоке не было и нет, никого не унесет, но дно тоже не прощупывается, и есть ли в этой оранжерее хоть какой-то берег, какой-то выступ твердой почвы? или хоть какой-то ствол, чтобы за него ухватиться и подумать — ну, например, один это кто-то был или их тут стадо? Разрывает или пытается раздвинуть пышный занавес, тот отклоняется и возвращается, липнет к лицу и руке, из другой руки вырывается Карик: в чем дело, он сам кого хочешь спасет, рядом Валентин удерживает байдарку и ловит шесты (они же копья) — ученый нащупывает ногой что-то вроде скалы — Карик уже вцепился во что-то, лезет вверх, оглядывается, как там учитель — и они, мокрые, облепленные какой-то зеленой лапшой, взбираются на уступ... на корень какого-то мощного дерева. Они — в храме, полутемном, с уходящими в незримую высь прямыми гладкими колоннами. Завесой храма, узорной, бархатной, парчовой, казались им бесчисленные эпифиты, облепившие ветви деревьев там, где на них попадало немножко солнечного света, где чащу разрезал водный путь.

Так выглядит настоящий, нетронутый тропический лес, где ростки деревьев, которым повезло обогнать в росте сверстников, растут затем ничем не стесненные, в полную силу, и

достигают своего естественного размера, до 60 метров. Наверху царственные великаны смыкают кроны, часто связанные между собой лианами или эпифитами.

Листья верхнего яруса, образующие навес, как правило вечнозеленые, обычно меньше размером и сильно изрезаны, чтобы уменьшить давление ветра. У деревьев нижнего яруса листья широкие, плотные, очень темные, они поглощают рассеянный свет, насколько могут. Если лиственный навес отсутствует или ослаблен, нижний ярус быстро покрывается плотной, почти непроходимой зарослью лиан, кустарников и небольших деревьев.
У деревьев необычайно тонкая гладкая кора (но иногда с острыми шипами), почки и бутоны у них не прячутся в кожистых чешуйках;
Основание ствола у многих видов имеет широкие, деревянистые выступы, похожие иногда на высокие деревянные перегородки (досковидные корни).
Цветы и плоды у некоторых деревьев образуются прямо на стволах и толстых ветвях. Причем и корни, и плоды на стволе (каулифлория) характерны вовсе не для каких-то особенных родов и видов — ими разные деревья обзаводятся по обстоятельствам.

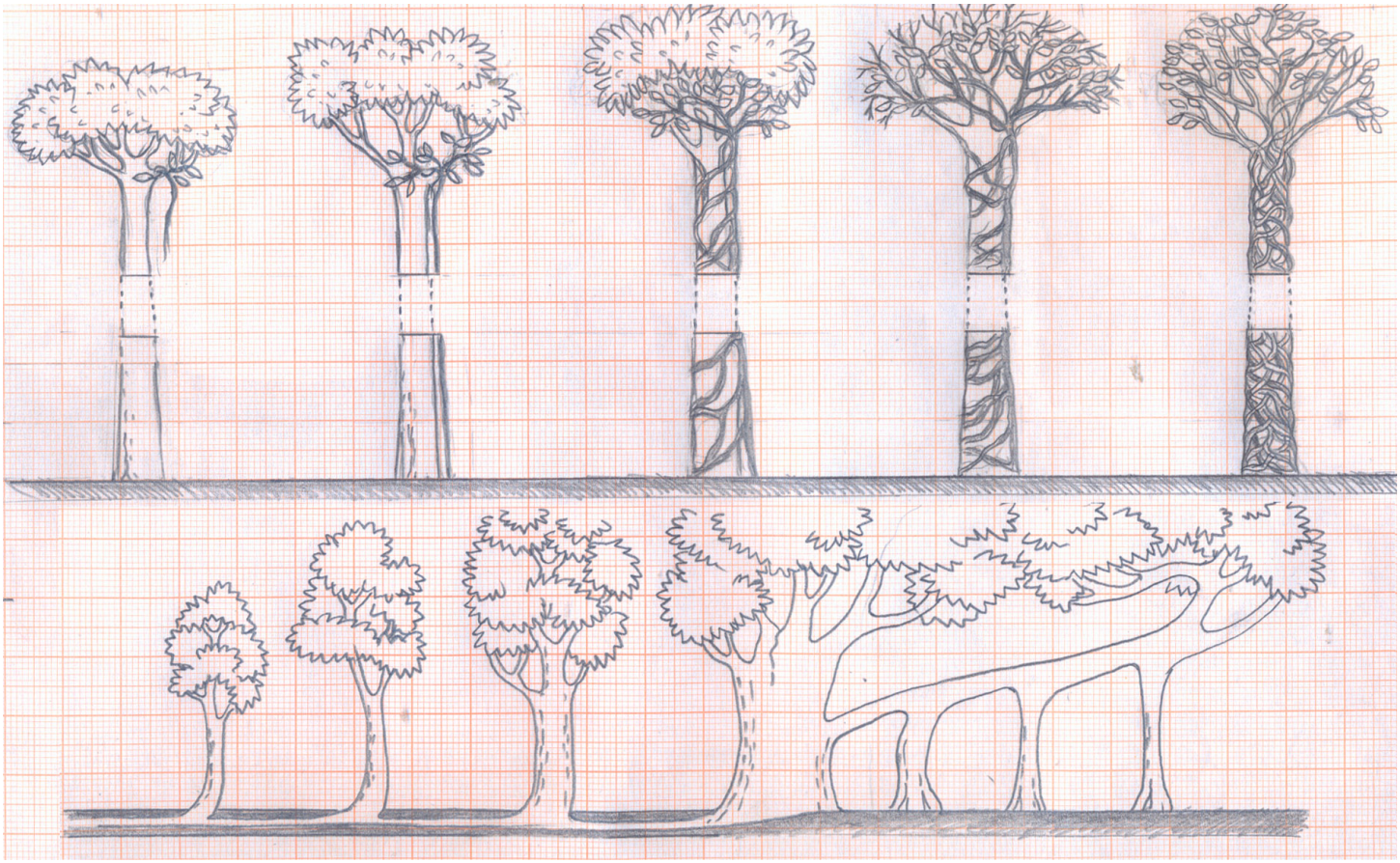
Кроны большинства высоких деревьев образуют более или менее непрерывный слой листвы — полог леса. Обычно высота этого уровня 30-45 метров. *Этот ярус самый плотный из всех существующих на Земле.*
По некоторым подсчётам, растения этого яруса составляют примерно 40-50 процентов видов всех растений планеты. Фауна схожа с верхним уровнем, но более разнообразна. Считается, что четверть всех видов насекомых обитает здесь.
Учёные давно подозревали о разнообразии жизни на этом уровне, но лишь недавно разработали практические методы исследования. Только в 1917 году американский натуралист Уильям Бид заявил, что «ещё один континент жизни остаётся неизведанным, не на Земле, а в 200 футах над её поверхностью, распространяясь на тысячи квадратных миль». Асланян когда-то прочел в научном журнале это сообщение, вздохнул и отложил мысленно в категорию «куда я никогда не попаду»...

Другие ученые попадут тоже не раньше 80-х, когда появились особые технические средства. Но они не попадут в то «тогда», где сейчас огорчается Гурген Сарбазович.
Ученый поднимает голову и видит над собой, метрах в 20, неизведанный континент, каким он был в незапамятные времена и каким, видимо, отчасти сохранился до середины XX века...

— Кто это был? — спрашивает Карик.
— Наверно, бегемот, — неуверенно отвечает Валька. Он видел картинки в учебнике географии.
— Бегемот гораздо больше, — профессор возвращается в объективную реальность, данную ему в ощущении. Все целы; цела ли байдарка? Рюкзак с продуктами? Мокрую одежду, пожалуй, стоит снять и выжать. — Палеонтологи говорят, в это время на Земле образовались довольно крупные млекопитающие, по образу жизни похожие на африканских бегемотов, — они так же много времени проводили в воде, но не стали их родоначальниками. Мне показалось, этот был ростом с колхозного быка. Рогов я у него не заметил; впрочем, это мог быть детеныш? Но тогда он вряд ли был один.
— А мы могли бы убить его своим копьем? — интересуется младший.
— Не думаю; у него должна быть очень толстая шкура. Африканские охотники нападают на них целым отрядом, с настоящими копьями. И зачем он нам? Если бы у нас был колбасный завод... Ну, раз уж мы остановились, в самом деле стоит поесть.

Устраиваются на скорую руку. Снимают майки и трусы, раскладывают на сухом месте (от обуви они давно отказались, по примеру Бейтса), ищут что-нибудь горючее. Если бы их сейчас увидели инопланетяне, превратившие планету в заказник, они поздравили бы себя с тем, что сохранили такое перспективное человечество. Какие образцовые экземпляры рода и вида — зрелая особь, юноша и ребенок! Стройные, сухощавые, легкие, ловкие, подвижные, с гладкой смуглой кожей, ясными глазами, как согласованно и умело они действуют, как понимают друг друга без слов, как дружелюбны их немногие слова!

Величавый Храм Природы, не замечающий присутствия чуждых существ — образец тропического леса в его высшем, совершеннейшем состоянии; его колонны, деревья, в расцвете силы и мощи, и поражают разнообразием. «Патриарх лесов», по корням которого, как по крутым ступеням, они вступили в чертог, колонной в три обхвата возносит к невидимому небу плотный темный купол. Под сенью этого купола не пробивается ни один живой росток; только нижние ветви его, обращенные к протоку, несут на себе целые заросли мхов, папоротников, листьев, лишайников, цветов и свисающих корней; под ними, верно, обитают, живут, рождаются, умирают бесчисленные живые существа. Ребенок с воображением представил бы себе там королевства лилипутиков...



На почтительном расстоянии высятся тонкие стройные стволы без ветвей, на удивление тонкие, с тонкой шелковистой корой, или опадающей корой, или корой ярко-красного цвета с пятнами лишайников; тут могли быть пальмы или древовидные папоротники. Роща не кажется густой, в ней не было подлеска, только мягкий, почти по колено, ковер из нежных папоротников и плаунов на толстой подстилке из растительных остатков.
Никакого движения не было между деревьев, ни на земле, ни выше. Крики птиц доносились сверху, но далекие, как сквозь мягкую преграду; путникам казалось, что их слова тоже звучат глухо, и они старались говорить меньше, только самое необходимое, вполголоса...
Костер нужен был только для того, чтобы скипятить воду и заварить чай.
Они пьют его с сушеными плодами, взятыми с собой, и сухариками. У них оставалось еще немного орехов. Дальше предстояло добывать себе пропитание по пути. Очень хорошо было бы, как все понимали, найти хлебное дерево, но удастся ли?

Ищите фикусы! Ищите большие толстые деревья, на стволах которых снизу доверху, и на самых толстых ветках, прямо из коры выступают булки, плюшки и конфеты, а также целые караваи, буханки, батоны и куличи — как на том дереве, что было недалеко от их лагеря. Не может быть, чтобы здесь такого не было. И наверняка попадутся другие фикусы с другими фруктами. В дождевых лесах плоды фикусов — основная часть корма ящериц, млекопитающих и птиц, листья и древесина — насекомых. А если дерево растет над водой, у корней его крохоборничают стаи рыбешек, а за ними приплывают рыбы покрупнее.
Фикусы — это удивительный род растений. Огромный род, больше тысячи видов, очень древний, плотно населивший теплые и жаркие зоны планеты, приспосабливаясь к различным условиям, развивая у себя всякие интересные приспособления, варьируя формы различных органов, их строение, размер и число (как скажут позже, хромосомные числа и химический состав). Варьирование признаков в роде фикусов больше, чем у остальных родственников семейства (между прочим, семейства *крапивных,* в котором ближайший родственник фикуса — *тутовое дерево*).

Фикусы господствуют в тропических лесах, они формируют их типичный облик: мощные колоннообразные стволы венчает вечнозеленая крона с жесткими блестящими листьями, иногда опушенными. В основании ствола «контрфорсы», дисковидные корни образуют выступы до трех метров высотой...
А ведь многие фикусы начинают жизнь как скромные приживалы-эпифиты, где-нибудь в развилке ветвей дерева совсем другой породы...
Иногда фикусы разрастаются в виде лиан, и тогда в этот лес не войдешь. Прорубиться сквозь это объемное макрамэ толщиной в руку спортсмена невозможно, оно упругое, недаром из фикуса-гевеи получали каучук.

Многие фикусовые, рассказывает профессор, очень пригодились людям нашего племени этак лет за пять-шесть тысяч до нашего с вами рождения. Вы вряд ли пробовали инжир...
Валентин пробовал. Когда жил в Алма-ате у брата, к празднику апа приносила иногда с базара, но как они растут, он не видел, а шелковицу видел на деревьях в палисадниках. Ему не очень понравились, вишни и абрикосы и яблоки вкуснее.
Уж на что фикусы выдумщики и фокусники, но смоковницы такое учудили в смысле размножения, что нарочно не придумаешь. Ученые только в XIX веке разобрались; а древние садоводы и не пытались разбираться, но умели пользоваться и управлять процессом. Можно представить, как первобытная человеческая семья добредает до могучего дерева, на котором висит еда большими гроздьями, поселяется под ним, ест ягоды (т.е. совсем не ягоды), ловит птиц и крыс, которые зарятся на сочные плоды, развивается и стремительно умнеет, потому что мозгу необходимо сладкое. Вот вам и колыбель человечества... к слову, вполне люди могли подвешивать колыски с младенцами на ветви материнского древа.
К слову, многие исследователи считают, что библейское «древо жизни» было как раз смоковницей, а не ялоней или там гранатом... О чем спор? Ах да, дети ведь не слышали про Адама, Еву и Змия...

И ученый откладывает на потом описание «чуда растительного мира» — *сикониев*, соцветий смоковницы, и неразрывного симбиоза мощного древа с исчезнувшим видом, да нет, семейством насекомых-опылителей, крошечных ос-агаонид. Когда-нибудь он прочтет лекцию на эту тему, и мы поместим ее в «Приложения». Тем более что мы на эту тему когда-то рисовали иллюстрацию и во всем разобрались.
Другое изобретение рода фикусов уже не такое гуманное. Вернее совсем не гуманное. В некоторых странах фикус — символ коварства и предательства. В других он священный...
Главная задача у дерева в лесу, в нашем лесу тоже, у наших сосен и елок — вытянуться как можно выше. Очень трудное занятие, требует огромных сил, непрерывного напряжения годы и годы. Тянуться вверх, за солнцем, и при этом под землей расширять корни, высасывать воду и химию и непрерывно производить стройматериалы. Некоторые устроились проще.

Птичка заносит семечко фикуса на ветку дерева среднего яруса, туда, где ветка отходит от ствола. Вы, конечно, помните, что такое счастье выпадает одному семечку на миллион? Из этих счастливчиков, одному из сотни тысяч, удается прорасти, выпустить листики, стать маленьким таким пушистым фикусеночком. Он растет, никому не мешает, пьет дождевую воду и росу, как папоротник какой-нибудь... Он же эпифит, не паразит, он из дерева-хозяина соки не тянет! Он выпускает маленькие воздушные корешки, впитывает влагу из воздуха. Так он и проживет в среднем ярусе, если у его дерева нет великанских замашек.
Если же оно стремится любой ценой стать вровень с хозяевами жизни, вместе с гигантами (фикусами в том числе) пробиться к пиршественному столу, где солнца — вдоволь, вместе с ним наверху окажется наш фикусенок...

На открытом месте его придаточные корни достигают земли и разрастаются в мощные колоннообразные опоры для будущей огромной кроны. Они плотно оплетают ствол дерева-хозяина, как бы предохраняют его в случае плохой погоды. Такие деревья чаще выживают во время шторма. Но развиваться дерево уже не может, ствол его во многих местах охвачен и стиснут «душителем» и отмирает. А фикус-удушитель образует новые побеги, из них зарождаются воздушные корни; пока они еще тонки, но, развиваясь, достигают земли, укореняются и быстро развиваются, увеличиваются в диаметре до нескольких метров. Новые стволы дают новые побеги, и этот процесс не прекращается, повторяясь снова и снова. Со временем одно дерево постепенно превращается в настоящий сказочный лес, занимающий несколько гектаров — это *фикус-Баньян.*

Баньяном называют уникальную форму жизни этого растения. Это удивительное дерево напоминает сказочного исполина и похоже на дремучий лес из множества стволов... однажды в таком лесу поместилась вся армия Александра Македонского.

Наши путники пробираются (по возможности) в избранном направлении. Водные пространства они пересекают на байдарке. Это не те лотосовые болота, к каким они привыкли, скорее это разлившиеся протоки, из воды выступают кусты и небольшие деревья. Течет ли куда-нибудь эта вода, в реку или в море, понять не удается — она неподвижна. Через водоразделы байдарку переносят на себе.

Хлебное дерево, *артокарпус гетерофиллус*, они нашли по запаху карамели, на который издали стремились опылители, мухи, осы, ящерицы, заодно подкреплявшиеся у корней опавшими плодами. По дороге убили зазевавшего молодого крокодила — пригодилось бамбуковое копье. Ненастную ночь провели под байдаркой. Непроницаемые для солнечных лучей лиственные купола не защищают от дождя: посмотрите хотя бы на лист домашнего фикуса: он гладкий, плотный, посредине у него ложбинка, а кончик вытянут и заострен, словно у молочника. К счастью, сильные дожди еще не начинались.

Там, где лужа соединялась с протокой, приходилось двигаться внутри растительного тоннеля, иногда пригибаясь под низкими арками рухнувших деревьев, висящих на плотных сетках лиан; другой раз они переходили поток по такому мосту, и здесь не обошлось без фикуса; он удушил дерево в своих объятиях, но и сам не устоял на подмытых корнях. Прицип корзины — неплохая строительная идея, но башня с контрфорсами продержится дольше.
Пожалуй, пора и возвращаться, думает профессор. На всю экспедицию он положил неделю. Всякие задержки неизбежны. Пора назад, довольно мы видели удивительного и чудесного... (а сердце твердит: не довольно... может, это последний раз...)
Темный коридор, по которому они идут уже второй час, открывается внезапно, словно вспыхнуло зеленое пламя. Тропа и ручей пересекаются, расступаются деревья, и посредине высится та самая корзина, о которой думал профессор, с трехэтажный дом, как минимум. Корзинная башня похожа на шахту лифта или устой подъемного крана; впрочем, ребята, кажется, ни того, ни другого не видели. Первое, что им приходит в голову — взобраться повыше. Лазать по деревьям для них любимый аттракцион, они опытные лесные жители, знают, что в кустах под деревом, в коре, на ветках могут поджидать ядовитые, колючие и кусачие твари, подступают к стволу с оглядкой, постукивают по нему палками, шевелят у корней. Гурген Сарбазович подходит с ними, смотрит вверх. Давно ли он мечтал о такой лестнице в высшие сферы... подняться и посмотреть изнутри в кроны деревьев, как в кустарник: кто там живет, прячется, гнездится, охотится... звуки сверху доносятся разнообразные.
Мальчишки уже лезут вверх, он взбирается за ними, подавая полезные советы — смотреть, куда ставишь ногу, куда кладешь руку. Карен уже нашел просвет и нырнул внутрь, придерживая мачете. С новым оружием дети готовы не расставаться даже во сне, даром что ножны здоровенные и неуклюжие. Теперь он так же ловко цепляется и взбирается изнутри, издавая довольные и восхищенные звуки...

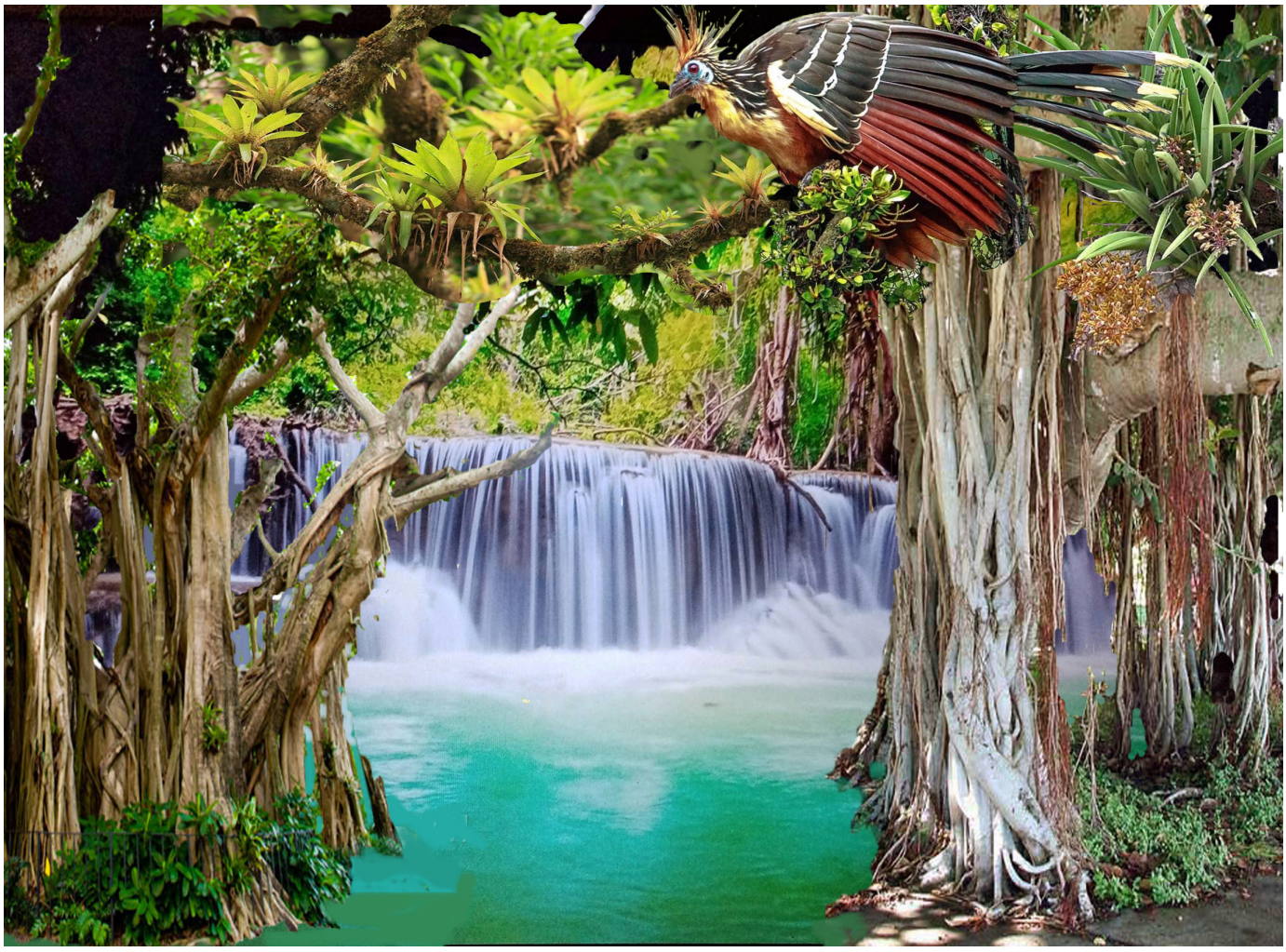
Профессор даже не пытается сравняться с ним, только следит; мальчишка уже на уровне третьего этажа, метрах в десяти от земли.
Вот какая-то тварь, размером с белку, шмыгнула от него и помчалась вверх, а потом сразу вниз, испугавшись: там, выше — Валентин. Когда же он успел?.. Как матрос по вантам. Достаточно ли надежны переплетенные корни, или ветви, прутья гигантской корзины? Устойчива ли вся колонна? Они видели такие же, лежащие на земле, заросшие хищными травами. Смешно остерегать ребят, не так же ли, или гораздо больше, рискуют они, когда он их не видит — и не видя, вдали от них, тоже боится за них.
— Карен, не увлекайся, — негромко окликает он.
В ответ — возглас кого-то из ребят, резкий птичий крик и хлопанье крыльев. Они спугнули кого-то, большого, может быть там гнездо?!
Громко, резко кричит птица, звонко кричат ребята, все они уже там, в листве — мелькает глянцевое синее оперение. Где они, внутри, снаружи? Ни за что не успею, думает профессор, и тут внутри ствола перед ним падает что-то большое... сердце обрывается. Нет, кажется, наверху все четыре ноги... только руки ослабели. Мальчишки, звонко перекликаясь, спускаются, Карик по внутренней стороне. Что-то ищет внизу. Вытаскивает и передает Вальке наружу здоровенную змею с полуотрубленной головой. Юноша только что спас невинных пташек от коварного пестрого удава. Наверху слышно успокоительное кудахтанье. Затем, медленно кружась, на траву падает большое ярко-синее перо...

Ночью, у костра, путники едят жареное на прутиках змеиное мясо, удивительно вкусное.
— А знаете, — начинает ученый, и ребята уже знают, что это вступление к лекции, — что почти у всех народов есть сказка, а раз она у всех, значит очень древняя, — есть сказка, в которой герой находит птичье гнездо с птенцами, и этих птенцов хочет пожрать дракон или страшный змей... герой убивает дракона, и тут прилетает мать этих птенцов, волшебная птица Симург. И в благодарность она обещает отнести героя, куда он пожелает. Вот если бы тебе предложили полететь, куда угодно, ты бы куда пожелал?
— Я бы полетел туда, где мой брат Ожарбай, — сдавленным голосом произносит Валентин. - Мын агам Ожарбай — батыр, он всадник, герой, он воевал...
Если в дальнейшем выяснится, что батыр Ожарбай Жантасов тоже воевал у Доватора, я не виновата. Просто сделаю в приложении главу про Доватора, когда-то про него книгу читала.

Какой умница, первая мысль ботаника. Вторая мысль: в Москве сейчас зима.
— Если ты всерьез этого хочешь, — говорит он, — займемся этим немедленно. В Москве сейчас конец февраля... или уже начало марта? Может быть мороз и снег.
Ребята смотрят на него во все глаза.
— Мы можем подождать месяц... — неуверенно произносит Карик.
— Нет, — словно отрубает наставник. — Такие важные решения откладывать нельзя. Вас надо одеть. То, в чем вы сюда попали, сохранилось, хоть в каком-то виде?
— Мы тогда все выстирали и высушили, потом все немножко порвалось, но мы чинили, а потом вы нам приносили хорошее. Но мы и то сохранили.
— Что-то уже есть. У меня при лаборатории кое-что есть: я приходил, переодевался, что-то оставлял. Старые полуботинки есть. И кстати резиновые сапоги, я их принес, чтобы ходить на биостанцию. В чулане при констукторском бюро кто-то оставил прозодежду, кажется комбинезон. Там вроде еще полотенце было, кажется штора... живем!
Мальчишки повеселели. Неужели они уже давно мечтали домой? То есть... ну, *туда...*

Выйти из нашего лабиринта, кажется, теперь проще. Охраны меньше, проверок. Прожектор не всегда включают; с собаками давно не обходили. Еще один лаз там... мне показали. Так что вылезаем в лес и бежим на биостанцию, директор звонит в детдом...

— Нет, Гурген Сарбазович, — твердо и как-то сурово перебивает Валька. — Не надо вам с нами показываться. Вам пришьют потом содействие, укрывательство и все такое. А ваши друзья на режимном заводе работают. Нельзя.
— Не могу же я вас бросить, ребята, что вы?
— Не бросите. Выпустите нас и возвращайтесь, и даже сразу не выходите. А мы прямиком в детдом. Вы говорили, новый директор хороший. Да хоть в милицию.
«Слышу речь не мальчика, но мужа» — всплывает в голове ученого, но он говорит: Нет-нет, этого я не могу допустить.
— Гурген Сарбазович, — говорит старший, словно вообще старший. — Я не беспризорничал, но сколько слышал от них! Мы такой ро́ман сплетем, уши завянут, руки отвалятся записывать! Мы с Карькой добрались до Казанского, на товарном, на крыше, в пассажирском, туда-сюда, по вокзалам, клянчили, работали. До казахов доехали, от юрты к юрте, родных искали, работали, нас кормили, вон Карька по казахски говорить научился, сколько слов знает... от казахов к русским, от русских к немцам, к чеченцам — нас все привечали, — и Валентин окончательно переходит на казахский. Они с младшим живо изображают сценки с непониманием на трех языках... очень смешно.
— Вы, Гурген Сарбазович, очень нам поможете, е сли что, — он становится серьезным. — С Карьки какой спрос, а меня, если решат в колонию —вы попросите директора заступиться. Мне уже и по возрасту... надо паспорт получать, работу искать...
Значит, они давно готовились...
— Пока на том и порешили, — говорит Асланян. — Тогда пойдем.
Они уходят, затушив костер, собрав остатки еды. Им надо выйти на вторую ступень плато, там лес пореже и посуше, там они смогут повернуть к себе, на Запад и на Юг, в сторону моря. «Я могу этого всего никогда больше не увидеть», — думает ботаник. Откуда такое предчувствие? Он не знает. Мальчишки идут веселей.



Возвращение беглецов на свое место и *в свое время* могло бы стать замечательной детской книжкой 50-60 годов, если бы кто-нибудь выслушал внимательно их рассказ о странствиях и приключениях. Эта эпопея существовала в двух вариантах: сентиментальном — это то, что выдавал Карен одноклассникам и соседям по койке, о том, какие добрые люди попадались им в пути, как их подвозили на поезде и на верблюде, позволяли ночевать на вокзале, на базаре и в мазаре, кормили лепешками и т.п. — настоящий плутовской роман у Вальки. Он, впрочем, не снисходил до своего окружения: ремеслуха, что они видели... а вот Карик стал знаменитостью, на него приходили посмотреть... как-то учительница на уроке попросила рассказать всему классу. Он выдал потрясающий сюжет про Новый год в пастушеской юрте, в буран.

Сначала немного о том, как это водворение состоялось.

Два замерзших оборванца выбрались из леса в село Богородское и направились к своему пристанищу, к той самой тюрьме, из которой сбежали куда глаза глядят. Дом стоял заколоченный, с вынутыми рамами, выбитыми стеклами. Они знали, что учреждение закрыли и переселили, хотели спросить прохожих, не знают ли, куда именно. На этой улице прохожих не было, на соседних тоже было безлюдно. Где-то на углу яростно спорили два ветерана, уже тянулись до морды... Те, кто встречался, или озабоченно спешили, или опасливо шарахались от Гавроша с его подопечным. Было пасмурно и холодно, ветра не было, где-то во дворах заплатками лежал грязный снег. Как будто тревога нависла над тихим поселком. Но им и самим было страшновато.

Ребята вышли в центр, такой же безлюдный. Милиции не было. Прошел трамвай в одну сторону, почти пустой, в другую. Наконец Валька решился. Из универмага вышла бабка с кошелками в каждой руке. Он попытался сжаться — он был выше ее — и сказал по возможности пискляво: тетенька, где здесь детский дом?

Тут он заметил, что старухино лицо залито слезами. Слезы у нее бежали из глаз ручьями, падали на ветхий воротник пальто. Она поставила кошелки на землю, вытерла лицо рукавом, достала из одной сумки батон, разломила и половину отдала ему.

— Сиротки вы мои, — причитала она при этом, — что теперь с вами будет... что с нами со всеми-то будет... ох, беда... как жить теперь будем?

Валентин поступил, как и следовало бездомному: разорвал хлеб пополам, половину отдал Карьке, половину запихнул в рот. Хотя только что завтракали печеной рыбой и фруктами.

Адрес детдома она им сказала, показала куда идти, и еще сама пошла провожать. Валька предложил поднести ей сумки, но она отказалась. По пути два раза останавливалась поговорить со встречными женщинами, и разговоры были о том, что в магазинах очереди и ничего нет, вот она достоялась, взяла картошки и хлеба. Что дальше-то будет, ох-ох, скоро совсем ничего не достанешь...

Детдом помещался теперь в здании бывшей школы, на окнах первых двух этажей были решетки, входная дверь заперта, на стук не отвечали. Старуха не бросила мальчишек, пошла с ними к заднему входу, там наконец открыл сердитый сторож, незнакомый. Мрачно выслушал начало истории, махнул рукой, сказал: пойду спрошу... запер дверь и ушел. Бабка тоже ушла. Ребята стояли, ожидая появления милиции: наверно, сторож пошел звонить. Но через час примерно дверь открылась изнутри, выглянул еще один незнакомый, позвал их внутрь, повел по коридору, спросил имена — он про них слышал; директора нет, он уехал; никого никуда не выпускают, занятий в школе нет, когда что-то скажут — неизвестно. Незнакомец оказался завучем, ничего решать не мог, но сообразил правильно: беглецы вернулись, с этим надо будет разбираться, но пришли они откуда-то, где могли заразиться чем угодно, набраться насекомых, и место им — в карантине, тем более лазарет пустует, врач и медсестра на месте. Врач был новый, медсестра прежняя, она подтвердила личности двух межзвездных скитальцев и сразу ими занялась: велела раздеться, одежду и обувь сложить в мешок и мешок завязать, сама к нему не прикоснулась и потому не заметила, что обноски на детях были целые, чистые и добротные, и ни одной-одинешенькой вошки на них не было. Мешок унесли в кочегарку, ребят отправили мыться с головы до ног (ледяной водой), потом она сама их остригла наголо машинкой; уложила в чистые койки и ушла на кухню просить, чтобы повар выкроил в обед две лишних порции.

Пока все идет хорошо. Вдруг так все и дальше будет, без милиции, без допросов? Ожидать следует, конечно, неприятностей, быть к ним готовыми, но пока всем явно не до них.
Что-то происходит странное. У медсестры глаза заплаканны. Взрослые, слышно было, встречаясь в коридоре, разговаривают коротко и негромко; куда-то протопали младшие, воспитатель резко обрывал болтовню. Кто-то ясно произнес те же слова: что же будет?

Может, здесь говорят про свой детдом, может его закрывают, всех выгоняют, может кого-то посадили — но та старуха почему?
Мальчишки, вытянувшись под одеялами, пытались потихоньку развлечься, вспоминали разные случаи в *той* жизни, походы, охоты, птиц, крабов, или что говорил Гурген Сарбазович; начинали разговор, переходили на шепот и умолкали, ожидая чего-то.
— Вдруг у них война? — испуганно предположил Карен.
Валька нахмурился. Он прислушивался — в прежнем доме в вестибюле обычно вещал репродуктор, его было слышно и на лестницах, и в коридорах. Здесь он ничего не слышал, или слышал какую-то музыку. Пока никого не было, Карька подошел к столу, за которым сидела сестра, нет ли на нем газеты, но на столе был только стакан с термометром и стеклянными палочками и перекидной календарь, на календаре дата — 5 марта. Да, они еще там разговаривали, что зима наверно кончилась. Они старались вести календарь, наставник, появляясь, его уточнял, но в походе они отвлеклись. Послышались шаги, он юркнул в постель, дверь открылась, вошла сестра, донеслась та же странная музыка. Сестра принесла им на подносе две жестяные кружки пустого чая, поставила на тумбу между кроватями и села к столу. Достала какие-то тетрадки.
— Светлана Сергеевна, — осторожно спросил Валентин, — что-то случилось? Мы последнюю неделю в товарных или на полустанках, ничего не слышали. Война?
Женщина уронила лицо в ладони и всхлипнула.
— Может и война будет. Все может быть. Сегодня умер Иосиф Виссарионович...

Гурген Сарбазович обещал детям, что выйдет и покажется в своем времени не раньше, чем через три дня... скажем, через двое суток и одну ночь. Как он это выдержит, он представить не мог. Сначала еще надо было решиться нырнуть опять туда, в эоцен — это тоже получилось не сразу. Первые шаги от аппарата в сторону убежища дались мучительно. Потом он вспомнил, чем хотел заняться, и поспешил.
Профессор думал просмотреть и разобрать накопленные материалы, гербарии, зарисовки. Что с ними делать, где хранить, он подумает потом.
Сколько же они успели! Какие молодцы, как они запоминали его указания, как разумно, интересно отбирали экспонаты! Некоторые растения были для него новы, не говоря уж про бабочек и жуков. Когда он приходил сюда, ребятам хотелось одновременно показать ему свои находки, открытия, и отправиться дальше, в новую экспедицию. Проблемы существования тоже ведь заботят. Вот теперь он видит, как хорошо они потрудились. А как хорошо рисует Карик! Валентин тоже рисует с пониманием, точно передавая существенное; но у младшего рисунки изящнее, убедительнее... Еще они вели отдельные дневники, каждый свой — так он им посоветовал.
Надо вынести для начала хотя бы часть и тщательно-тщательно спрятать, не попались бы вдруг на глаза специалисту...
Так и провел ученый бóльшую часть условленного срока. То и дело он срывался с места, оставляя ботанику, его так и тянуло на берег, к тарелкам; как будто там могло что-то произойти. Разве что выползло бы на берег чудо морское. Ночью он особенно не находил себе места, бродил по берегу, доходил почти до мангровых зарослей. Луна светила как прожектор, из-под ног выскакивали крабы и лягушки, хор насекомых заглушал тихое бормотание прибоя...

На третьи сутки он, если быть точным, должен был дождаться полудня. Но не дотерпел. Уговорил себя, что побудет еще пару часов на территории проекта, в заброшенных складах. Сначала прислушается: если их секрет вышел наружу, там могут быть люди, искать чего-нибудь — его, конечно, в первую очередь.
Он постоял немного внутри своего безотказного магического аппарата. Тишина неподвижного воздуха в замкнутых стенах оглушала, как всегда по возвращении. Он шагнул на пол, обошел аппарат, покосился в угол, где у него был потайной проход в конструкторское бюро (для криминалиста средней руки — Бранденбургские ворота), решил наведаться туда, приискать место, где прятать секретные научные сокровища. Не там, решил, где хранится мешок с «книгой» оригинального букиниста. Тут ему пришло в голову заняться небольшой уборкой: очень уж легко средний криминалист отличит, где пыль месячной давности, а где двухлетней. Он нашел в подсобке порванный комбинезон, ведро, набрал воды в санузле, который забыли отключить, и листом тонкой фанеры метр/на метр свез к одной стене толстые пласты пыли. Теперь они выглядели как свернутое одеяло.
Затем он долго, старательно счищал пыль с себя, хотя на нем и был рабочий костюм («натуралиста на Амазонке» - бесформенную рубаху с длинными рукавами и широкие штаны ниже колен он надевал *«там»...)*.

И решился наконец выйти «из бункер» и старательно, с разными хитростями, запереть за собой дверь. Огляделся. Старательно расслабился, легкой походкой направился к выходу. Еще полчаса, и на станции можно будет позвонить по телефону... нет, лучше не надо. Как-нибудь иначе навести справки... Главные ворота, в кармане ключ от маленькой калитки.

С правой стороны, если подходить с территории базы, бывшая проходная или сторожка, давным-давно закрытая, за грязными стекла еле мутнеют занавески, дверь давно ссохлась в одно с косяком — и эта дверь полуоткрыта.
«Попались... их держат здесь и допрашивают...»
Ученый сворачивает к двери, спокойно открывает ее и переступает порог.

На него смотрит револьверное дуло.
В мутном безжизненном воздухе полутемной комнаты стоит человек, которого он как будто знает, но притом совсем не знает.
— Что вы здесь делаете, Федор? — растерянно спрашивает Асланян и одергивает себя: сейчас ему скажут: здесь я задаю вопросы.
— Вы зачем сюда пришли? — гневно спрашивает знакомый охранник; он кажется теперь лейтенант, но форма на нем не армейская или вообще не форма.
— Эта дверь всегда была закрыта, я удивился и решил заглянуть.
— Вечно вы, штатские, лезете куда не просят! — охранник чуть не в ярости, губу закусывает. Револьвер он опустил. — Теперь останетесь здесь, пока он придет.
Не надо показывать, что я уже чувствую себя арестованным. Демонстрировать опыт. Рассеянный профессор... полный идиот, вот кто я. Зачем было соваться в эту дверь...
— Почему вы так грубо разговариваете, товарищ... вы ведь теперь лейтенант, офицер? Если к вам должен кто-то прийти...
— Он к вам должен прийти, господин ученый академик! — и Федор разражается хохотом. Пьян. Или ненормален. Неудивительно, что я его не сразу узнал: совсем другой человек. Гораздо старше, чем казался. Значит, это оказался именно он; почему бы нет? Постоянно в контакте... или следователь конторы, виртуоз? Или садист.

Помещение совсем небольшое. Здесь наверно приказчик, конторщик, хозяин — записывал полученные и отправленные товары. По стенам полки, даже пара пухлых гроссбухов. За спиной Федора очень старый конторский стол, за столом — взломанная стена, расщепленные черные доски, кусок кирпичной кладки, провода. Там совсем нет света. На столе какие-то предметы... кажется еще один револьвер.
Засыпались. Проект или мальчишки? Как бы выяснить?

— Научная комиссия? — спрашивает ботаник. — Я не в курсе. Работал в лаборатории, задержался.
— Вот и сидели бы в своей *лаблатории* (намеренно, значит, всегда коверкал), я бы приятеля вашего и без вас отлично принял! А то, значит, письмо написал, пригласил, а сам в норку!
Профессор поднимает брови, подчеркнуто изображая изумление. Он и в самом деле давным-давно не писал и не отправлял писем. Загадочный охранник веселится.
— Не писали? Ясно, не писали. Я сам написал. Знаю, где у него узел связи, у друга вашего, переплетчика. Книжечки он вам доставал, интересные...
Вот оно что.
— А вы, скажете, и не знали? С царским генералом разговаривали про мышку-норушку, рубль платили, а что у него орденов чемодан, золотая сабля, не похвастался? Ишь какой скромный, Махов наш Михаил Михайлович. Так знайте теперь, а я давно знаю.
Бывший «сержант из деревенских» нервничает, не хочет этого показать, повышает голос и успокаивается, поглаживает и осматривает пистолет. На своего пленника не направляет.
Гурген Сарбазович не изображает больше удивления, смотрит немного устало, иногда чуть в сторону, с видом «я-то тут при чем?», но ему кажется, что его качает от сумасшедших ударов сердца. Вот оно что. Все знают. Или... или не все?
— Поздравляю вас, това...э...лейтенант. Вы разоблачили опасного врага народа и готовитесь его арестовать. Вам, наверно, дадут орден и новое звание.
Он говорит это спокойным бесцветным голосом.
— Повидимому, я считаюсь соучастником. У вас, должно быть, где-то рядом подкрепление, если враг такой опасный.

— Плевать я хотел на народ, — произносит этот странный тип, — и на вас, очкариков, все вы враги, вас и берут по одному и целыми компаниями. Чем больше, тем лучше, а мне плевать. Он мой враг! Мой личный злодей, он моего отца убил. Я его никому не отдам, сам возьму.
Он начинает задыхаться, чуть не всхлипывает.
— Мой отец был честный сотрудник органов, он жизни не жалел, он с Махно воевал, с Деникиным, Врангелем. Продразверстку проводил, страну от голода спасал, сколько в него бандиты стреляли! Он свой высокий пост заслужил! В тридцать девятом он был уже майор, он с командой в Москву поляков вез, перебежчиков, с ними и этот был, отец его знал, в одном дворе жили. Русский, с поляками!
Он снова всхлипывает. Овладевает собой. Хоть бы револьвер положил, выстрелит же себе в ногу, или мне.
— Отец меня взял в Москву. Хотел устроить в ВУЗ или в ЧК. Вызвал меня в тамбур и Махова вывел, показал мне его. А как я ушел, Махов его и свалил. И сбежал с поезда, и не один...
Профессор слушает эту историю во второй раз. Лицо у него каменное.
— В Москве отца расстреляли...
Неистовый мститель собрал волю в кулак и задавил истерику. Дальше говорит чуть иронически.
— Вы все плачетесь, жалуетесь, того у вас посадили, того в лагере уморили. Нас больше! На каждого вашего хлюпика — наших десяток, и рядовых, и начальников, и главных! Боялся он, что мы власть заберем себе. Давно пора! Ну вот теперь посмотрим... А этого я сам... Сам его выследил! Думал, сгинет в войну, молился, чтобы уцелел. Вот сейчас, минут через двадцать-полчаса, вот мы и поговорим по душам. Никто и не знает, что я здесь, что я в Москве даже не знают. Вас-то, что вы боитесь, я отпущу: задержал, чтобы вы его не предупредили. А там — хотите, болтайте, мне плевать.
— Извините, Федор, я одного все-таки не понимаю. По-вашему, это такой матерый зверь — почему вы думаете, что он явится на какое-то якобы мое приглашение?
Мститель разражается хохотом.
— Прибежит! Я же там написал, что с внучкой его беда может...

Что-то со стороны двери чуть толкает Асланяна, потом он соображает, что же увидел: увидел спину крупного человека в неистовом вихревом движении, слышал омерзительный звук удара по телу, потом грохот, что-то валится в пробитую стену — и рядом с ним оказывается человек, ну да, тот самый букинист, в форме дорожного десятника. Он потирает левой рукой правую кисть, ребро ладони. Потом ощупывает правое плечо.
— Выбил сустав, похоже, — говорит он озабоченно, и тут же поправляет себя: — извините, Гурген Сарбазович. Пришлось при вас.
— Я видел, как бьют людей, — сухо говорит ученый. — Но не так эффективно. Вы его убили?
— Надеюсь. Она мне не внучка, Гурген Сарбазович,
— Надеюсь, вы не подумали, что я вам писал?
— Ни на секунду. Они иногда не так глупы, но никакого чувства стиля.

Мститель-неудачник перелетел через стол и свалился в пролом, одна его нога торчит над краем стола.
— Я здесь давно, видел, как он явился. Тут вчера и третьего дня что-то долбили. Взломали пол, открыли вход в подземелье. Как я вас прозевал, пропустил в засаду?! Услышал уже ваш разговор и стоял, слушал. Вас кто-нибудь сегодня видел?
— Я провел в закрытой лаборатории несколько дней. Вышел и шел к воротам.
— Увидели открытую дверь и заглянули? Какой риск для вас. Надо что-то делать.
— А для вас?

Легкое пожатие плеч. Убийца отходит к столу, стол стоит криво, одна ножка подломилась. На столе натюрморт. Безумец нашел клад?
— Вы здесь ничего не трогали, Гурген Сарбазович?
— Нет... кажется, нет. Точно, нет (его пальцы запомнили бы прикосновение к чему-либо в мерзкой комнате). — Это... ваше?
Бывший партизан, бывший букинист берет со стола что-то очень маленькое, прячет. Наклоняется, смотрит вниз.

— Если я не перебил ему шейный позвонок, он сам довершил дело, упал прямо на голову. Хорошо бы его не хватились дня три... Вы где ходили тут?
— Как вошел, так и стоял под дулом. На этом месте.
— Хорошо. Погодите, выгляну... Выходите осторожно, идите по своим следам. Должны быть только мои следы. Если начнут искать сегодня-завтра, найдут мой лаз, побегают по лесу, выйдут на шоссе... Вы здесь в самое это время находились, часовой запомнил бы. Доказать, что вы сейчас в другом месте… кто-то из ваших друзей конечно подтвердил бы, но ложное алиби всегда ложный путь. Еще опасней.
— Кстати, насчет другого места...
Они крадутся к большому складу, конструкторскому бюро и роковому аппарату.
— Что вы теперь собираетесь делать?
— Прятаться. Как мне это надоело! Мои дела в этой жизни закончены. Эту девчушку я любил, когда-то любил ее бабушку. Она вышла замуж, когда я был на фронте, они жили, работали, у них родилась дочь, старшая сестра вашей нареченной. Женщина умерла, муж женился — вы их всех знаете, они хорошие люди. Я их не искал, узнал случайно, и не думаю, что мне стоит оставаться вблизи от них. Этот подлец узнал же. Исчезну и где-то доживу, Степана не буду тревожить. Бог привел дожить, что Сталин умер...
— ЧТО?!

— У вас там что, даже радио нет?
— Нет... пойдемте ко мне, Михаил, вы должны рассказать!.. А потом я вас спрячу там, где прятал мальчишек, и никто никогда вас не найдет, клянусь... что вы делаете?
Хитрость подпольщика или охотника. Вытаскивает из закутка с остатками строительства, где когда-то ботаник устроил фокус с пачкой от папирос, доски (две) и брезент (один большой). Бывший партизан из них выкладывает проход к лаборатории, которую как раз Асланян отмыкает. Проходит по доске, отбрасывает ее, другую доску и брезент втягивает за собой.
— Хотите, заварю чай? — спрашивает гостеприимный хозяин. — Вас эти тарелки удивляют?
Еще бы. Те ученые и конструкторы, которые их сделали, удивляются до сих пор.
И Асланян рассказывает ошеломленному воину историю, которая происходила в первой книге романа «Аргонавты времени».
— Это прошлое Земли. Этого быть не может. Но там можно жить.
— Ум кавалериста наук не вмещает. Но железо-то висит в воздухе, и его не сдвинешь. Как-то я читал в газете про буржуазные лженауки. Они же там не дураки, атомную бомбу изобрели, пенициллин... танк и самолет. Может и правда все не так просто? Почему бы нашим не открыть другое время? Вы говорили, там море?
— И горячий песок, и палатка на скале, к ней тропинка.
— Но... если я задержусь надолго? С вас же спросят за ценное изобретение?
— Проверка могла произойти в любой день, когда я с мальчишками *там* собирал гербарий... Этот необъяснимый артефакт *не висит* на мне; он записан где-то как незаконченный эксперимент. Если он исчезнет — кто его знает, может он и должен был со временем исчезнуть? Самопроизвольно растворился в космосе, распался на элементы. Мне иногда этого хотелось. Чего от него ждать, и чего ждать от человечества, если оно научится управлять, страшно сказать, временем?..
— Оно вернется в «до войны».
— Которой?..

Старый генерал ставит ногу в черную чугунную миску.
— Если я не вернусь вообще? Мне понравится, или я погибну?
— Мы этого никогда не узнаем... Постойте, брезент возьмите с собой! Пригодится! И доску!
— Счастливо оставаться!.. Поехали!

Роман закончен, и я чувствую внутреннюю пустоту

Старый профессор и двое мальчишек вынырнули из волшебного мира в страну, охваченную истерикой. Что-то огромное и страшное, но привычное, сдвинулось — и что будет с людьми, такими маленькими? — Всех начнут сажать... Американцы на нас нападут... Спекулянты скупают продукты!..
Но, как мы с вами знаем, все уладится. И у наших героев тоже. Юрковский и Дауге разыщут в безбрежных степях Казахстана Валькиных приемных родителей, поговорят с ними, обрадуют, тем более их старший сын освобожден и полностью реабилитирован, и привезут в Москву письмо на казахском языке.

Разберутся с документами, с побегом, с возвращением, с детдомом и РОНО, профессор получит кафедру на биофаке, давно заслуженного кандидата «по совокупности работ», со временем квартиру на Ленгорах, женится, усыновит Карена, Карен закончит школу (наполовину экстерном), поступит на биофак и т.д.
Валька Аргунов поступит в специальный техникум для авиаконструкторов, сразу же заодно в КБ ракетостроения — но, конечно, при первой возможности съездит к приемным родителям. Ему организуют бронь, и со временем он будет работать на Байконуре, не том, который инспектировали наши инженеры, а в теперешнем, поблизости от Сыр-Дарьи, он и теперь исправно травит многострадальную реку. Тогда еще рядом было Аральское море...
Студент Карен Асланян со своими приемными родителями тоже побывает в Казахстане...
Да, это было время надежд, они прорастали как сквозь трещины в асфальте, и молодые ученые, аспиранты, студенты, видели себя творцами новой эры. Романтики мы были тогда. Еще бы! Тур Хейердал уже высадился на берег атолла Рароиа, Жак-Ив Кусто уже провел 20 минут под водой, Гарун Тазиев уже видел извержение вулкана.

Человек никак не успокоится,
Все судьбу пытает и пытает.
Под водой на хищных рыб охотится,
В лабиринтах под землей плутает.

То тропой таежной пробирается,
То сидит на льдине месяцами,
Или на плоту перебирается
Через океан под парусами...

А другой сидит у телевизора,
В чай макает тонкое печенье,
И глядит как будто даже с вызовом
На такого сорта приключения.

И когда его соседи-зрители
Затаят дыхание от ужаса,
Он шипит: мальчишество, - презрительно.
Он всегда боялся слова: Мужество...

...напишет немного спустя студент университета МГУ Олег Дмитриев. Почти неофициальный гимн естественников МГУ ...

А дальше... а дальше и теперь продолжается, и этот «Полдень XXI век» - не тот этот полдень, не могу я своим героям предложить такую жизнь. Т.е. жить-то можно, все живут, но ракетчикам точно тошно. Ботаники могут перебиться, они как трава выживают...

Ну, скажем, Карен Асланян может, начитавшись Семенова-Тяньшанского, закончить аспирантуру в КазГУ и осуществить мечту — издать Ботанический атлас Казахстана. Может, они его сейчас и составляют.

Гурген Сарбазович продолжает работать. Читает лекции, водит экскурсии. Написал книгу «Введение в моховедение» и еще несколько других. Сейчас он где-то недалеко, на биостанции в Лосином острове.

Где-то, в незабвенном недосягаемом прошлом, на берегу моря, почти в полосе прилива, застыли в воздухе две черные тарелки, одна над другой... они сделаны из какой-то случайной модификации материи, скорее всего невозможной в нашей вселенной. Она получилась случайно, и вряд ли получится еще раз. Сейчас Этот край материка Лавразии сдвинут, перемолот, переплавлен, смят в складки великой горной системы. Что, если удивительный артефакт сохранил себя в несокрушимом воздушном пузыре, в пещере, в самой толще гранита?
А может быть, рука Михаила Махова дрогнула, он коснулся не тех точек и...

Одно воспоминание тревожит иногда старого ученого. Когда он с ребятами возвращался из байдарочного похода, последнего их приключения в эоцене, в какой-то напряженый момент, когда и руки, и голова были заняты, он вдруг случайно, на четверть мига, оглянулся через плечо — и в разрыве зарослей увидел вершину идеальной пирамиды, освещенной солнцем... Потом, когда они смогли на чем-то закрепиться, он уже не нашел ни одного просвета в чаще. Скорее всего, ему показалось...